





Ключников С.Ю. Провозвестница эпохи огня (Повесть-исследование о Е.И.Рерих)

Провозвестница эпохи огня: (Повесть-исследование о Е.И. Рерих) / Сергей Ключников, 147, [1] с., [12] л. ил. ил. 20 см, Новосибирск Дет. лит. Сиб. отделение 1991

ISBN: 5-08-007515-5

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

Глава 1. Первый зов

Начало пути

Город юности

Встреча с Николаем Рерихом

Первые годы после замужества

Глава 2. Прикосновение вечности

Восточный «магнит»

Восток в «русской идее»

Весть Шамбалы

«...И жар божественных видений»

Глава 3. Годы странствий

Карельский период

Новый Свет

Трансгималайское путешествие

Московская миссия

Алтай

Снова в пути

Глава 4. Белая Индия

Кулу

Мир горний

Огненное откровение

Испитие чаши с ядом

Глава 5. Ступени бессмертия

Перед войной

Дар предвидения

Война

Калимпонг

Феномен личности

Основные даты жизни и деятельности Е.И.Рерих

* * *

Наиболее трудные, кризисные и драматические периоды в истории человечества почти всегда были ознаменованы появлением высоких духовных учений, откровений и провозвестий. Эти откровения не отрицали полностью предыдущих религиозных и нравственно-философских истин, но наполняли их новыми импульсами, придавая им более глубокое содержание, созвучное изменившейся эпохе. Пришедшие вслед за ветхозаветной мудростью заповеди Христа не отменили ее, но вывели из плоскости воздаяния на более высокий план любви и тем помогли исполниться глубинному закону бытия. В точности так же буддийское учение, заставившее потесниться брахманизм, утративший к тому времени живой эволюционный дух, не отвергло его идеи, но вдохнуло в них свежую энергию. Преемственность каждого нового учения по отношению к предыдущему выражалась в наличии единого круга идей, а также в общности источника и представлений о будущем. Все они говорили о высоком назначении человека, связанном с его восхождением к духовным мирам, постижением невидимых сфер вселенной и реализацией закона божественной любви. Учителя и провозвестники новых религий часто указывали на единый с предшествующим учением источник провозглашаемых знаний и называли его Абсолютом, Отцом или Небесной Иерархией. Все они очень сурово оценивали свои эпохи и говорили о нравственном кризисе человечества, погрязшего в гордыне и своекорыстии. Они сходились также в оценке, перспектив, ждущих планету: зло должно погибнуть, добро – расцвести, и мрачная эпоха тьмы и заблуждений смениться эрой торжества истины, света и красоты. Провозвестие, возвещенное в XX веке – Учение Живой Этики (Агни Йоги), связанное нитями преемственности и с восточными религиями, и с христианством, назвало эту эпоху «Эрой Огня».

Символ «огня» как очищающей и высветляющей божественной силы прошел сквозь все религии мира. Достаточно вспомнить библейское определение: «Бог есть огонь поядающий» или высокую патетику Вед, зороастризма, ислама, алхимии, повествующих об огне, который лежит в основании вселенной. Агни Йога рассматривает этот огонь как энергию, разлитую в каждом атоме космоса и сконцентрированную в человеке. В настоящий момент, когда и экологическая, и нравственная атмосфера на планете достигли максимально критического состояния, естественная реакция космоса проявляется в огненном воздействии на Землю, в приближении космических очищающих энергий. Сегодняшнее состояние Земли в Агни Йоге уподоблено тяжелой болезни, огненное воздействие и реакция космоса – хирургической операции, в результате которой будут сохранены здоровые органы и удалены больные. Энергия огня призвана остановить на планете разрушительные тенденции и очистить ее от всех видов, накопившихся за долгую историю человечества зла и дисгармонии, начиная от агрессивной эгоистической психологии и кончая техногенными проявлениями. Агни Йога утверждает, что, будучи сознательно воспринятой человеком огненная энергия превращается в духовную силу, энергетически обеспечивающую процесс эволюции.

Эти кажущиеся неискушенному человеку фантастическими знания о космическом огне и возможных в связи с его приближением планетных катастрофах с древнейших времен хранились в тайне. Они так и назывались эзотерическими, то есть тайными, известными лишь небольшому числу посвященных.

Сокровенная духовная традиция утверждает, что существовали специальные центры, ашрамы, школы, не только хранившие эти знания, но и стремящиеся содействовать эволюции человеческого сознания народов, наций и всей планеты.

Главный центр и средоточие этих эзотерических знаний, являющийся родиной огненной йоги, носит на Востоке имя священной Шамбалы.

Согласно мистическим учениям Индии и Тибета, Шамбала – это одно из самых высоких и почитаемых понятий Азии, в котором воплотилась мечта человечества о возможности существования Добра, Истины и Красоты на Земле. Однако те же учения утверждают, что Шамбалу нельзя считать одной лишь мечтой – она представляет собой реальный духовный центр планеты, расположенный в Гималаях и существующий там с незапамятных времен. Здесь, в удаленном от цивилизации горном регионе, находится община Великих Учителей Востока – Гималайских Махатм (что значит в переводе – «великие души»), а также их ближайших учеников и сотрудников.

Агни Йога утверждает, что все мировые откровения, религии и учения, а также приходившие на землю учителя, апостолы и пророки зримо и незримо были связаны с Шамбалой. Являясь неприступной твердыней, надежно защищенной от злой воли и пустого любопытства, Шамбала не является недостижимой для чистого человеческого сердца. Путь в Шамбалу и установление связи с нею необходимо, по словам Учения, искать не столько в географической области, сколько в духовной сфере. Он начинается с устремления к красоте, с желания постичь высшие истины бытия и зов к свету, звучащий в глубине сердца. Если зов к совершенству становится ведущим началом человеческой деятельности, а заветы Учения реализованы в системе конкретных поступков, называемой судьбой, то человек становится сотрудником Великих Учителей. При условии полной самоотверженности служения это сотрудничество постепенно восходит на более высокий уровень, и тогда человек может рассчитывать на установление прямых контактов со Старшими Братьями человечества, Гималайскими Махатмами. Иначе говоря, он становится, согласно Агни Йоге, учеником Белого Братства – содружества сил Света, простирающихся от земли в космическую беспредельность.

В процессе превращения обычного человека в сотрудника и ученика Белого Братства, способного исполнить ответственную Миссию, участвуют обе стороны: и сам человек, выбирающий Великих Учителей в качестве главных путеводных маяков, и Великие Учителя. Стремясь ускорить человеческую эволюцию, Махатмы избирают наиболее продвинутых в духовном отношении и устремленных к совершенству людей, во время ученичества помогают им подниматься по крутым ступеням познания, обучают их сокровенной науке жизни. Затем, когда их сознание созревает для высоких поручений, а истины прежних Учений извращаются человечеством, Учителя провозглашают через подобных учеников новое, соответствующее планетной ситуации Учение. Такое обнародованное через земных людей-посредников Учение выглядит для людей понятнее и убедительнее, чем если бы Великие Учителя, в существовании которых человечество в большинстве случаев сомневается, провозгласили его от своего имени. Агни Йога считает: подобный путь распространения Учения воплощает в себе важнейший эволюционный принцип наших дней – «руками и ногами человеческими», что весьма полезно для развития духовной самостоятельности и находчивости учеников.

Роль ученика – посредника Великих Учителей, благодаря деятельности которого Учение появляется на свет, не следует отождествлять с ролью медиума, автоматически регистрирующего идущие свыше откровения. Опубликованное Учение – результат совместного творчества Учителя и ученика, ибо Великие Учителя могут дать только ту часть хранимой ими истины, которую способен воспринять человек. Кроме того, ученику из всего объема полученных знаний доверяется сделать отбор материала, наиболее необходимого в настоящий момент людям и подлежащего публикации. Потому ученика, взявшегося осуществить труднейший подвиг глашатая учения, по праву можно считать соавтором Учителей, дающих человечеству Учение. Задача, стоящая перед подобным учеником, не ограничивается необходимостью провозгласить обновленную Истину, но предполагает, чтобы глашатай сам был столпом Учения, подтверждающим высоту огненного завета собственной жизнью. Те из учеников, кому удастся выполнение столь высоких миссий, навсегда вписывают свое имя в Пантеон мировой духовной культуры.

Такие подвижники, имеющие не только национальное, но и всемирное значение, были и в России. О жизни и личности одной из самых великих дочерей отечества, возвестившей наступление Эры Огня, наш рассказ.

Глава 1. Первый зов

«Жизнь полна зова, огонь приводит к вершинам тайн».

Листы сада Мории

Начало пути

Вся наша страна знает имя Николая Константиновича Рериха – крупнейшего художника, мыслителя, ученого, археолога, путешественника, общественного деятеля, горячего патриота отечества. Большим уважением в Советском Союзе пользуются имена его сыновей – Юрия и Святослава. Явление всей семьи Рерихов вице-президент Общества советско-индийской дружбы Е.П.Челышев назвал «уникальным явлением в мировой культуре». Справедливо высказывание биографа художника

П.Ф.Беликова о том, что «само имя Рерих давно уже приобрело собирательный характер». Однако жизнь и деятельность жены Николая Константиновича – Елены Ивановны до самого последнего времени оставались в тени, да и само ее имя, за исключением отдельных упоминаний в нашей печати, по сути дела было неизвестно широкой общественности. Даже сейчас, в эпоху гласности, разрешившей открытие любых имен, когда в свет вышли некоторые из ее работ и статьи, посвященные ее жизни и творчеству, до сих пор нет публикаций, подробно воссоздающих судьбу и системно рассматривающих наследие этой замечательной женщины. Очень хорошо необходимость подобных публикаций выразил еще сам Николай Константинович в своем очерке «Великий облик», посвященном жене:

«...сколько прекрасных, истинно великих обликов проходит в поучение человечеству вовсе не в каких-то седых веках, но тут, совсем близко. Казалось бы, эти облики своей осязаемостью и реальностью должны бы еще более воодушевлять многих. Но это случается редко.

И не только в каких-то официальных представительных должностях, но в скромной жизни сияют незабываемые, вдохновляющие облики. И лишь немногие понимают все их глубокое значение для человечества. Когда-то и как-то эти весы справедливости придут в равновесие, но все же странно, что люди сравнительно мало пользуются тем, что уже им предоставлено, щедро дано и могло бы быть широко использовано».

Духовное лидерство и ведущую роль Елены Ивановны в семье не раз подчеркивали и сыновья, и сам художник, посвятивший ей картину с одноименным названием – «Ведущая». Это лидерство было связано с тем, что Е.И.Рерих была выдающимся русским мыслителем XX века, еще не оцененным в полной мере; мыслителем особого подвижнического склада, сумевшим осуществить в своей философии духовный синтез. Ее главный жизненный и нравственный подвиг состоял в умении воспринять и донести до человечества сокровенное Учение Востока и Гималайских Махатм, соединив его с современными научными достижениями Запада. Четырнадцать книг этого нового Учения – Живой Этики, или Агни Йоги, навсегда обессмертили имя Елены Ивановны Рерих, хотя ее фамилия намеренно не ставилась на титульных листах томов. Убежденная сторонница принципа анонимности в творчестве, она считала, что океан восточной мудрости, излагаемой в Учении через посредника-ученика (к таким посредникам она относилась себя), не должен носить характер личного авторства и является общечеловеческим достоянием.

Книги Живой Этики, издаваемые в 20-30-е годы в Риге и в Западной Европе на русском языке, получили широкое распространение. Они были переведены с русского на многие европейские языки. Во всем мире, от Соединенных Штатов Америки до Японии, созданы общества по изучению основ Живой Этики. Советскому читателю книги Учения становятся известными лишь в самые последние годы.

Писать о Елене Ивановне трудно, во-первых, потому, что сведений о ней сохранилось очень мало¹ (она всегда избегала всяческой шумихи вокруг себя, стремясь оставаться в тени), а во-вторых, потому, что ее судьба, заставляющая переосмысливать сегодняшнее назначение женщины, по масштабу дерзновений и свершений не вмещается в размер обыденных представлений. В этой судьбе было все: и богатые внешние события – энергичные творческие свершения в самых различных областях, множество встреч с разнообразными человеческими судьбами, яркие путешествия, география которых охватывала несколько континентов, и не менее яркие путешествия мысли по неизвестным для большинства людей духовным сферам и культурам и, наконец, внутренняя жизнь великой интенсивности и полноты.

12 февраля 1879 года в Петербурге в дворянской семье Шапошниковых родилась дочь, названная родителями Еленой, что, как известно, в переводе с греческого означает зажженный факел, свет, огонь. (Кстати, дальнейшие биографические события подтвердили иногда проявляющуюся тонкую закономерность между именем и сущностью человека, ибо вся жизнь Елены Ивановны, и в прямом, и в переносном смысле связанная с огнем, была озарена высоким пламенем служения людям.) Отец девочки, Иван Иванович Шапошников, предок которого был бургомистром Риги еще при Петре Первом, окончил Академию Художеств и, постепенно поднимаясь по служебной лестнице, стал академиком архитектуры. Мать Елены, Екатерина Васильевна, принадлежала к старинному роду Голенищевых-Кутузовых, восходящему к Новгороду XIII века. К наиболее ярким и заметным представителям рода принадлежали великий русский полководец Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов (двоюродный дед Елены Ивановны), дочь полководца Екатерина Михайловна (в замужестве Хитрово), известная как друг Пушкина и хозяйка блистательного литературного салона, популярный поэт конца XIX века Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов и, наконец, гениальный русский композитор Модест Петрович Мусоргский (двоюродный дядя Е.И.Рерих).

Конечно, столь богатый генетический потенциал, духовные и культурные традиции рода не могли не отметить юную душу Елены Шапошниковой печатью одухотворенности и разнообразными творческими наклонностями. Рассматривая самые ранние годы жизни Елены Ивановны (хотя о них известно очень мало), можно видеть, что уже тогда в ее душе и характере, словно в зерне, были заложены многие наклонности и силы, которые впоследствии столь блестяще проявились и расцвели. Как писал о ней П.Ф.Беликов, «известно, что росла она живым и любознательным ребенком». Эта любознательность, помноженная на самостоятельность и целеустремленность при овладении новыми областями знаний, позволила ей с детства читать серьезные, «взрослые» книги художественного, исторического и духовно-философского характера, свободно говорить на четырех иностранных языках, прекрасно играть на фортепиано. С малых лет ей был присущ дар распознавания людей и примирения конфликтов.

¹ Среди немногочисленных источников нельзя не выделить превосходный, но, к сожалению, до сих пор неопубликованный труд П.Беликова «Семья Рерихов» (опыт духовной биографии).

Известно также (и это подтверждает

С.Н.Рерих), что она от рождения была одарена многими способностями, которые нередко относят к области «сверхъестественных сил» – ясновидением и яснослышанием. Свойство ощущать тонкие токи бытия проявилось у Елены в виде обостренного восприятия мировой истории, в зрелые годы ставшего почти пророческим. Уже на склоне лет, пройдя путь тяжелейших исторических испытаний XX века, она сама признавалась, что «от раннего детства находилась под гнетом предчувствия мировой катастрофы».

Ближайшими родственниками семьи Шапошниковых, в обществе которых с раннего детства и до замужества Елена Ивановна провела немало времени, были семьи родных сестер Екатерины Васильевны – Евдокии, Людмилы и Анастасии. Все четыре сестры были дружны с Мусоргским, который шутливо называл их «Додонский, Людонский, Катонский, Стасенский». Разговоры о Мусоргском, воспоминания о всегда интересных и веселых вечерах с ним среди Голенищевых-Кутузовых велись постоянно и постепенно стали семейной легендой, притягивающей юную Елену Ивановну к миру музыки. Она часто посещает дом своей тетки Екатерины Васильевны, напоминая, по свидетельствам современников, дом Ростовых в «Войне и мире» Льва Толстого. Екатерина Васильевна, окончившая Петербургскую консерваторию по классу пения, а затем выступавшая в Мариинском театре, с удовольствием стремилась передать свои знания и опыт детям родственников, в общении с которыми прошли детские и отроческие годы Елены Шапошниковой. Музичирование, праздники, участие в устройении домашних спектаклей, новогодние елки и летние поездки на дачу – словом, золотая атмосфера дворянского детства с его сгущенной культурностью, великолепно выраженная Блоком.

Одной примечательной особенностью Елены Ивановны уже с детства была ее роль скрытого лидера среди сверстников: в случае конфликтов и ссор друзья шли к девочке за советами и помощью. И почти всегда ей удавалось вовремя найденным словом примирения погасить детскую вражду.

Свое образование, качеством которого восхищались впоследствии многие отечественные и зарубежные сотрудники Рерихов, Елена Шапошникова начала с Мариинской женской гимназии. Учение давалось девочке легко. В сохранившейся в архивах выпускной ведомости об успехах и поведении учениц 1-го (т. е. последнего, заключительного) класса гимназии за 1895 год преобладают отличные отметки. Гимназия была окончена Еленой в 16-летнем возрасте с золотой медалью. Хотя столичное гимназическое образование давало знания на исключительно высоком уровне¹, целеустремленная и любознательная девушка много занималась самостоятельно. Она была прекрасно начитанна, хорошо знала русскую и европейскую литературу, погружалась в изучение истории религии и философии, пробовала себя в искусствах – с увлечением рисовала и продолжала, как сама, так и с помощью частных педагогов, начатые с малых лет музыкальные занятия. Дарование Елены в музыке было столь ярким, что домашние и учителя прочили ей блестящее будущее в фортепианном исполнительстве.

По завершении гимназического образования Елена Шапошникова поступает в Санкт-Петербургскую музыкальную школу. Директором школы был выпускник столичной консерватории, профессор игры на фортепиано И.А.Боровка.

¹ Современные американские ученые, недавно обобщившие весь опыт мировой педагогики, пришли к выводу, что наиболее качественно обучение было поставлено в русской гимназии.

Приметная фигура тогдашней музыкальной жизни Петербурга, учившийся у таких крупных музыкантов, как Ф.О.Лешетицкий (в свою очередь, ученик знаменитого Черни в Вене) и Ю.И.Иогансен, он долгое время работал в консерватории, но затем после конфликта с тогдашним ее ректором Рубинштейном уволился и основал свою частную музыкальную школу, просуществовавшую четверть века, вплоть до Февральской революции. Боровка лично занимался с молодой одаренной пианисткой. Школа имела солидный штат преподавателей и насыщенную учебную программу, включавшую в себя помимо музыкальных предметов – оперы, истории музыки, пения, всего комплекса фортепианных дисциплин – еще классы эстетики, танцы, лирическую декламацию, итальянский и английский языки. Учащиеся школы давали симфонические концерты, проводили в зимнем зале школы оперные спектакли, литературно-музыкальные вечера. Это делалось как в обычном порядке отчета и пробы сил перед публикой, так и, по свидетельству документов, «в пользу населения местностей, пострадавших от неурожая». Без сомнения, такая творческая концертная деятельность помогла оформиться музыкальному дарованию Елены и развивала ее лучшие человеческие качества.

Девушка с увлечением занималась в музыкальной школе. Упорный труд и напряжение иногда увенчивались творческими озарениями. Природное свойство Елены Шапошниковой – склонность к необычным психологическим переживаниям, приливам вдохновения, высоким экстатическим состояниям – чаще всего проявлялось во время музыкальных занятий. Об одном из таких случаев она сама рассказала через много лет:

«Однажды мне предстоял публичный экзамен, и я должна была исполнить несколько музыкальных произведений, в том числе прелюдию и фугу Баха. Но семейные обстоятельства так сложились, что я не смогла разучить самое трудное, именно, фугу Баха. Оставался всего один день до экзамена. В отчаянии я села за рояль, зная отлично, что в один день разучить и выучить наизусть Баха немыслимо, но все же решила сделать все, что в моих силах. Проиграв несколько раз по нотам, я решила испробовать насколько я могла запомнить, и тут свершилось чудо – вся фуга встала четко передо мною, и мои пальцы как бы сами заходили по клавишам, и от начала до конца, без единой ошибки, и с необычайным воодушевлением я проиграла и прелюдию, и фугу. Но помимо необычности такого мгновенного заучивания, когда я исполняла эту фугу на экзамене перед целым конклавом профессоров, я снова исполнилась особого вдохновения и удостоилась восторженного приветствия со стороны профессоров».

После окончания школы, одной из главных задач которой было выявление наиболее талантливых претендентов на получение высшего музыкального образования, Елена Шапошникова собиралась поступать в Петербургскую консерваторию.

Город юности

Человек развивается, слагается как личность не только в «малом», «семейном», мире (родные, близкие, друзья), но также в «среднем», «географическом» (улица, город, местность) и, наконец, в «большом», «историческом» (время, эпоха). Все эти три мира, пересекаясь в точке человеческого сознания, формируют и пробуждают к жизни его индивидуальность. Первые тридцать семь лет жизни Елены Ивановны (до 1916 года) были связаны с Петербургом.

Таинственный, «мистический» Петербург, бесстрашной волей царя-реформатора воздвигнутый на болотистом пустынном берегу Невы, имел, по мнению большинства его жителей, два лика, что и отразилось в противоречивых оценках современников. Пушкинское «Петра творенье», его «строгий, стройный вид», «странно-пошлый мир» Аполлона Григорьева, гоголевский «гром и блеск» Невского, которому – «не верьте!», ибо «все обман, все мечта, все не то, что кажется», горячечный, преступный, жалкий и великий Петербург Достоевского, блоковские «кабаки, переулки, извивы, электрический сон наяву»... Есть свидетельства, что Елена Ивановна, по натуре всегда устремленная в будущее, через много-много лет, уже находясь в Индии, мысленно с любовью возвращалась в родной город, где прошла первая половина жизни. Есть все основания думать, что так же, как у Гоголя, Достоевского, Блока, Андрея Белого, был свой Петербург и у Е.И.Рерих. Наверное, он виделся ей средоточием российской культуры и отечественных контрастов «дна», утонченного дворянского величия и русской дремотной тайны, казался столпом державной мощи и окном не только в Европу, но и в остальной огромный мир. зовущий к познанию и путешествиям.

Шапошниковы долго жили на улице Разъезжей, 23/30, а затем с 1899 года после смерти Ивана Ивановича, к которому Елена была очень близка, – на Лиговке, 19/38. Оба адреса находились неподалеку от Николаевского (ныне Московского) вокзала, откуда Елена Ивановна летом ездила на дачу в Бологое к родственникам. Дом на Разъезжей находился в довольно мрачном районе столицы, который принято считать Петербургом Достоевского. Можно только удивляться, как Елена Шапошникова, проведя детство, отрочество и юность в давящей атмосфере каменных дворов, лишенных зелени и простора, сформировалась при этом жизнерадостным, гармоничным и во всех смыслах здоровым человеком. По-видимому, она умела восполнять свою потребность в красоте и гармонии в других привлекательных для нее местах Петербурга. И одним из таких мест, весьма насыщенных в историко-культурном и эстетическом плане, наверняка была Музыкальная школа, находившаяся в самом центре города в доме графа Зубова по адресу: Невский проспект, 16. Буквально рядом со школой находилась знаменитая кондитерская Вольфа и Беранже, где 27 января 1837 года перед роковой дуэлью произошла встреча Пушкина со своим секундантом Данзасом. Неподалеку от Невского, 16 в здании голландской церкви размещалась редакция журнала «Отечественные записки». А напротив школы сиял своей красотой Строгановский дворец. Сама школа находилась в здании с очень интересной судьбой. Многие учреждения культуры арендовали его помещения. Посещая школьные музыкальные занятия, Елена Шапошникова вплоть до их завершения летом 1901 года могла быть на мероприятиях таких организаций, как Музыкально-историческое общество графа А.Д.Шереметьева, Петербургское общество музыкальных собраний, членами которого состояли А.К.Глазунов и Н.А.Римский-Корсаков, Литературно-художественный кружок имени Я.П.Полонского, возглавляемый вдовой поэта, а также знаменитым адвокатом А.Ф.Кони.

Но, может быть, наиболее интересным фактом в истории «музыкального дома» на Невском¹ было то, что здесь с 1898 по 1904 год проводились знаменитые еженедельные «Беляевские вечера». Не вызывает сомнений, что Елена Шапошникова хотя бы иногда ходила на эти известные всему Петербургу музыкальные мероприятия, проходившие в том же доме, где она несколько лет училась. Самое удивительное состоит в другом. В любой более или менее подробной биографии Н.К.Рериха засвидетельствован факт его посещений в годы юности вечеров, проводимых Митрофаном Петровичем Беляевым, крупным отечественным промышленником и музыкальным меценатом. Иными словами, и Николай Константинович, и Елена Ивановна примерно в одно и то же время посещали этот музыкальный салон еще до знакомства друг с другом. Может быть, привлеченные таинственным магнитом судьбы, они не раз сидели в одном зале, не подозревая, что рядом находится человек, который вскоре станет самым близким на земле.

Так в сердце юной Елены Ивановны постепенно входили живительные токи отечественной истории и культуры. Думается, что Петербург наложил отпечаток своей двойственной природы (где сплелись жесткие черты тяжелой, подавляющей человека державности и одновременно призрачной, словно вобравшей отсвет белых ночей ирреальности) и на чуткую душу Елены Шапошниковой. Не потому ли она уже с ранних лет стремилась к познанию тайн мира, к области загадочного и неизвестного и в то же время умела воспринимать жизнь и людей такими, какие они есть, ясно и трезво?

Время личностного формирования Елены Ивановны приходилось на последние два десятилетия XIX века. Эти годы в России, словно пронизанные отзвуком трагического выстрела, прервавшего жизнь царя-освободителя, и совпавшие по времени со сроком царствования Александра III, несмотря на хрестоматийное их определение как эпохи реакции, были годами вызревания в духовном самосознании интеллигенции нового миропонимания с его последующей грандиозной переоценкой ценностей. Старая русская классическая культура начинает все больше оттесняться новыми формами сознания, где частнопредпринимательские инстинкты причудливо смешиваются с различными поветриями декаданса. Грозное ожидание перемен и предощущение начала конца, что называется, носилось в воздухе, и Елена Ивановна, остро чувствуя его всем существом, внутренне все дальше отходит от господствующих ценностей своего круга. Однако родственники девушки, в особенности те из них, что принадлежали к высшему петербургскому свету, были весьма далеки от всяческого предчувствия грядущего переустройства мира. Круг общения князя Путятина – мужа тетки Елены Евдокии Васильевны (в их доме девушка проводила многие вечера), хотя и включал в себя людей искусства, но в большей степени здесь преобладали титулованные аристократы, банкиры, промышленники и землевладельцы – среда, где ценности светские явно предпочитались духовным. Поэтому непросто было юному и живому сознанию познать зов высокого жизненного предназначения, пробиться к пониманию истинных ценностей и не заблудиться среди ложных. Во взаимоотношениях Елены со средой все больше накапливался тонкий, внешне малозаметный, но ощутимый внутренне разлад. Интенсивное самообразование, напряженные духовные искания углубляло его.

По достижении известного возраста девушке того круга, к которому принадлежала Елена Ивановна, открывалась светская жизнь с балами, приемами и праздниками. Казалось бы, сама судьба подталкивала в накатанную колею «блистанья» и благополучия.

¹ Об этом подробно говорится в статье А.Н.Чесноковой в журнале «Ленинградская панорама», 1988, № 8.

Признанная красавица, Елена Шапошникова имела большой успех в свете и привлекала всеобщее внимание. Вот портрет ее тех лет, до замужества, нарисованный младшей современницей:

«Полная изящества, женственности, грации и какого-то внутреннего обаяния всего ее облика, она невольно притягивала к себе все взоры. У нее были роскошные светло-каштановые, с золотым отливом волосы и пышная прическа по моде того времени, прелестный небольшой ротик, жемчужные зубы и ямочки на щеках; когда она улыбалась, а улыбалась она часто, все лицо ее освещалось теплом и лаской. Но что было самое примечательное в ее лице – это ее глаза, темно-карие, почти черные, миндалевидные, продолговатые, как бывают у испанок, но с другим выражением. Это были лучезарные очи с длинными ресницами, как опахала, и необычайно мягким, теплым, излучающим сияние взглядом.

В ней было какое-то очарование, шарм и необычайная женственность всего ее облика. Любила наряды, всегда по последней моде одетая, очень элегантная, носила серьги, ожерелья и вообще драгоценные украшения. В ней было сильно развито чувство красоты, которой она всюду проявляла как своим внешним обликом, так и своим внутренним содержанием».

Восемнадцати-двадцатилетнюю Елену Шапошникову отмечали безупречные манеры, деликатность, такт, сдержанность, сочетавшаяся с общительностью. Ее мечтательность и романтический настрой несколько не мешали четкому распознаванию жизненных обстоятельств, твердости в решениях и определенности в поступках. Среди ее черт следует отметить ясный ум, хорошо развитую логику, находчивость в конфликтных ситуациях, возрастающую способность к миротворчеству, проницательность в отношении людей, умение увидеть за их светской любезностью истинные пружины поведения. Одновременно с этим ей (погруженной в атмосферу общества, подспудно разьедаемого нарастающим нигилизмом и кризисом веры) удалось сберечь в себе веру в человека и основы духовной взаимопомощи. Постоянно, с раннего детства мечтала она о создании женской общины сестер-подвижниц, которые могли бы бескорыстно служить людям.

Естественно, что магнит красоты и обаяния Елены Ивановны притягивал многих: нередко ей делали предложения руки и сердца, сулившие очень выгодные партии. В свете было немало завистниц ее положению. Но она, хотя и отдавала светской жизни какую-то внешнюю дань и посещала балы, все же продолжала удивлять окружающих и самостоятельностью, и видимым безрассудством поступков. Родные и знакомые были в большом недоумении, когда она отказала просившему ее руки блестящему молодому человеку, миллионеру и наследнику крупного пароходства на Волге.

Действительно, духовные ориентиры Елены Ивановны уже в юности были столь высоки и серьезны, а предощущение служения иной задаче – столь явно, что светские «магниты» не могли ее увлечь. Сказывался и юношеский романтизм. Современники вспоминали, что она всегда имела вид «наблюдающей жизнь, ищущей чего-то другого, более вдохновенного, более глубокого содержания». Потому, по тем же воспоминаниям, «на балах она мало танцевала, больше сидела где-нибудь в конце зала», словно ожидая какой-то перемены или встречи. Но на самом деле не простое томительное ожидание «новизны», но глубокая скрытая внутренняя работа – вот что определяло тогда ее душевное состояние. Николай Константинович впоследствии емко обозначил суть этого процесса: «среди шумного, казалось бы, развлекающего обихода самосоздается глубокое, словно бы давно уже законченное мирозерцание».

Замужество даже для мыслящей русской дворянки того времени было едва ли не единственным способом творческой самореализации. По словам тех, кто близки знал Елену Ивановну в годы молодости, она приняла серьезное жизненное решение – выйти замуж за человека высокого художественного таланта, чтобы бескорыстно служить ему и вдохновлять на великие цели. По светской логике такие мечты расценивались как утопия и блажь. Но Елена Ивановна подходила к жизни с совершенно иной логикой и мерками. Через много лет в книге «Зов», открывающей серию Живой Этики, появились слова, которые с достаточной уверенностью можно отнести к облику юной Елены Ивановны:

«Когда девушка вечерами и ночами стремится принести пользу Миру, когда она мечтает о несказанном, прекрасном и высоком, далеко ли это от жизни? Если эти мечты прекрасны, не будет ли прекрасен и ответ на них?» Сумев пронести сквозь сутолоку столичного света свою прекрасную мечту о совместном служении Миру с близким по духу человеком, она дождалась ее исполнения.

Сегодня остается только гадать, как протекала самостоятельно проделанная Еленой Ивановной внутренняя работа к моменту встречи с художником. Ясно одно – без этого большого душевного труда дальнейший совместный путь обоих Рерихов был бы затруднен. И что еще очень важно – противостояние Елены тонкому гнету среды, света, окружения никогда не было болезненным и надломным. Во всех своих поступках и духовных проявлениях она отличалась удивительной гармоничностью и цельностью облика. Именно эту внутреннюю складность и красоту ее души зорким взглядом живописца отметил Рерих, вскоре после знакомства назвавший ее Ладой.

Встреча с Николаем Рерихом

Время летнего отдыха Елена Ивановна вместе с многочисленной родней обычно проводила в своем любимом месте – имении князя Путятина и Евдокии Васильевны, которое находилось в Бологом Новгородской губернии на берегу живописного озера. Здесь в обществе двоюродных братьев и сестер она с удовольствием стряхивала с себя оцепенение петербургской зимы с ее сыростью и напряженным темпом жизни и впитывала целительные силы природы. И вот однажды, возвращаясь с прогулки, она заметила в приходе дома скромно одетого человека, ожидавшего князя. Как оказалось, это был молодой, но уже известный в столичных художественных кругах живописец Николай Рерих, приехавший по делам раскопки курганов к Путятину, члену Петербургского археологического общества. Князь был в отъезде и задержался, поэтому художник, ожидая его, провел в усадьбе несколько дней. Вынужденная пауза оказалась решающей для судеб молодых людей. Время пролетело для Рериха в оживленном общении с Еленой Ивановной. Красота, тонкость, ум и такт девушки произвели на него глубокое впечатление. Встречи и беседы оставляли пронзительное чувство внутреннего родства и общности устремлений. Художник был взволнован вниманием, проявленным новой знакомой к его творчеству и поискам, она же благодаря встрече обрела, наконец, долгожданный выход из «светского плена» в мир высокого искусства.

Дневник Рериха и сохранившаяся переписка доносят до нас многое из жизни и взаимоотношений Елены Ивановны и Николая Константиновича двухлетнего досвадебного периода. Рождение любви редкой чистоты и взаимности, которая, пройдя через горнило многолетних испытаний и трудов, в зрелом возрасте стала еще более светлой и нерушимой, сопровождалось, однако, поначалу и колебаниями, и тревогами, и сомнениями. В первые месяцы знакомства, продолженного осенью в Петербурге, Рерих, дороживший своей творческой свободой, делает беспокойную запись в дневнике: «Сегодня была Е.И. в мастерской. Боюсь за себя – в ней очень много хорошего». Но чуть позже запись уже другой тональности: он признается себе, что хочет видеть Елену Ивановну «как можно чаще».

В 1900 году, в известной анкете, предложенной ему сестрами Шнейдер, салон которых он посещал, на вопрос о самом любимом женском имени Николай Константинович решительно называет имя «Елена». В том же году он делает избраннице своего сердца предложение и получает согласие.

Предполагаемый срок свадьбы пришлось отодвинуть на год – это было связано со смертью отца художника и необходимостью привести в порядок финансовые дела, а также с поездкой Рериха за границу для завершения художественного образования. Вначале намечалось превратить эту поездку в совместное свадебное путешествие. Счастливые молодые люди, не замыкаясь в сфере личных чувств, думают о совместном будущем как о творческой взаимоподдержке. Художник пишет невесте:

«Опять думал о нашем будущем заграничном житье и все более восторгаюсь им. Мы на покое укрепим нашу технику (имеется в виду живопись и игра на фортепиано. – С.К.), совместно проштудировав всю историю живописи и музыки, а также наиболее важные философии... И таким образом проработав год, мы вернемся домой во всеоружии, более близкие к выполнению нашей задачи...»

По тем же причинам, совместной поездки не получилось, и Рерих поехал за границу один.

В письмах из Парижа сквозит чувство тоски и тревоги, наполнявших сердце художника, разлученного с любимой. Ряд высказываний Николая Константиновича в письмах показывает, что он с самого начала своей безошибочной художественной интуицией почувствовал в незаурядной натуре невесты ту Ведущую, которой он в будущем за успешное духовное водительство посвятит картину, именно так и названную:

«Без Тебя не сдвинуть этих громад, висящих надо мною. Помнишь ли в сказке... требовалась молитва чистой девушки, чтобы спасти кого-то откуда-то. Чистая женщина невидимой рукой ведет мужчину далеко».

«Как я горжусь, что Ты подала мне руку именно на этом слове «бороться»!»

«...Ты поведешь меня вперед!»

«Я верю, что Ты явилась, чтобы дать мне новые силы... и помочь в жизненной битве».

Приступы потери веры в свои силы, иногда посещавшие Елену Ивановну, имели исток не только в разлуке с любимым человеком, но и во влиянии родственников, называвших все планы совместного устройства жизни, построенные Рерихом, «несносными химерами». Они подвергали художника всевозможной критике, стараясь принизить его в глазах девушки. С целью помешать предстоящему браку они все активнее старались увлечь девушку круговертью светской жизни, усиленно внушали ей, что она не более чем женщина и потому должна следовать примеру окружающих дам. Улавливая отголоски этих влияний в ее письмах, Рерих старался вдохнуть в нее уверенность в высоком предназначении, о котором она пока еще смутно догадывалась. Он писал ей:

«...Для наших успехов мы сами не должны считать себя заурядными людьми, – тогда пропадет смелость и уверенность, а без этих качеств никакого города не возьмешь... По счастью, мой обыденный человек, дух еще царит над практикой и до той поры и думать не смей о своей обыденности, и думай сколько разнообразных счастливых чувствований можешь ты дать человеку и среди общей радости создать и свою».

Было бы не слишком правильным идеализировать духовную прозорливость молодых людей, каждый из которых к моменту встречи прошел известную часть пути к постижению законов бытия самостоятельно. Не стоит приписывать юной Елене Шапошниковой строгий трудовой образ жизни, просветленную мудрость и другие уже зрелые ее качества. В ранний период были и «девичья рассеянность» («забрасывание музыки»), за что упрекал невесту художник, и чувство удовольствия от успехов в обществе, и подверженность чересчур «светским» и чересчур «практическим» влияниям родственников. Но было главное, что помогло Елене Ивановне и Николаю Константиновичу преодолеть все жизненные преграды на пути к счастливому союзу, – высота сердец, подлинность их единства, самостоятельность принимаемых решений.

В итоге, по возвращении Рериха из заграницы, несмотря на сопротивление всего клана Голенищевых-Кутузовых, недовольных скромным финансовым положением художника, молодые люди твердо решили связать свои судьбы. И 28 октября 1901 года в церкви Академии Художеств на Васильевском острове состоялось венчание. Две устремленные жизни слились, подобно платоновским половинчатым душам, в единое целое. С этого момента биографии каждого можно рассматривать как общую биографию семьи Рерихов.

Первые годы после замужества

После свадьбы супруги вначале поселяются на квартире матери Рериха. Потом немало пришлось и «покочевать», по квартирам, словно бы предвзято грядущие многочисленные путешествия. Жили на 16-й Линии Васильевского острова, затем на Галерной улице, после вновь вернулись на Васильевский, теперь уже на 4-ю Линию, пока, наконец, в 1906 году не обрели постоянный адрес на Мойке.

В августе 1902 года в семье родился первенец, названный Юрием – будущий всемирно известный востоковед; а в октябре 1904 года – второй сын, Святослав пошел за отцом стезею живописи. Труд воспитания детей мать сумела превратить в увлекательный и радостный процесс созидания детского характера. «Вы – луки, из которых ваши дети, как живые стрелы, посланы вперед» – слова эти замечательного арабского писателя Джебрана Халиль Джебрана можно поставить как бы девизом рериховских основ воспитания. В метафоре отражена лишь суть, или даже результат влияния родителей, сумевших задать высокую и верную траекторию жизненного пути, направить устремление полета юных душ к нравственным вершинам. Но на деле воспитание проходило отнюдь не с линейной заданностью: чтобы «стрела» призвания точно попала в цель, недостаточно было одной дисциплины, предполагалось также постижение искусства свободы полета...

«Рериховский» подход к детям заключался в том, чтобы помочь каждому ребенку открыть себя, выявить у него доминирующие интересы и склонности, создать наиболее благоприятные условия для их развития. Вместо кажущихся неизбежными в этом возрасте запретов действовал принцип, основанный на переключении внимания с вредных или ненужных увлечений и объектов на полезные и необходимые. Елена Ивановна много читала детям, занималась с ними иностранными языками и музыкой, брала с собой в музеи, возила на лучшие концерты и выставки. Летом семья иногда бывала за границей, обычно в Швейцарии, где новые впечатления раздвигали детский кругозор. Рерихи широко вводили детей в мир картинных галерей и выставочных залов, как зарубежных, так и отечественных. Каждый из мальчиков рисовал, пробуя писать с натуры и копировать работы отца. Немалое место в жизни семьи занимал театр, посещать который любили и юное, и старшее поколение. Это увлечение вылилось в создание детского домашнего театра, где ставились спектакли классиков драматургии, причем костюмы и декорации создавали сами дети.

Такая забота и условия помогли, по единодушному признанию сыновей, не только быстрому усвоению основ мировой культуры, но и раннему профессиональному самоопределению. «Мы были с детства окружены мыслями Елены Ивановны и Николая Константиновича», – с особой теплотой и благодарностью вспоминает Святослав Николаевич. Именно эта внимательная любящая мысль родителей позволила им быстро выявить разные сферы увлечения у детей: если Юрий с самого начала тяготел к филологии, лингвистике, военной истории, то Святослава интересовала живопись, ботаника, собирание минералов и трав. Заметив, что один предпочитает исторические романы о полководцах, а другой – литературу о путешествиях, природе и древних животных, Елена Ивановна старалась мягко и ненавязчиво руководить этим процессом, помогая в выборе необходимых произведений. В знаменитой гимназии Мая, куда дети направились по стопам отца, наметившаяся специализация была продолжена. Юрий начал заниматься у известных русских востоковедов, а Святослав брал уроки живописи, изучал такие виды искусства, как архитектура и балет, осваивал естественные науки.

Постепенно, в достаточно раннем возрасте, дети стали самостоятельными и зрелыми помощниками в нелегком деле, начатом родителями.

Забота о доме и детях не обернулась у молодой женщины, как это нередко случается, всепоглощающей погруженностью в быт и не исчерпала, да и не могла исчерпать духовного и творческого потенциала Елены Ивановны Рерих. Наоборот, роль ее, как вдохновительницы гениального художника, с каждым прожитым годом все глубже проявляется в творчестве мужа. Она поддерживает все его начинания, вникает во все дела. В 1903-1904 годах супруги совершают путешествие по русским городам: художник в напряженном поиске истоков национальной истории и культуры. Кострома, Казань, Нижний Новгород, Псков, Ростов Великий, Смоленск, Суздаль, Владимир, Ярославль, Углич, Тверь – всего не менее сорока городов за два года. Во время путешествий Елена Ивановна вполне профессионально освоила искусство фотографии, снимая церкви, памятники архитектуры, их роспись и орнамент. Часть снимков, сделанных ею в поездке по России и Прибалтике, была впоследствии использована И.Э.Грабарем в его «Иллюстрированной истории искусства».

Помимо этого, занятия Елена Ивановна овладевает также мастерством реставратора. Рерих вспоминал позже ряд случаев, когда ей удалось открыть на некоторых холстах «под слоем позднейшей мази» шедевры великих мастеров. Так, совместно, супругами были обнаружены работы Ван Орлея, Брейгеля, Рубенса, Ван Дейка. Большое художественное чутье проявляет Елена Ивановна в роли коллекционера произведений искусства и предметов старины. Рерихов часто можно было видеть в антикварных магазинах и на художественных аукционах. Постепенно сложилась превосходная семейная коллекция – свыше 300 произведений, переданная после революции супругами в Эрмитаж.

Письма Елены Ивановны к Николаю Константиновичу тех лет говорят и о ее отличной осведомленности в археологии. Почти каждое лето выезжает она с художником на раскопки (обычно в Новгородскую и Тверскую губернии), участвует во всех мужских работах. Современница, близко знавшая ее, вспоминает об этом факте со смешанным чувством недоумения и уважения: «С самого первого года замужества она проводила лето на раскопках в Новгородской губернии, живя с ним (Рерихом. – С.К.) в землянках, просто одетая, как того требовала их совместная работа, на удивление всех родных ее, которые не понимали, как она могла мириться с такими, на раскопках, первобытными условиями жизни». Кстати, сын Юрий родился в одной из таких поездок, прямо в походных условиях.

Необходимо сказать, что в критических жизненных ситуациях Елена Ивановна проявила удивительные для молодой женщины бесстрашие и хладнокровие. Николай Константинович упоминает несколько случаев проявленной ею смелости, особо останавливаясь на одном:

«Однажды... посреди бурного Новгородского озера потекла лодка. Вода быстро прибывала. Пробовали заткнуть течь – не помогло! А ветер крепчал. Гребцы сумрачно переглядывались. Один греб изо всех сил, другой вместе с нами двумя откачивал воду. «Не доедем».

«Говорил, нужно было взять у Кузьмы новую лодку». «Не доехать. Сиверко захлестывает». «А плавать умеете?» «Нет, не умеем». «Ну, тогда еще хуже».

Моя милая Лада и тут проявила твердость и спокойствие.

«Все-таки глупо тонуть», – только и сказала, а сама работала не хуже гребца. Вот у кого учиться мужеству. И почему это слово от мужа, когда пример часто идет от женщины?

...Не прошло и часу, как мы причалили к илистой косе».

Воспитывая детей, Рерихи воспитывали друг друга. На первых порах в силу возрастного старшинства, большей образованности и жизненного опыта роль духовного главы семьи принадлежала Николаю Константиновичу. Он помогал жене в выборе книг для чтения, побуждал продолжать занятия музыкой, развеивал сомнения в творческих силах. Чутко впитывая советы, Елена Ивановна и сама влияла на мужа.

Юношеские дневники Николая Рериха говорят нам и о сильном честолюбии молодого художника, и о его излишне самолюбивых чертах характера, доходящих до неприятия всякой критики в свой адрес, что многим затрудняло контакты с ним. Зрелый Рерих предстает перед нами человеком большой самоотверженности, терпимости, с колоссальным кругом общения и непобедимым обаянием. Нередко он привлекал к себе людей совершенно противоположных группировок и лагерей. Зная миротворческий талант Николая Константиновича, друзья поручали ему улаживать самые запутанные вопросы и конфликты, за разрешение которых уже никто не брался, – и почти всегда получали благой результат. И трудно уже было предположить в нем острые углы характера и бывшие вспышки самолюбия, – они переплавились в нещадном огне самосозидания, побежденные духовным усилием и волей к добру.

Не многие знали, что в этой «огранке» души и характере Николая Константиновича огромную роль сыграла жена его, названная им Лада, сумевшая «принести помощь, ободрить, разъяснить, не жалея сил», смягчить жесткую мужскую волю красотой, гармонией, любовью.

Какую роль сыграли первые годы семейной жизни в воспитании и подготовке духа Елены Ивановны к последующей высокой миссии? Пружиной внутреннего развития молодой женщины стал закон естественного следования судьбе. Такая естественность, конечно, ни в коем случае не предполагала пассивного подчинения жизненному потоку. Экзюпери говорил: единственный способ поладить со своей совестью – это не уклоняться от страданий, идти им навстречу. Доверие сужденной судьбе как лучшему скульптору духа было в высшей мере свойственно и Елене Ивановне. Старательно, последовательно и терпеливо овладевала она самыми обычными житейскими умениями, не минуя ни одной предназначенной судьбою обязанности, напротив, стремясь исполнить каждое действие как можно красивее и совершеннее. И при этом – никакой искусственности, насильственности, лишь стремительное движение к постепенно проясняющейся цели.

Хранительница очага, любящая мать, спутница и вдохновительница мужа – вечными ступенями женской судьбы поднималась Елена Ивановна, и в таком постепенном подъеме и состояла ее подготовка к главному делу жизни.

В 1906 году Рерихи, как уже говорилось, переезжают на Мойку, в квартиру, которая располагалась в здании Общества поощрения художеств, куда Николай Константинович был назначен директором художественной школы. В этом сером каменном доме с винтовой лестницей супруги прожили их последнее петербургское десятилетие. Оно прошло под знаком напряженных творческих исканий, участия в общественных и культурных движениях, дружбы и общения с интереснейшими людьми того времени. «На наших глазах, – писал Рерих, – были Менделеев, Ключевский, Невелик, Костомаров, Стасов, Владимир Соловьев. Тут около были Бородин, Римский-Корсаков, Глазунов, Лядов». Среди друзей и знакомых семьи Рерихов – Серов, Васнецов, Врубель, Дягилев, Стравинский, Сергей Соловьев, Городецкий, Ремизов, Леонид Андреев, Блок, Клюев, Горький, Андрей Белый. Рерихи в курсе всех отечественных интеллектуальных и духовных направлений и веяний эпохи.

Елену Ивановну, большую любительницу чтения еще с детства, в эти годы можно было часто встретить в книжных лавках и букинистических магазинах. Семейная библиотека пополняется серьезными и ценными изданиями. Большой радостью для обоих Рерихов окажется приобретение вышедшего в русском переводе сборника Рабиндраната Тагора «Гитанджали». Быстро сделавшуюся редкостью книгу индийского поэта-мыслителя Елена Ивановна сумела отыскать в «букинисте» на Мойке. Пройдут годы, и заочное знакомство с автором «Гитанджали» увенчается личной встречей с ним, и он станет другом семьи.

Рерихи совершают несколько поездок в Смоленскую губернию, в Талашкино, – там находилось поместье известной собирательницы предметов искусства княгини Марии Клавдиевны Тенишевой. Княгиня, помимо собирательства предметов, любила собирать вокруг себя талантливых русских художников. Ее поместье было своеобразным центром эстетического и идейного формирования мастеров кисти, и Рерих, стремительно набиравший в те годы мастерство и признание, конечно, не мог миновать внимательного взгляда Тенишевой. Позднее Мария Клавдиевна приглашает его для росписи талашкинской церкви. Вместе с княгиней Рерихи разрабатывают программу школы искусств для крестьянских детей, имея целью создать школу-общину (еще одно свидетельство близости к толстовским идеалам!). Цепкая память Николая Константиновича сохранила фразу восторга, вырвавшуюся у его жены после посещения Тенишевой: «Вот уж истинная Марфа Посадница. И сколько в ней сил и строгости!»

Художественные занятия и активная общественная деятельность не могут заглушить непреодолимого тяготения супругов к миру таинственного. Они проявляют интерес к загадочным и «тонким» проявлениям человеческой психологии, считая, что проникновение в нее может помочь найти ключ ко многим тайнам бытия. Елена Ивановна следит за всеми проявляющимися в обществе формами интереса к «тонкой» сфере с ее гипнотизмом, месмеризмом, волевым самовнушением, личным магнетизмом и прочими «окультными» феноменами. Быстрое разочарование в легкомыслии и спекулятивном подходе большинства занимающихся подобными вещами людей не погасило огонь увлеченности, хотя и внушило известную долю критичности. Рерихи общаются с некоторыми известными в то время «ясновидящими», которые, бесспорно, не были шарлатанами, но обладали определенными «тонкими» умениями. В попытках понять сущность этих феноменов, а также разобраться в природе собственных сходных переживаний Елена Ивановна вместе с Николаем Константиновичем обращаются к знаменитому русскому физиологу и психиатру Бехтереву, который был довольно близок их семье.

Глава 2. Прикосновение Вечности

«Зов любви приносит ответ Возлюбленного».

Листы сада Мории

*«Проследите, как на Востоке произносится слово Шамбала.
Попытайтесь хотя бы немного проникнуть в идеологию
этого понятия. Попробуйте понять ритм построения речи о
Шамбале, и вы ощутите великую реальность, которая
потрясет струны человечества».*
Община

Восточный магнит

Один из главных признаков внутреннего настроя Елены Ивановны Рерих в те годы – ее нарастающий интерес к Востоку и восточной философии, в которой она все больше находила философское объяснение «тонким» феноменам. Этот интерес поддерживался многими идущими из древности и свято хранимыми семейными преданиями. Дело в том, что одна из ветвей рода Голенищевых-Кутузовых была связана родственными узами с ханами Золотой Орды. В родословной Елены Ивановны зафиксирован факт венчания московской барыни Марии Алексеевны Голенищевой-Кутузовой в 1553 году с касимовским царем, получившим при крещении христианское имя Симеон (такие браки поощрялись русскими государями, привлекавшими в ту пору выходцев из знатных татарских родов к делам управления страной). Другое, более позднее сведение относилось к дяде Елены Ивановны. Николай Константинович упоминает об этом загадочном родственнике своей жены, который «в середине прошлого столетия отправился в Индию, затем он появился в прекрасном раджапутанском костюме на придворном балу в Питере и опять уехал в Индию. С тех пор о нем и не слыхали». И наконец еще одно важное свидетельство Елены Ивановны, касавшееся родовых связей ее семьи с графом Воронцовым, интереснейшей фигурой русской истории, который, по некоторым данным; совершил длительное путешествие по Индии и вообще был посвящен в мистические традиции Востока. Елена Ивановна, владевшая некоторыми ритуальными предметами Воронцова, вспоминала также: «...в детстве я любила повторять отрывки привезенных им из Индии ритуальных напевов, каким-то образом дошедших до нашей семьи. Конечно, никто уже не помнил их происхождения и значения».

На первых порах увлечение Елены Ивановны Востоком выражалось в чтении экзотической литературы о путешествиях по Индии, напугавших книг «Йога Рамачараки» (американца Аткинсона), наивно-увлекательных романов о магах русской писательницы Веры Ивановны Крыжановской, более известной в то время под псевдонимом Рочестер. Затем наступила пора для проработки серьезных трудов, среди которых наибольшее впечатление произвели «Провозвестие Рамакришны», труды Вивекананды (самые известные среди них «Карма Йога», «Бхакти Йога», «Жнана Йога», «Раджа Йога»), «евангелие» индуизма «Бхагават Гита», духовно-философский трактат ламаизма «Лам-рим Чен-по», написанный тибетским реформатором буддизма Цзонкавой. Впоследствии Елена Ивановна назвала эти книги «своими первыми учителями».

С большой симпатией относились Рерихи к движению «Миссия Рамакришны», развернутому в 1897 году группой учеников этого выдающегося деятеля Индии во главе с Вивеканандой. Супруги предприняли ряд энергичных шагов по созданию в Петербурге специального Индийского музея и реализации проекта переноса буддийского храма в столицу.

Годы, предшествовавшие первой мировой войне, стали определенным рубежом в духовной эволюции обоих Рерихов. К этому времени Николай Константинович вырастает в крупнейшего художника и общественного деятеля национального значения. Творчество и жизненные задачи семьи становятся все более масштабными, наполненными глубины и зрелости. Рерихи, остро чувствуя приближающийся всеобщий кризис, понимают, что в изменившихся условиях больше невозможно жить и мыслить в рамках какой-нибудь одной группировки художественной интеллигенции или религиозно-философского общества, где занимаются, как метко определил в беседе с Рерихами Блок, разговорами «о Несказуемом». На первый план выдвигаются мысли о всеобщих, всемирных путях развития культуры, о судьбах человечества, новых путях его развития. Имея возможность непосредственно наблюдать, как многие одаренные и принадлежащие к интеллектуально-духовной элите русского общества люди связывают эти пути либо с легковесно-безответственным призывом разрушительной революционной стихии, либо с утверждением декадентских эстетских идеалов и субъективистских форм сознания, Елена Ивановна все больше проникается идеей, что расцвет культуры немыслим без реальных, основанных на синтезе знаний, без овладения наукой духовного преображения. Она отчетливо видит ограниченность традиционного европейского гуманизма, поставившего главным мерилем всех вещей индивидуальное, личностное начало, оторванное от мира как единого целого. Причину тупиковой ситуации эпохи она связывает с обнищанием духа и стандартизацией мышления большинства людей, устремившегося в ложном направлении механической цивилизации. Рассудочный европоцентризм многих образованных русских людей она воспринимает не только как досадный перекося развития, но и как самообольщение ума, чреватое грядущим возмездием.

«...Двадцатый век. Еще бездомней, еще страшнее жизни мгла...» Эти написанные позже строки Блока с необыкновенной точностью выразили тревожную музыку эпохи начала двадцатого столетия. Елена Ивановна остро чувствовала эту музыку, тем более что трагические оттенки времени и горечь утрат коснулись и ее внутреннего мира. Наступил 1910 год, унесший с собой жизни нескольких людей, близких Рерихам по духу. Одной из таких потерь была кончина Врубеля, родственного Елене Ивановне своим мистически-обостренным восприятием мира и неуловимой близостью к Востоку. Другая потеря – смерть учителя Николая Константиновича и в жизни, и в живописи – Архипа Ивановича Куинджи: к нему Елена Ивановна успела привязаться всем сердцем и всегда высоко почитала его яркую самобытную личность. И, наконец, третья утрата – завершение жизненного пути Толстого, которого она считала не только великим писателем, но и духовным ориентиром, «вехой на пути эволюции человека», совестью русской нации. Николай Константинович вспоминал, как жена первая принесла ему горестную весть, повторяя: «Не верится, не верится! Точно бы ушло что-то от России. Точно бы ограничилась жизнь».

А русское общество готовилось к худшим временам, думало о будущем и пыталось понять меру своей вины за прошлое. Предчувствие неизбежного возмездия за утерю интеллигенцией своего жизненного назначения и связи с народом, пожалуй, с наибольшей силой прозвучало у Блока.

Сходясь с великим поэтом в оценке настоящего, Елена Ивановна не разделяла настроений безысходности и трагично-гибельных оттенков его видения будущего. Так же, как и он, вместе с лучшими людьми страны искала она в глубине своего сердца выход из гнетущего кризиса. Так же, как и он, сохраняла она мужественное достоинство и бесстрашие, преодолевая сердечную боль от предчувствия мировых катастроф. И, однако в самой глубине ее существа разгоралась надежда и пробуждалось внутреннее знание, что гибель не является неизбежной и что спасительный выход есть. Постепенно надежда становилась отчетливой внутренней уверенностью и выстраданным пониманием: восходящее солнце Востока – вот тот духовный свет, что может вывести народы из лабиринта истории. Восток мыслился ей прежде всего, как хранитель древнейших знаний о той составляющей скрытую сущность человека «тонкой реальности», путь к познанию которой лежит через сложные системы духовной практики, и которая недостаточно учитывалась в европейской философии. Но и восточный, чисто созерцательный подход казался ей односторонним, если не опирался на лучшие достижения активной западной мысли и подвижнического опыта. При этом Елена Ивановна все яснее понимала синтетическую миссию России, самым ходом истории и географическим положением определенной быть «мостом» между Западом и Востоком, сердцем, соединяющим материальный и духовный полюс устремлений человечества.

Восток в «русской идее»

Обращение Рерихов к Востоку не было чужеродным явлением в русской культуре, как это могло показаться на первый взгляд, но опиралось на целую традицию отечественной мысли. Эта традиция представляет особый взгляд на Россию, особую оценку ее исторической роли во взаимоотношениях между Европой и Азией. Будет весьма интересно рассмотреть в этом смысле предшественников Рерихов в их движении на Восток, подробнее проследить его эволюцию.

Одним из первых, осознавших срединное положение России между Европой и Азией, был Карамзин. Его взгляды оказали влияние на последующих приверженцев и творцов «русской идеи». Общеизвестно сильное увлечение Востоком Пушкина и Лермонтова. Помимо излюбленного русской литературой «кавказского колорита», в значительной степени окрасившего сочинения двух русских поэтов, высокой патетикой Востока дышат такие шедевры Пушкина, как «Пророк», «Анчар», «Подражание корану», Лермонтова – «Демон», «Ветка Палестины», «Спор», «Три пальмы», «В полдневный жар в долине Дагестана». Под влиянием интереснейшего отечественного китаевода, путешественника и составителя истории Тибета Иакинфа Бичурина Пушкин очень готовился к поездке в Азию, мечтая побывать в Китае. Знаменательны слова Лермонтова, сказанные им незадолго до смерти: «Зачем нам все тянуться за Европой?.. Я многому научился у азиатов, и мне хотелось бы проникнуть в таинства азиатского мирозерцания».

Чрезвычайную роль Востока в духовно-историческом развитии нашего отечества признавали литераторы и мыслители славянофильского направления. «С Востока, – утверждал Иван Аксаков, – широкое поприще открывалось для зиждательства нашему национальному духу... Нельзя не видеть в этом поприще деятельности, открывшемся для русского национального духа, по направлению к Востоку, с самого начала бытия России не покинутом ею и до сих пор – особого, вселенско-исторического значения». Сходные мысли можно найти у Данилевского, братьев Киреевских, Самарина, высоко почитаемого Рерихами за самобытность и независимость духа Константина Леонтьева. Последний говорил: «Историческая связь наша с Востоком... до того жизненна, до того глубока, что всякое неведение, всякое непонимание наше может со временем, если не сейчас, отозваться вредно, сперва на внешней деятельности нашей, а потом и на внутренних наших делах».

Судьбоносную роль Азии в духовно-историческом развитии России видел Достоевский, автор глубочайшего и пророческого определения сути русского характера как «всемирной отзывчивости», близкий Елене Ивановне как яркий выразитель национальной идеи. Он утверждал: «...Россия не в одной только Европе, но и в Азии, и... в Азии может быть больше наших надежд, чем в Европе...» В последней предсмертной статье писателя мы видим «указующий перст», «страстно поднятый»: «А между тем Азия – да ведь это и впрямь может быть наш исход в нашем будущем – опять восклицаю я!»

О серьезном освоении духовно-философского наследия Востока Львом Толстым говорят многие его труды и прежде всего знаменитый «Круг чтения», где среди любимых художником высказываний множество восточных афоризмов. Толстого можно без преувеличения назвать крупнейшим в ту пору в России знатоком буддизма, если иметь в виду не столько книжную осведомленность в источниках, сколько проникновение в суть философии «освобождения». Кроме того, Лев Николаевич углубленно изучал Веды, Упанишады, Конфуция, Лао-Цзы, Шанкарачарью и современных ему подвижников Индии – Рамакришну, Вивекананду.

Органично переплавившее в себе элементы восточных учений с христианством мировоззрение Толстого получило силу обратного влияния на духовных учителей Востока, к примеру Ганди, быть может, большего, чем родное, индийское.

Владимира Соловьева, тяготевшего в разные периоды жизни к христианскому платонизму, трудно причислить к приверженцам восточного мирозерцания. Более того, в отдельных работах можно найти немало критического в адрес азиатского квиетизма. И все же восклицание: «Панмонголизм! Хотя имя дико, но мне ласкает слух оно» – вырвалось у русского мыслителя не случайно. Подтверждение – его путешествие в Египет, где и случилось с ним «самое значительное событие» его жизни, позднее великолепно описанное в поэме «Три свидания», а также одно из лучших программных стихотворений поэта-философа «Lux in oriente» («Свет с востока»). Н.К.Рерих оставил свидетельство о пристальном внимании Владимира Сергеевича к восточной мысли. Проблема безбожного человечества на Западе и бесчеловечного божества на Востоке разрешится в российском синтезе – эта любимейшая соловьевская идея не могла не быть близка Рерихам, как мыслителям, и, хотя сквозит в ней некое недопонимание, или, скорее, недооценка истины Востока, но самая суть ее весьма плодотворна. Не могло не импонировать супругам и то предпочтение, которое оказывал Вл. Соловьев индийскому Востоку перед турецко-исламским.

Особое место в «восточном» ответвлении русской мысли и формировании мировоззрения Елены Ивановны занимают произведения Елены Петровны Блаватской. На русском языке под псевдонимом Рада-Бай неоднократно издавались ее путевые очерки «Из пещер и дебрей Индостана», «Загадочные племена на голубых горах». По сию пору эти очерки можно считать лучшими книгами об Индии на русском языке. Восточные страны, где Блаватская провела много лет, приоткрыли ей свои сокровенные тайны, поверяемые ими в редчайших случаях даже местным мудрецам. Сюжеты книг составляют подлинные путешествия, встречи, шарлатанства и настоящие чудеса; герои – колдуны, факиры, йоги, философы и мудрецы Индии, ламы и священнослужители Тибета – все до единых реальных людей. Большая писательская удача Елены Петровны Блаватской – в органичном единстве серьезного и живо-увлекательного, философии и поэзии, мысли и образа, тайны и обыденности, цветистой роскоши стиля и его простоты – и в той естественной пропорции, в какой все это перемешано на Востоке.

Яркий изобразительный талант, новизна темы, страстный патриотизм, идущая от русской литературы традиция всечеловечности, проявляющаяся в умении проникнуть в сердце братского народа и показать нравственное превосходство коренных жителей Индии над англичанами – все это восхищало в Блаватской ее издателя-журналиста с монархическими взглядами Каткова, писателя Лескова, находившегося под впечатлением от религиозно-философских трактатов Востока (в его рассказе «Скоморох Панфалон» – эпиграф из Лао-Цзы). В повести «Интересные мужчины» Лесков писал: «Если вы читали, что... пишет о загадочных вещах наша соотечественница Рада-Бай, то вы, может быть, прислушались к тому, что она повествует «о психической силе» у индусов и о зависимости этой силы от «умственного настроения».

Глубина, достоверность и убедительность изложения привлекли к Блаватской внимание Елены Ивановны, став впоследствии и их творческим принципом. Позднее Рерихи, досконально изучив все изданные на английском труды Блаватской и историю возглавляемого ею теософского общества, сумели первыми в России в полной мере по достоинству оценить героическую фигуру, трудную судьбу и великий духовный подвиг Елены Петровны, принесшей человечеству свет эзотерических знаний.

Николай Константинович посвятил ей картину под названием «Вестник», а Елена Ивановна перевела с английского на русский ее капитальный двухтомный комpendиум космо- и антропогенезиса, рассмотренный в свете восточных философских учений, – «Тайную Доктрину».

XX век принес новую волну интереса к Востоку в среде творческой интеллигенции. Увлечение восточной литературой пережили Вячеслав Иванов, пробующий писать в стиле японской танка, Валерий Брюсов, мечтавший создать антологию поэзии всех времен и народов, куда вошли бы поэты Индии, Китая, Японии, Персии, Николай Гумилев, которого восхищала китайская поэзия. Максимилиан Волошин собирался после учебы в Париже, «отбросив все европейское» и оставив только человеческое, идти учиться к другим цивилизациям, «искать истины – в Индию и Китай», причем «идти не в качестве путешественника», а пилигримом, «пешком, с мешком за спиной, стараясь проникнуть в дух незнакомой сущности...» Восточные мотивы и влияния звучат в поэзии Бальмонта и Белого, который задумал написать трилогию под общим названием «Восток или Запад», в бунинской поздней прозе, в пришвинском «Черном арабе». Интенсивный и в высшей степени своеобразный поиск вели в этом направлении Николай Клюев и Велемир Хлебников. Первый, певец «Белой Индии» и «России в багдадском монисто с бедуинским изломом бровей», совершил в 1908-1910 годах несколько путешествий на Восток, доходя до Западного Китая и Тибета. Цели путешествий до сих пор не вполне ясны, но выводы Клюева неожиданно категоричны:

«Сгинь Запад – змея и блудница!

Нам сужденный отрок – Восток».

Бродил по пескам Северной Персии в первые годы революции, вдыхая пряные запахи Востока, и Велемир Хлебников. «Шагай через пустыню Азии, где блещет призрак Аза», – писал он, понимая под «Азом» первопричину сущего. А чего стоят его научные предвидения: «В пласте науки предвидится пласт азийский» или неожиданные для непрактичного странника политические призывы: «На кольцо европейских союзов можно ответить кольцом азиатских союзов – дружбой мусульман, китайцев и русских». Мережковский убеждал читателя, что в новом столетии нужно, не противопоставляя, по его мнению, на манер Петра I, Азию – Европе, попытаться соединить созерцательный мистицизм Востока с деятельной активностью Запада. И можно ли пройти мимо знаменитых «Скифов» Блока, воплотивших весь драматизм взаимоотношений «двух враждебных рас» – и несмотря на то, ставших высоким манифестом евразийского единения?! Чуть позднее Персией бредил Сергей Есенин...

Несколько забегая вперед, необходимо сказать, что уже после Октябрьских событий огонь устремления к Востоку, временно погасший в России после революции, вновь вспыхнул в эмигрантской среде, из которой выделилась группа литераторов, философов, историков, публицистов, экономистов, назвавшая себя евразийцами. К наиболее видным представителям евразийства принято относить Петра Савицкого, Георгия Вернадского (сына знаменитого академика), Георгия Флоровского, Льва Карсавина, Николая Трубецкого, Петра Сувчинского. Евразийцы считали, что Россию необходимо рассматривать как часть гигантского континента Евразии с особой, не похожей на западный путь, исторической судьбой. Они полагали также, что самые благоприятные возможности для отечества связаны с восточными влияниями, обогатившими этнический состав народов России и в конечном счете укрепивших русскую государственность.

Евразийское движение вело в ряде городов Европы – Париже, Праге, Белграде – активную пропагандистскую и литературную деятельность, имело свое издательство и было заметным, хотя и неоднозначно оцениваемым явлением в эмиграции. Елена Ивановна Рерих была знакома с евразийской литературой и положительно оценивала многие высказываемые в ней идеи.

Конечно, Рерихи хорошо знали своих устремленных к познанию Востока предшественников. Но даже те, перечисленные выше, произведения их младших современников, с которыми они не успели познакомиться, все равно оказывали на них свое влияние через атмосферу эпохи, стимулируя духовный поиск. Подытоживая культурно-исторический обзор родственных Рерихам исканий в среде гуманитарной интеллигенции, можно сделать вывод: русская культура выстрадала идею необходимости синтеза отечественной духовности с лучшими накоплениями Востока. Взгляды Николая Константиновича и Елены Ивановны, представлявшие собой кульминацию восточных устремлений русской мысли, развивались полужаком усвоения этого завета отечественной культуры, все больше осознаваемого ими как личный долг перед обществом.

Именно под влиянием могучего, вошедшего в сердце завета Рерихи начинают собирать сведения о том, как многие русские паломники-сектанты уходили искать неведомую страну справедливости и счастья в горах Алтая, в далекой Сибири, в Иерусалиме, в Индии и в Тибете. Кто-то, возвратившись, хранил молчание об увиденном, а кто-то, перейдя границу, навсегда терялся в безбрежных азийских просторах. Легенды о Беловодье были очень распространены среди старожилов Сибири и Алтая, писал Короленко. А Мельников-Печерский утверждал, что многие старообрядцы жили надеждой уйти в святые места на Восток, где находится обитель православных людей, в чистоте сохранивших свою веру. Он приводил случай, когда уральские казаки из секты «никудашников» упорно пытались найти эту таинственную страну. Не слушая отговорок, не смущаясь насмешками, они рвались в Индию, в Китай, в Японию, преодолевая всевозможные препятствия, а за советами ездили в Петербург к профессору востоковедения Ольденбургу.

Да, сведения о сектах были разрозненны. Но свод воедино всех собранных Рерихом источников привлек за собой вывод: «В песнях русских сектантов сказывались; целые санскритские песнопения, хотя и в очень искаженном виде». Другой вывод состоял в поразительном сходстве русских казацких и раскольничьих сказаний о Беловодье с восточными легендами и свидетельствами о священной стране Азии – Шамбале. Это слово отныне навсегда вошло в сознание Елены Ивановны и Николая Константиновича.

В поисках истоков тяготения России к Востоку Рерихи обращаются к истории. Что заставляло огромные массы людей в XVII-XIX веках устремляться в направлении восходящего Солнца, переселяться в глубь Азии, осваивая все новые территории загадочного континента? Какая сила вела самоотверженных путешественников – Козлова, Ядринцева, Грумм-Гржимайло, Пржевальского, Кафарова, Певцова, Потанина, дерзновенно рвавшихся все туда же – в область Центральной Азии и Трансгималаев? Какая надежда заставила еще Афанасия Никитина после многотрудного путешествия воскликнуть: «И от всех наших бед уйдем в Индию!»?

Исторические изыскания причин великого переселения народов, занятия археологией и этнографией, изучение символики и древнейших орнаментов постепенно помогли оформиться гипотезе Рерихов о существовании в древние времена единой индо-славянской цивилизации и культуры, впоследствии расколовшейся надвое.

Зримые следы далекого единства во многом стерлись, но память о золотом веке живет в народных песнях, обрядах, узорах, звучит в самой народной душе как могучий зов к сокровенному сердцу Азии. В догадке крылась истина, считавшееся утраченным, оказывалось лишь забытым; сокровищница древних ариев – прародителей современных европейцев, хранящая родовые корни славянства, ждала мудрого и бережного исследования. Увлечение Востоком, казавшееся обывателю скороспелой новацией, на проверку оказывалось неизмеримо глубже и старше. Не случайно одним из любимых изречений супругов стал тезис: «Новое есть хорошо забытое старое». Свойство русской «всемирной отзывчивости», убеждались Рерихи, позволило народу впитывать какое-то религиозное или культурное влияние извне, таким образом перерабатывая и извлекая из него лучшее, что оно наконец становилось своим, как бы исконным и родным. Ярчайший пример – византийское христианство, не без труда завладевшее языческой Русью, но в итоге ставшее основанием православной веры – одного из мощнейших источников русской нравственности и культуры. Потому Рерихи в своем устремлении на Восток не уходили от России, а лишь искали путей ее духовного обновления, рассматривая помощь Родине как помощь всему миру.

Но подлинная любовь к Востоку предполагает знание, лишь мода довольствуется экзотикой и колоритом. Знания России начала века в этой области были еще достаточно поверхностны. Восток манил, притягивал, но был подернут густой дымкой неизвестности. Даже образованные русские не разделяли Восток на «дальний» и «близкий», относя к последнему российские земли, принадлежащие азиатскому континенту. Еще не были переведены крупнейшие восточные каноны, но главное – солидные исследования теоретиков-востоковедов никак не могли восполнить отсутствие знатоков живых практик и школ духа Индии или Тибета. Подобное знание предполагало освоение духовного опыта по старинной, священной в Азии традиции «от учителя к ученику», все остальное дало весьма чахлые плоды, носило характер либо примитивный, либо спекулятивный, в духе того же «йюга» Рамачараки-Аткинсона. Кто-то должен был взять на себя миссию сближения, устранения препятствий, лежащих между двумя родственными культурами. Необходимо было, наконец, не книжное, живое, непосредственное проникновение в сердце Азии, пока еще не известное для России, в сокровенный Восток.

Следует сказать, что погружение Рерихов в индийский и тибетский духовный космос не заслонило от них ощущение исторической почвы, не увело от национальных традиций. Не менее пристально они изучают духовную практику христианства, в частности русского православия. Уже говорилось о поездках семьи по старинным русским городам и работе в монастырях и храмах, которые сам Николай Константинович впоследствии назвал «паломничеством». Одновременно с археологическими изысканиями, трудом по спасению древних икон и других памятников старины идет освоение летописей, монашеской литературы, патристики. Николай Константинович и Елена Ивановна высоко ценили духовный опыт великих русских подвижников Сергия Радонежского и Серафима Саровского; эти имена часто будут упоминаться в их сочинениях. Капитально был освоен обширный сборник писаний святых отцов церкви «Добротолюбие», присланный Елене Ивановне староверами из крупнейшего центра православия – Нового Афона, связи с которым она поддерживала многие годы. Рерихи сохраняли прочные контакты со многими представителями современного христианства и очень сожалели по поводу «обмирщения» и формализации «учения любви», постепенно утрачивающего чистый дух своих первооснов. Высоко почиталась в семье деятельность и личность русского святого Иоанна Кронштадтского, известного в народе и христианском мире своим пророческим даром.

По некоторым свидетельствам, он был духовником Николая Константиновича и после длительной болезни художника, не видев его несколько лет, при внезапной встрече сделал ему следующее предсказание-напутствие: «Не болей, придется для Родины много потрудиться».

Весть Шамбалы

Постепенно складывается и «специализация» поисков, разделение их на сферы влияния, конечно, взаимно-проникающие и взаимообогащающие каждого из супругов. Если Николай Константинович готовился к непосредственному постижению «азиатского» мира через изучение его археологии, этнографии, народных обычаев и, конечно, через решение художественных задач, то центр внимания Елены Ивановны все больше смещался в область постижения внутреннего ядра восточной философии, мифологии и религии. В особенности ее интересовал реальный источник многочисленных легенд и сказаний о священной стране Востока Шамбале. Весь обширный свод тщательно проштудированных Еленой Ивановной литературных источников на эту тему будет впоследствии детально рассмотрен в книге латвийского поэта Р. Рудзитиса «Чаша Грааля» (книга была написана по совету Елены Ивановны). Среди них – средневековые произведения о Святом Граале, короле Артуре и рыцарях Круглого Стола, легенды об ушедшем под воду граде Китеже и подземном мире, где сохранилась покинутая видимую действительность мудрость и чистота, сказание о Владыке сокровенного царства Востока пресвитере Иоанне, описания путешествий в эту легендарную страну реальных исторических людей – Парацельса, Христиана Розенкрейца, Аполлония Тианского, вышедшие в свет с английскими комментариями древние карты с обозначением географического местоположения Шамбалы и предполагаемым маршрутом к ней. Упоминания о Шамбале Елена Ивановна встречает и в более современных книгах – воспоминаниях путешественника Пржевальского и трудах крупнейшего исследователя буддизма профессора В. Васильева. Из расширяющегося числа прочитанных западных и восточных работ она узнает о существовании посланий западным правителям «сердца Азии», об исторически зарегистрированных фактах участия Шамбалы в земных делах людей, особенно таких, которые имели крупное значение для судеб различных государств (события французской революции, а также провозглашение независимости Америки). В том, что источник легенд реален, ее убеждали не только письменные свидетельства, но и постепенно пробуждающаяся интуиция.

Художническая прозорливость Николая Константиновича, его способность к сквозному видению сущности людей и событий, точность оценок и решений, столь поражающие окружающих, позволили Горькому назвать художника «величайшим интуитивистом» в связи с его пророческой предвоенной серией картин. Не в меньшей, а, пожалуй, в еще большей степени определение Горького применимо к Елене Ивановне. Ведь упоминаемая пророческая серия картин была создана художником на основе «пророческих» снов супруги, которая всем существом чутко улавливала и видела в образах сгустившееся грозное предвоенное время. Вот яркое описание сна Елены Ивановны, на основе которого Николай Константинович создал свою замечательную картину «Ангел Последний»:

«...вижу себя стоящей на балконе нашего дома. Улица как-то расширилась, и передо мною оказалась широкая и далекая перспектива. Над городом навис зловещий сумрак и стал быстро сгущаться. Толпы людей видят что-то необычное и спешат укрыться. Небо стало черно-бархатным, внезапно на нем поднялся гигантский красно-огненный Ангел, грозный-прегрозный, и занял весь западный небосклон. Ноги его опирались на два столба червонного света, расширившегося книзу, у пояса Его висел ключ. В одной руке держал Он весь исписанный свиток, в другой – меч. Невольно я повернула голову к востоку.

Но там тьмы не было, лишь сумерки и... брезжил слабый свет, и над той землею стал молодой месяц и на нем лежал младенец...»

В Шамбале виделась ей духовная твердыня Азии, где собраны эзотерические знания о глубинной связи человека и Вселенной. В ней – лучшие находения человечества, ведущие его к духовному преображению. В ней – воплощение мечтаний народов всех времен о невидимой основе мира, ядро великого восточного магнита, действие которого имело сильное влияние и на русскую духовную культуру. Елена Ивановна все сильнее ощущает глубочайшую внутреннюю правду всех явлений, связанных с Шамбалой, воспринимая их как исход жизненных исканий. С того момента, как она узнает о существовании в самых разных уголках света целой традиции ученичества, приводящей к твердыням священной страны, в ее жизни начинается новый этап, связанный с поисками сознательных контактов с Великими Учителями – Гималайскими Махатмами. Ее внимание, мысли, чувства и воля постепенно сливаются в один поток устремления к этой Обители света. Предчувствие встречи с зовущим ее миром высоких идеалов и возвышенных людей, сопровождавшее ее с самых ранних лет (впоследствии в книгах Агни Йоги будет сказано, что Елена Ивановна «хранит озарение детства, что где-то живет Светлый Учитель»), по мере погружения в мир сокровенных понятий Востока нарастает. И, тем не менее, первая встреча, а точнее прикосновение к священному для нее миру Учителей, произошло, как, видимо, это всегда бывает, неожиданно. В неопубликованной «Духовной биографии» семьи Рерихов» П.Ф.Беликова кратко описано это величайшее внутреннее событие в жизни Елены Ивановны.

«Примерно между 1907 и 1909 г. Е.И. имела Видение, потрясшее все ее существо. Вечером она осталась одна (Н.К. был на каком-то совещании) и рано легла спать. Проснулась внезапно от очень яркого света и увидела в своей спальне озаренную ярким сиянием фигуру Человека с необыкновенно красивым лицом. Все было насыщено такими сильными вибрациями, что первой мыслью Е.И. была мысль о смерти. Она подумала о маленьких детях, которые спали рядом в комнате, о том, что перед смертью не успела дать нужных распоряжений. Однако вскоре мысль о смерти отступила, заменилась необычным, ни с чем не сравнимым ощущением присутствия Высшей Силы. Так состоялось Посещение Учителем Елены Ивановны, которое, несомненно, многое для нее открыло».

«...И жар божественных видений»

Какое объяснение может получить это необычное переживание с позиции здравого смысла? Тему видений, озарений и таких тонких психодуховных феноменов, как ясновидение и яснослышание, раскрыть не просто. Вульгарный подход к ним, наблюдаемый в популярной атеистической литературе, несмотря на ее сегодняшнюю достаточно резкую критику вообще, в данном вопросе пока не преодолен. В результате – видения и озарения у таких великих фигур в истории религии и церкви, как Святая Гертруда, Святая Екатерина, Святая Тереза, Франциск Ассизский, Сергей Радонежский, Серафим Саровский, порой рассматриваются на уровне клинических проявлений или в лучшем случае – на уровне самовнушений иступленного ума. Далеко не всегда остаются на должной высоте ученые и при исследовании духовного опыта мистиков, например, Беме, Сведенборга, Томаса Вогана, которые, как известно, были далеки от церковных канонов. Но рассматривать внутреннее событие Елены Ивановны на фоне переживаний «профессиональных» мистиков будет не совсем правильно. Не только потому, что на этом направлении лежит сегодня печать критического отношения, но и потому, что сама Елена Ивановна, всегда с большим уважением относившаяся к перечисленным именам, себя к разряду мистиков никогда не относила и в дальнейшем резко высказывалась против увлечения оккультизмом. Поэтому будет понятней и справедливей, учитывая ее тяготение именно к миру культуры, попытаться истолковать описанное высокое переживание в сопоставлении с аналогичным опытом людей, составляющих гордость общечеловеческой духовной культуры и не принадлежащих к определенным религиозным конфессиям. Образец строгого, объективного, выдержанного и одновременно тонкого подхода к незримой и возвышенной сфере психики мы можем наблюдать в работах крупнейшего советского философа, который, вне всякого сомнения, оставил яркий след в истории и мировой философии, – Алексея Федоровича Лосева. Попробуем дать краткий очерк на тему – история видений и озарений в мировой культуре, опираясь именно на лосевскую концепцию и подход.

«Ясный и светлый», по выражению Маркса, Сократ, счастливо соединивший в себе горячее сердце и холодный ум, как свидетельствует Ксенофонт, имел в себе пророческий дар: советы, которые он давал своим друзьям, всегда оправдывались. Вот как сам Сократ в «Апологии» Платона объясняет происходящее с ним:

«Началось у меня это с детства. Возникает какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я бываю намерен сделать, а склонять к чему-либо никогда не склоняет. Вот этот-то голос и возбраняет мне заниматься государственными делами».

Если греческому философу ведущий его голос, «даймон» (называемый также «божественным знамением» и позднее утративший в сознании отцов церкви свое высокое происхождение, став воплощением дьявола, демоном), возбранял вмешиваться в дела государства и ход истории, то героической Орлеанской деве – Жанне Д'Арк голоса двух святых, ведущие ее с самого детства, властно повелевали принимать важнейшее участие в государственных делах Франции, меняя самый ход истории. Закованной в железные латы 17-летней девушке суждено было сплотить сильнейшую армию, выигрывать сражения за сражением и в результате освободить Орлеан от осады. По рождению крестьянка, совершенно неграмотная, но ведомая неведомой верховной волей и поразительно твердым духом, она призвана короновать дофина – не кто иной, как она! И она является во дворец, в толпе придворных безошибочно отыскивает наследника и в конце концов возводит его на престол!

Канал «яснослышания» у народной героини Франции был развит в чрезвычайной степени – такого рода духовные достижения представляют собой во всех духовно-эзотерических школах мира плод упорнейшей работы по воспитанию сознания. Но, очевидно, как и во всяком деле, в духовной практике существует природный дар. И когда проданная в плен англичанам и обвиненная ими в ереси юная Жанна была возведена на костер инквизиции, два высоких Голоса до последней минуты не оставляли ее и помогли ей с молитвой, в полном самообладании принять огненную смерть.

Величайшие поэты-творцы Данте и Мильтон, перед тем как воплотить в слове свои грандиозные космогонии, созерцали рождение и гибель миров в ярких видениях вплоть до мельчайших подробностей. Рафаэль писал свою «Сикстинскую мадонну» на основании видения прекрасной женщины, которая, однажды возникнув перед его мысленным взором, с тех пор постоянно являлась ему. Прекрасный английский поэт Уильям Блейк отрекался от авторства своих удивительных по глубине стихотворений, считая себя лишь секретарем, записывающим под диктовку свыше создания небес. А вот переживания Фридриха Ницше, когда ему неожиданно в полном всеохватном блеске явился впервые Заратустра: «Наступает откровение, это значит, что внезапно человек видит перед собой нечто, потрясающее его до глубины души, переворачивающее душу. Мысль вспыхивает как молния, человек испытывает восторг, совершенно утрачивает над собой власть. Тогда все совершается помимо его воли, а между тем он весь проникнут чувством свободы».

Могучий жизнелюб Гете, подобно Сократу, также считал себя ведомым. У одного великого грека он взял определение ведущего его Голоса как «даймона», у другого великого грека, Аристотеля, он позаимствовал понятие «энтелехии» – духовной и творческой силы, и был глубоко убежден, что те, в ком энтелехия сильна и развита, сохраняют права на «вечную молодость» и «неутомимую продуктивность». «Озарение» Гете рассматривает, как «чистое божье дитя», которое «надлежит встретить с радостью и благоговением». Он пишет: «Все это сродни даймолическому; оно завладеет человеком, делая с ним что вздумается, он же бессознательно предается ему во власть, уверенный, что действует в согласии с собственным побуждением. Таким образом, человек нередко становится орудием провидения, и его следует рассматривать как сосуд для приема той влаги, которую волеет в него Господь».

Нельзя пройти мимо того, связанного с видениями и озарениями духовного опыта, который прошли отечественные искатели Истины. Можно вспомнить державинскую оду «Бог», бьющая через край, торжественная мощь речи которой выдает состояния духовной полноты и экстаического взлета, переживаемого в момент ее написания. Причастившись обжигающего огня духовности. Державин, как известно, уже «в гроб сходя, благословил» Пушкина и как бы передал ему огненную чашу творчества, от которой и занялось высокое жертвенное пламя российской словесности. Пушкинский «Пророк» – быть может, самое яркое, самое концентрированное в мировой литературе поэтическое отражение огненного озарения, пронизанного чувством всеведения и всеединства. Стихотворение, уникальное в своей гениальности и огненности, иногда кажется состоящим не из материи слов, а из ослепительного света, прикоснуться к которому суждено было сыну гармонии Пушкину. «Пророк» известен каждому школьнику и, похоже, столь затвержен, что уже недостает воли взглянуть на этот шедевр не просто как на переложение VI главы библейской книги пророка Исаи, а как на реальный факт или акт духовной жизни поэта, столь же реальный, каким стали для Владимира Соловьева его три «мистические свидания».

Пушкинский «Странник», так и не опубликованный при жизни и оставшийся в черновиках, куда менее известен.

А между тем, в нем запечатлено то высокое состояние духа, которое в христианстве именуется «видением света», в дзен-буддизме – «сатори», у даосов – «сиянием правды» («мин»), в неоплатонизме – эманацией Мировой Души, внезапно сошедшей на человека.

«Я оком стал глядеть
Болезненно-отверстым,
Как от бельма врачом
Избавленный слепец.
«Я вижу некий свет», –
Сказал я наконец», –

запечатлел пережитое Пушкин в своей маленькой поэме «Странник».

Мистическая настроенность Гоголя, усилившаяся под конец жизни, известна достаточно, однако еще недавно ее объясняли помрачением рассудка, вызванного внутренним уходом писателя в религиозные искания. Между тем, погруженность в духовные глубины не помешала Гоголю с безупречной логической ясностью опровергнуть легковесные атеистические пассажи Белинского в их переписке. Глубокой тайной окутан уход Гоголя, незадолго до которого русский духовидец удостоился высокого знака, словно напоминающего о лестнице Иакова и Небесной Иерархии Дионисия Ареопагита – видения сияющей лестницы, уходящей в бесконечность.

Интереснейшее описание своих высоких экстатических состояний соприкосновения с незримой огненной реальностью оставил Достоевский, страдавший «священной болезнью» – эпилепсией. Если внимательно изучить намеки писателя, то невольно возникает желание посмотреть на эпилепсию как на мгновенное в своей внезапности (ведь и у Пушкина – «как труп в пустыне я лежал», и у многих живых святых высокие видения сопровождалось физическим и духовным потрясением с последующим временным выключением сознания) постижение огненного измерения бытия, нечто вроде ожога при касании к нему. Писатель вложил своему «идеальному герою» князю Мышкину в душу и тело все тончайшие и многомерные предэпилептические переживания, то есть те, когда сознание еще присутствует и фиксирует первые проблески огненного сияния:

«...как бы воспламеняется мозг и с необыкновенным порывом напрягались разом все жизненные силы его. Ощущение жизни, самосознание почти удесятерилось в эти мгновения, продолжавшиеся как молнии. Ум, сердце озарялись необыкновенным светом, все волнения, все сомнения его, все беспокойство как бы умиротворялись разом, разрешались в какое-то высшее спокойствие, полное ясной гармоничной радости и надежды, полное разума и окончательной причины». Далее Достоевский называет эти состояния «восторженным слитием с высшим синтезом жизни» и делает поистине поразительный вывод: «Да, за этот момент можно отдать всю жизнь!» Князь Мышкин признается также, что в этот момент ему как-то «становится понятно необычайное слово о том, что времени больше не будет!»

Богатый внутренний опыт Достоевского привлек внимание не только религиозно настроенных людей, но и клиницистов-психиатров, последователей экзистенциальной философии и даже современных мастеров дзена, например, Сэкиду Кацуки и его европейского ученика – интерпретатора Гримстоуна, которые в книге «Практика дзен» исследуют трансовые переживания писателя в сравнении с традицией дзенских просветлений.

Владимир Соловьев, о котором уже шла речь, по словам А.Ф.Лосева, «как личность, как человек был ко всему происходящему необычайно чуток и чувствителен. Его сенситивность доходила до огромных размеров».

Пытаясь определить субъективные истоки его философии и ее взаимосвязь с мистикой, ученый утверждает: «Он был поэт в чрезвычайно остром и сенситивно напряженном смысле. Он мог погружаться в эту синеву, в бесконечную лазурь и находить в ней не только нечто интимное, для себя близкое, не только исток для своих чувств в любви и восприятии красоты, но и нечто космическое, даже божественное. И тогда его железная логика всеединства сразу превращалась в восторг, в какое-то наитие, в нечто такое, что уже было превыше всякой философии и превыше самого человеческого ума. К такого рода духовным состояниям Владимира Соловьева слово «мистика», конечно, уже применимо».

И далее исследователь говорит о чрезвычайно жизнерадостном, жизнелюбивом отношении Соловьева к своей мистике. Его уже упоминавшаяся поэма «Три свидания» выдержана в юмористическом ключе; шуточный тон относится к рассказу о поисках поэта космической Софии. Но совершенно по-иному, с высокой торжественностью, не оставляющей никаких сомнений в реальности пережитого, звучат запечатленные в стихах моменты видений:

«Пронизана лазурью золотистой, В руке держа цветок нездешних стран, Стояла ты с улыбкою лучистой, Кивнула мне и скрылась в туман».

«Вульгарное и обывательское представление о мистике, конечно, может многих навести на мысль о какой-то соловьевской психопатологии или о каких-то литературных выкрутасах. Но неопровержимые биографические данные свидетельствуют о том, что Вл. Соловьев был в то время духовно здоровым и веселым молодым человеком, у которого умозрительные чувства соединялись с обыкновеннейшим бытовым поведением», — заключает в итоге Лосев.

Александр Блок в письмах к близким людям со свойственной ему сдержанностью, крайне скуп, даже закодированно, говорил иногда о «странном напряжении мистических переживаний», иных из которых «не знает никто на свете» (из письма А.Белому); и здесь же: «Я здоров, и прост, становлюсь все проще как только могу». (Согласно восточным доктринам, чем крепче психическое, нравственное и телесное здоровье человека, тем выше качество его тонких переживаний и степень Истины, воспринятой через озарение духа.)

Помимо ранних видений, связанных с циклом «Стихов о Прекрасной Даме», необходимо сказать и об одном из самых поразительных поздних видений Блока. Речь идет о явлении Христа в столбе метели на черном ночном небе, когда Блок во время прогулки мучительно обдумывал концовку «Двенадцати». В понимании самого поэта происшедшее нельзя рассматривать как художнический образ или символ; он воспринимал видение как знак, указ неба и настаивал на реальности этого события, сам будучи поражен именно этим образом, тогда как ожидался «совсем Другой». Вскоре после видения он записал в своем дневнике: «Христос с красногвардейцами». Едва ли можно оспорить эту истину, простую для людей, читавших Евангелие и думавших о нем».

Можно ли всех перечисленных людей на основании их переживаний отнести к категории мистиков?

Понятие мистика достаточно расплывчато. В него могут входить и обывательские представления о сверхъестественных чудесах, и более серьезный философский взгляд по поводу реальности невидимого мира, таящегося за покровом видимого, иллюзорного. Однако этот взгляд, в какой-то мере соответствуя юношескому романтическому периоду в развитии человечества, не есть последняя ступень в поисках основы людей. Еще глубже такой подход к миру, который вмещает в себя его зримые и незримые стороны и воспринимает мир как единое целое.

Очень глубокое философское описание подобного подхода к миру как единому организму на примере учения Владимира Соловьева дает все тот же Лосев:

«...В.Л.Соловьев понимает под мистикой учение о всеединстве, которое строится у него с употреблением строгих философских понятий, диалектически так, что у нас нет никаких оснований считать его в этом отношении мистиком. Действительно, если все присутствует во всем, то каждый предмет этого всего является предельно насыщенным изменениями всеединой общности. Тогда каждый предмет получает огромную символическую нагрузку и в этом смысле всякий может сказать, что здесь есть нечто мистическое. Вообще говоря, мистика, как ее здесь понимает В. Л. Соловьев, есть просто учение о действительности, о всеедином организме, и, мы бы сказали, слово «мистика» здесь, пожалуй, неуместно. Иначе все вполне материалистические учения о целом и частях, об общем и единичном, о сущности и явлении придется обозначить термином «мистика».

Конечно, было бы большой натяжкой относить всех упомянутых в связи с фактом видений людей, которые, так же как и Соловьев, исповедовали целостное понимание мира, к убежденным материалистам. Их взгляд раздвигал границы этого целого, включая в него более тонкие области бытия, и в каком-то смысле смещал центр тяжести с видимого плана на невидимый. В результате космический организм мироздания в его зримой части казался им неполным фрагментом, намеком, видимой стороной айсберга, скрывающей глубоко свои незримые сферы, части и силы. Если добавить при этом пронзительное пантеистическое чувство, благодаря которому этот космос-организм казался им не только живым, но и разумно устроенным, гармоничным и одухотворенным, то к такого рода мистикам можно отнести длинный список великих имен. В нем – и греки Сократ, Платон, Аристотель, Пифагор, и немцы Николай Кузанский, Шеллинг, Фихте, Беме, Новалис, Ницше, и англичане Уильям Блейк и Томас Карлейль, и шведы Сведенборг и Стринберг, и норвежец Ибсен, и итальянцы Данте, Пико делла Мирандола, Фиччино, Петрарка, и русские Гоголь, Иван Киреевский, Тютчев, Николай Федоров, Флоренский, Николай Трубецкой, Белый, Циолковский, Даниил Андреев, и только ли они? Весь этот слепящий каскад огней мировой культуры можно считать мистиками, причем мистиками убежденными, с теорией, не только с практикой, ибо их необычный личный опыт переживаний всеединства мира глубоко осознан и обоснован.

Этого рода мистики почти всегда были до известной степени еретиками по отношению к религиозным догматам и канонам. Очевидно, непосредственное видение фрагментов высокой реальности и переживание всеохватной целостной полноты бытия выходит далеко за пределы узкоцерковного окна в небо. Слово таких деятелей духа и культуры было исполнено необыкновенной силы убедительности. Оно нередко оказывало прямое влияние и на общественную мысль, и на социальные процессы. Достаточно вспомнить Эпоху Возрождения или события Реформации.

В попытках объяснения сущности источника видений и озарений было создано немало диаметрально противоположных доктрин и теорий. Диапазон их широк. От признания божественного происхождения описанных феноменов до сведения их к нейрофизиологическим процессам. Но если быть честным, то ни одно из объяснений не остается на уровне тонкости, диктуемой самими феноменами. На современном рубеже развития научного знания мы не можем с достаточной степенью точности объяснить этот тончайший психодуховный механизм. Поэтому наибольший интерес и убедительность представляют те из объяснений, авторы которых сами лично имели подобные переживания.

И даже если предположить, что в ближайшем будущем ученые научатся объективно регистрировать подобные явления с помощью приборов (как известно, на западе активно проводятся эксперименты, например, по фотографированию галлюцинативных процессов) или найдут материально-энергетический носитель видений (неизвестные частицы, токи, волны, поля), можно ли свести к ним духовное значение этих переживаний? Очевидно, что роль естественнонаучных объяснений будет здесь в лучшем случае вспомогательной. Поэтому если мы хотим разобраться в сути экстатических переживаний любого человека (в данном случае в озарении Елены Ивановны Рерих), мы должны говорить на единственно точном общечеловеческом языке духовности и культуры.

Однако начиная собирать воедино объяснения испытавших «вкус» предельных состояний духа, можно столкнуться с удивительным единодушием. Практически все из перечисленных людей не сомневались, что видения и озарения, сквозь которые они прошли, не есть творения их возбужденной психики, но относятся к другому, более высокому измерению или духовной области. Они ощущали также, что этот невидимый мир не есть нечто совершенно отдельное от их внутреннего мира, а напротив, воспринимали его как продолжение самых тонких слоев собственного духа. Суфийский мистик Халладж пережил в экстатическом состоянии столь сильное чувство единения с первоосновой миров, что публично объявил: «Я есмь Он» (т.е. Аллах), за что и был сожжен по приказу исламских ортодоксов. Духовная реальность, как иногда казалось чутким, склонным к высоким переживаниям людям, имеет энергетическую космическую природу и порой словно ищет возможность проявиться через их сонастроенное сознание, чтобы побудить их к творческому труду. Вот, например, какую гипотезу поэтического характера, во многом совпадающую с вибрационно-энергетической теорией Агни Йоги, высказывает немецкий поэт Райнер Мария Рильке, сообщая одному из корреспондентов о недавно созданных им «Дуинских элегиях», сопровождавшихся целым потоком видений:

«Элегии и рисуют нас в этом деле, в деле непрестанного превращения любого видимого и осязаемого мира в невидимые вибрации и возбуждения нашей природы, вводящей новые частоты вибраций в невидимые сферы Вселенной. А так как всякие виды материи во Вселенной суть лишь различные проявления вибраций, то мы, таким образом, готовим не только интенсивности духовного рода, а, кто знает, может быть, новые тела, металлы, звездные туманности и созвездия».

В дальнейшем Елена Ивановна запишет целиком посвященную этой теме книгу, продиктованную ей Великими Учителями, которая так и называется «Озарение» и будет содержать в себе следующие слова:

«В древних магических книгах можно найти термин – «Illuminacio Regale», что значит Царственное озарение. Настолько важный принцип, что Гермес оканчивает трактат словами: «Благословенны избравшие путь Озарения».

Символ помазания царей имеет то же основание. Решительно все знатоки Тайной Силы сходятся на утверждениях высшей гармонии в проявлениях мощи Озарения. Потому царь – помазанник, что, не удаляясь от земли, выражает волю небес. Поверх формул условных, застывших в коре предрассудков, имеются знания, как бы разлитые в воздухе.

Поставь громоотвод и собери небесную стрелу. Для одного она опасна, но другому она лучшее вооружение. И все будущее основано на овладении озарения. Самый трудный телефон будет в руках человека».

Естественно, что форма, которую принимает видение в сознании человека, зависит от особенностей его личности – у религиозно настроенного человека будут преобладать одни образы, а у поэта или художника другие.

Будут отличаться своеобразием и видения человека, основная жизненная «специальность» которого связана с духовным совершенствованием, самопознанием и поиском высших идеалов. Наиболее одаренный человек этого типа по справедливости может быть назван художником духа, творящим себя в соответствии с представлениями о наиболее прекрасном – ведь не зря, например, молитвенная духовная практика в византийском исихазме называлась старцами «художеством художеств». Для человека, устремленного на поиски контактов с миром Великих Учителей Востока, при особой тонкой организации его психики установление подобного контакта чаще всего начинается как раз с плана видений. Вот что пишет об этой стороне внутренней жизни Елены Петровны Блаватской ее биограф Е.Писарева: «Уже в детстве с глубочайшим чувством рассказывала она о том, как перед ней нередко появлялся величественный образ индуса в белой чалме, который она знала так же хорошо, как и своих близких, и который неоднократно спасал ее в минуты опасности». Впоследствии этот тонкий контакт-предчувствие Блаватской увенчался вполне реальными встречами.

К сходному типу людей можно было отнести и Елену Ивановну Рерих. Ее переживание явилось ответом на ее внутренний запрос. Как повествуют духовные тексты, Великие Учителя, в полном смысле этого слова являясь Старшими Братьями человечества, далеко опередили людей в умениях управлять тончайшими энергетическими структурами организма и психики. В своих духовных достижениях и психических возможностях каждый из Великих Учителей неизмеримо раздвинул рамки привычных границ пространства, времени и вещества и потому его можно считать Полным, Цельным Человеком, в то время как обыкновенный индивид на сегодняшней стадии эволюции пока еще представляет собой фрагмент подлинного Человека. По свидетельству эзотерических Учений и духовному опыту многочисленных учеников Махатмы могут (как это ни кажется сказочным) в случае необходимости выделять из своего физического тела пребывающие в глубинах психики тонкие материально-энергетические оболочки («эфирные», «астральные» и «ментальные» тела), свободно путешествовать в этих оболочках по миру, с огромной скоростью преодолевая любые расстояния, и, когда этого требует созревший дух устремленного ученика, посещать таких учеников в подобном необычном и невесомом состоянии. Посещение ученика Учителем может состояться во время сна, молитвы, медитации, духовной работы, а то порой и в совершенно неожиданной ситуации. Достаточно вспомнить евангельское предупреждение о неожиданности прихода Высших сил («Приду как тать во нощи») с вытекающей отсюда необходимостью бодрствования. Кстати, опыт мировых религий подтверждает эти эзотерические представления, тем более, что Будда и Христос, не раз являвшиеся в святящихся телах своим последователям («три тела Будды», «тело славы» Спасителя), согласно той же, Агни Йоге входят в Общину Великих Учителей человечества. Возвращаясь к переживанию Елены Ивановны, следует сказать также, что одним из подтверждений реальности этого акта ее общения с Учителями явилась несказуемая, обжигающая сила впечатления, которую невозможно придумать или искусственно вызвать у себя. Ее коснулась вечность, а такие касания не могут проходить бесследно. Дальнейшим подтверждением истинности касания была ее последующая жизнь, в которой с определенного момента все отчетливее просматривалась высокая миссия. Эта жизнь по мере укрепления духовной связи с Учителями вбирала в себя их мощные творческие силы и становилась еще целенаправленнее, продуктивнее и одухотвореннее. Супруги постоянно обмениваются между собой крупными тонкими знаниями, добытого опыта и внутренних достижений.

В 1913 году в дневнике художника появляется первая запись о «Великом Индийском пути». Решение зреет, но контуры его еще не вполне ясны.

Глава 3. Годы странствий

«Именно переживание путей дает лучший ключ к осознанию космических жизней. Истинный путник четко представляет путь прошлый и ясно выражает направление желанное».

Листы сада Мории

«Как Мы прошли через пустыни? Как Мы умели миновать черные стрелы? Как Мы могли объезжать неученых коней? Как Мы могли спать с предателем под одним шатром? Как Мы могли усилить камни потока? Как Мы могли найти путь в ночной мгле? Как Мы могли постичь непонятные желания? Как Мы могли узнать тропу жизни? Истинно, бодрствованием духа».

Листы сада Мории

Карельский период

Пережитые высокие состояния не уводят Елену Ивановну от жизни с ее извечными проблемами. Подрастают дети, разнообразные интересы и увлечения которых требуют постоянного внимания родителей. Режим дня художника был весьма напряженным: помимо хлопотной директорской работы в Школе Общества Поощрения художеств он был членом всевозможных культурных обществ и организаций Петербурга, потому вечерами часто отсутствовал. Вся домашняя нагрузка ложилась на Елену Ивановну. Вечерние часы она старалась посвящать чтению, особый упор делая на духовную литературу. Уединенная жизнь и будни были прекрасной школой воспитания характера. Требовал своего внимания и душевных затрат и обширный круг общения с тогдашней интеллигенцией, где у семьи Рерихов были не только друзья и союзники, но и завистники, недоброжелатели, скрытые и явные противники. Елена Ивановна как могла – и делала она это блестяще – поддерживала мужа в его многочисленных делах и начинаниях. Немало трудностей и бессонных ночей вызвала тяжелая болезнь матери Елены Ивановны. Дочь проявила большую самоотверженность и волю, в течение долгих месяцев почти круглосуточно дежурия у материнской постели.

Дает о себе знать и нагнетание внешних событий, заставлявших все учащенной биться пульс Большой Истории. Политическая обстановка в Европе накаляется и завершается выстрелом, знаменующим новый отсчет времени и начало первой всемирной бойни... День 1 августа 1914 года Николай Константинович, встретил в Талашкино, завершая там алтарную роспись «Царица Небесная». Супруги восприняли происшедшее как прелюдию к мировой катастрофе, за которой должно последовать переустройство уклада жизни – «новая земля и новое небо». Елена Ивановна чувствовала, что сейчас завязывается важнейший узел мировой истории. В это время здоровье Николая Константиновича резко ухудшилось – сказалось и общее длительное перенапряжение, и утончение организма, все труднее переносящего тяжелую, сырую атмосферу Петербурга. В 1915 году Рерих пережил тяжелое воспаление легких, едва не окончившееся трагически. Очищающее пламя жизни и страданий выводило на новые витки судьбы, суля внешние перемены.

В 1916 году семья Рерихов для поправки здоровья Николая Константиновича переезжает в Сердоболь (Сартавалу) и проводит в Карелии два года. Супруги с детьми побывали за это время в местечке Ихинлахти, в Валаамском монастыре, на острове Тулола, где прожили несколько месяцев в очень уединенной обстановке. Это время запомнилось очень светло и радостно каждому члену семьи. Николай Константинович с теплом и благодарностью вспоминал «карельские снега 1916-1917 года», которые помогли ему «переломить отвратительную пневмонию».

Именно в Карелии Рерихов застали вначале Февральские, а затем и Октябрьские события. Карелия, как часть Финляндии, вдруг стала «зарубежьем», поскольку граница была перекрыта: вести из революционного Петрограда доносились самые разнообразные. Пресса полнилась описанием ужасов, творящихся в России, объятых пламенем гражданской войны и «красного террора». Разобраться в реальной обстановке, тем более возвратиться домой из невольной заграницы, не было возможности. Приходилось ждать. Правда, Николай Константинович все же выезжает в Петроград, где получает приглашение войти в состав формируемого Горьким Революционного Временного правительства и даже сделаться Министром Изыщных Искусств. Елена Ивановна с тревогой ожидает мужа. Предложение не было принято, во-первых, по причине очевидной нестабильности обстановки, которую интуитивно ощущал художник, а во-вторых, потому, что у семьи вызревали совершенно иные планы и намерения.

Зиму 1918 года Рерихи провели в Выборге. В том же году Николай Константинович был приглашен в Стокгольм для участия в выставке, которая завершилась триумфом художника – картины имели большой успех, а их автор, до этого кавалер трех русских орденов (Святого Станислава, Святого Владимира, Святой Анны), был награжден шведским королевским орденом Полярной Звезды первой степени.

Если рассматривать финско-карельский период Рерихов с точки зрения его значения в эволюции сознания, то можно эти годы в каком-то смысле уподобить периоду затворничества, который проходит каждый духовный подвижник и творец, готовясь к новой форме служения или к созданию новых произведений. Оба супруга настроились на постижение семейной миссии: первые знаки о ней шли из глубин собственного духовного существа. В эзотерической индийской традиции эта ступень характеризуется слышанием «Голоса Безмолвия», а в европейской философии – понятием сократовского «даймона» или «гения», осеняющего человека сознанием всеобъемлющей мудрости целого. Даже сами названия картин художника того периода носят знаменательные названия: «Облако-вестник», «Приказ», «Послание Федору Тирону», «Ждут», «Клад захороненный», «Победители клада».

В итоге «Голос Безмолвия», или голос пробужденной высшей природы человека, был услышан каждым из супругов. Уединение, особая тишина и величественная красота северной природы помогли не только физическому, но и нравственному исцелению от последних сомнений, вплотную подвели к осознанию жизненной задачи и правильному пониманию зова времени, устремляющего к преодолению популярной, почти гипнотической формулы Кипплинга: «Запад есть Запад, Восток есть Восток и вместе они не сойдутся...» Длительное тяготение к Востоку кристаллизуется в твердое решение – совершить большое путешествие в Индию, Тибет и Монголию, чтобы проникнуть в «сердце Азии», соприкоснуться с глубинными пластами индийской культуры, получить ключ ко многим знаниям о человеке и мире и, наконец, приблизиться к сокровенным гималайским ашрамам.

Весь процесс, рождения этого решения, нахождения «священных знаков» жизни, приводящих на путь служения и познания, описан в сборнике стихов Николая Константиновича «Цветы Мории», вышедшем в Берлине в 1921 году. Ведущую же роль в истолковании зова Востока в это время уже в полной мере играет Елена Ивановна, «чувствознание» которой укреплялось по мере приближения сроков. Николай Константинович в связи с этим писал: «...жена моя, Лада, прозревала на всех путях наших. Нашла она водительство духа и укрепила она путь наш».

Во время пребывания Рерихов в Карелии наступил момент, когда изоляция стала невыносимой, а все существо требовало движения. Николай Константинович выразил это настроение в следующих словах: «Мечты о деятельности) И покрытые снегом скалы Финляндии, как первые вестники будущих гималайских высот, Елена Ивановна была так нетерпелива идти, она хорошо знала тяжкие лишения пути, но ничто не могло ее остановить». Она собиралась записать во время путешествия старинные легенды, притчи, обычаи разных народов, проанализировать современное ей состояние восточных религиозно-духовных исканий, проникнуть в монастыри и встретиться с самими подвижниками.

Естественно, что такая серьезная экспедиция требовала тщательной подготовки. Немедленная поездка в Индию была невозможна по многим причинам – отсутствовала необходимая дорогостоящая экипировка, не завершили свое образование дети и, кроме того, сам въезд людей из «красной республики» в страны Юго-Восточной Азии была весьма нежелателен для западных покровителей этих государств. Первым промежуточным пунктом на пути в Индию стала Англия, куда Рерихи приехали в 1919 году. Семья поселилась в Лондоне, в районе Гайд-парка. Дети продолжают образование в столичном университете, а родители устанавливают новые знакомства, интенсивно общаясь с прибывшими в английскую столицу Рабиндранатом Тагором и увлеченным восточной метафизикой Гербертом Уэллсом.

В Англии происходит первая встреча Рерихов с представителями Белого Братства и Великих Учителей Востока. Во многом под их влиянием определяется отношение супругов к Октябрьской революции. Ни Николай Константинович, ни Елена Ивановна, как известно, не присоединились к числу критиков революции, подобно большинству русских эмигрантов. Однако в их оценке революционных событий в России на первых порах сквозили ноты сомнения и неприятия происходящего. И дело не в том, что западная и эмигрантская информация была по неизбежности негативной – Рерихи, к тому времени достаточно зрелые и мудрые люди, могли прекрасно фильтровать полученные сведения. Но им, нацеленным на культурную эволюцию человечества, трудно было понять братоубийство гражданской войны, варварское разрушение памятников культуры и старины. Повесть Николая Константиновича «Пламя», написанная в этот период, отразила смятение художника.

После встречи с представителями Великих Учителей супруги осознали, что перспективы будущего выздоровления и расцвета родины следует рассматривать в рамках свершившегося выбора, что выбор этот достаточно прочен и надежды на реставрацию прежнего уклада жизни иллюзорны, и что, наконец, самые трагические страницы и стороны революции необходимо воспринимать не как отклонение от плана мировой эволюции, а как Голгофу, призванную в конечном счете ускоренно развязать самые трудные узлы истории, как путь распятия, из которого в кровавых муках рождается Будущее.

Рерихи сумели увидеть, что происшедшее с отечеством есть временное, допущенное Провидением для испытания и закала национального духа погружение в бездну, которое рано или поздно приведет к взлету: ведь именно России, принявшей на себя грехи всего мира, несмотря на самое невыгодное с внешней точки зрения положение назначено возглавить процесс духовной эволюции на планете. Эту грядущую высокую миссию России чувствовали и пророчески предсказывали многие выдающиеся люди Земли – Тагор, Вивекананда, Ницше, Шпенглер; о ней чуть позднее заговорит Агни Йога. Полученное наставление на всю жизнь определило высокий пафос Рерихов по отношению ко всем положительным свершениям в Стране Советов и большую сдержанность в оценках всех негативов¹. По прошествии ряда лет Елена Ивановна в очерке «Преподобный Сергей Радонежский» напишет: «Через многие тяжкие испытания прошла Земля Русская, но все они лишь послужили к ее очищению и возвеличению – так было, так будет». «История повторяется, – утверждала она, – и кто может сказать, что наступившие с началом XX столетия годы развала, гонения и кощунственного разрушения Святынь снова не сменятся великим, еще небывалым духовным подъемом, который в стихийности своей превысит все до него бывшие подвиги?»

Упомянутая встреча скорректировала маршрут семьи, поначалу стремившейся попасть в Индию как можно скорее. И хотя билеты на пароход, отправляющийся в Бомбей, были уже куплены, обстоятельства сложились так, что плавание пришлось отложить. Совет, данный Рерихам при встрече, состоял в том, чтобы не упорствовать, не форсировать события, а вначале поехать в Америку, где сложились благоприятные возможности для дальнейшего выполнения миссии. В дальнейшем Рерихи хорошо помнили этот совет – чутко всматриваться и вслушиваться в обстоятельства, никогда не торопить их, но и не запаздывать.

Почти одновременно со встречей Рерих получает приглашение принять участие в турне по США с выставкой своих картин. Таким образом, Америка становится следующим промежуточным пунктом на пути в Индию. Рассчитывая получить определенные денежные суммы от продажи картин и тем самым обеспечить материально дорогостоящую экспедицию, Рерихи приезжают в Америку с мыслью, что это ненадолго и.... задерживаются там почти на три года.

¹ Не следует думать, что Рерихи не знали всех ужасов, сопряженных с тогдашними революционными событиями. Они пытались смотреть на революции вообще в контексте всего хода земной человеческой эволюции. О всем сложном и неоднозначном отношении Е.И.Рерих к самому феномену революции свидетельствует ее следующая фраза письма: «Именно вследствие низкого состояния человечества, взятого в целом, а также по причине часто неразумного водительства, на революции приходится смотреть как на восстание здоровых клеток на защиту всего организма».

Новый свет

Выставки картин Николая Константиновича проходят с триумфальным успехом, средства на экспедицию откладываются. Но задумано новое грандиозное предприятие – учреждение Пакта мира, иногда его называют Пактом Рериха, – межгосударственной конвенции, призванной сохранять культурные ценности народов во время войн. Елена Ивановна активно включается в культурно-просветительскую деятельность по пропаганде русского искусства, руководит возникающими в США женскими организациями. К ее мнению прислушиваются постоянно собирающиеся в доме Рерихов известные американские ученые, писатели, журналисты, художники и даже представители деловых кругов, втянутые в мощную орбиту нового, доселе неведомого в прагматическом мире культурного движения.

Одновременно продолжают начатые в Лондоне в 1920 году записи первой книги Учения Живой Этики «Зов». Книга представляет собой как бы призыв Учителя к ученикам нести Провозвестие Востока.

Среди новых знакомых Рерихов в Нью-Йорке З. Г.Фосдик – будущий директор рериховского музея в этом городе. Сама уроженка России (родители увезли ее в Соединенные Штаты в раннем возрасте), Зинаида Григорьевна так описала свою первую встречу с Рерихами:

«Николай Константинович сердечно поздоровался с нами, а Елена Ивановна радостно улыбнулась, когда мы заговорили на нашем родном языке. Как сейчас вижу перед собой эту красивую женщину... Ее лучистые карие глаза, тонкие черты лица, пышные волосы, каштановые, с проседью, румянец на слегка смугловатой коже – все привлекало в ней».

Зинаида Григорьевна вспоминала, насколько внимательна была к ней посланница из России, как пристально она вникала во все ее проблемы, как плодотворны были их беседы об искусстве (ведь обе они профессионально занимались музыкой). Елена Ивановна учила ее началам восточной философии, принципам культурного строительства, основам художественной перспективы в живописи (Фосдик вообще утверждает, что Елена Ивановна прекрасно рисовала и что в ее записной книжке она видела яркие выразительные рисунки).

Кульминацией деятельности Рерихов в Америке становится создание таких культурных организаций, как Международное общество художников «Пылающее сердце», Институт объединенных искусств и Художественный центр «Венец мира». Но, конечно, особая успешность всей американской деятельности супругов во многом объяснялась пристальным вниманием и постоянной поддержкой Великих Учителей, с посланниками которых состоялись еще две встречи – в Нью-Йорке и в Чикаго; Рерихи знали об этой поддержке и всегда ценили ее. Вот что рассказал об одной из встреч в дневниковых записях «Вехи» Николай Константинович, скрыв себя за определением «мой знакомый друг»:

«...Было указано открыть в одном городе просветительное учреждение. После всяких поисков возможности к тому он решил поговорить с одной особой, приехавшей в этот город. Она назначила ему увидаться утром в местном музее. Придя туда «в ожидании», мой знакомый друг заметил высокого человека, несколько раз обошедшего вокруг него. Затем незнакомец остановился рядом и сказал по поводу висевшего перед ним гобелена: «Они знали стиль жизни, а мы утратили его». Мой друг ответил незнакомцу соответственно, и тот предложил ему сесть на ближайшую скамью.

И, положив палец на лоб (причем толпа посетителей – это был воскресный день – не обратила внимания на этот необычный жест), сказал: «Вы пришли сюда говорить об известном вам деле. Не говорите о нем. Еще в течение трех месяцев не может быть сделано ничего в этом направлении. Потом все придет к вам само». Затем незнакомец дал еще несколько важных советов и, не дожидаясь, быстро встал, приветливо помахал рукой со словами «хорошего счастья» и вышел. Конечно, мой знакомый воспользовался его советом... Через три месяца все свершилось, как было сказано. Мой друг и до сих пор не может понять, каким образом он не спросил имени чудесного незнакомца, о котором больше не слышал и не встречал его. Но именно так и бывает».

Постепенно к супругам пришло понимание и того факта, что «досадная задержка» Рерихов в Америке имела глубокий смысл. Без серии выставок-продаж не нашлось бы средств на центрально-азиатскую экспедицию, без американских культурных учреждений не состоялся бы будущий институт Урусвати, большую поддержку которому оказали ученые Нового Света. И наконец, зерна духовного созидания, брошенные Рерихами в американскую почву, дали поздние всходы культурного сотрудничества двух народов, хотя супруги действовали как представители «народной дипломатии» без какого бы то ни было официального представительства. И как знать, полновесный урожай от этих всходов, может быть, еще предстоит собрать в наши дни.

Америка стала важным этапом внутреннего роста Николая Константиновича и Елены Ивановны, явилась «огранкой» их культурно-просветительного энтузиазма, воли, зоркости, умения строить отношения с людьми. Ведь все культурные начинания приходилось разворачивать в весьма душной атмосфере и «плотной» среде, мало приспособленной для восприятия «тонких» идей складывающегося синтетического Учения. Новый Свет – родина бизнесменов и деловых людей, где то, что называется гражданской позицией, чаще всего есть почти синоним свободного предпринимательства. Правда и то, что сознание молодой и энергичной американской нации было еще не столь заблокировано интеллектуальными стереотипами, как у представителей коренной Европы. Среди бизнесменов, встреченных Рерихами на пути, было немало ярких психологических типов, умных и волевых людей с интересными биографиями. С одним из них, знаменитым миллиардером Генри Фордом, у Рерихов установились дружеские отношения. Обладая широкими взглядами, свободный от привязанности к узко-материальным устремлениям и чисто «денежной» психологии, он по достоинству оценил размах культурно-просветительной и духовной деятельности супругов и оказал существенную финансовую поддержку при организации трансгималайской экспедиции.

Но в целом, обращение американского сознания к иным основам жизни, попытки (притом довольно успешные!) переключить внимание деловых людей от культа золотого тельца к культу света требовали от Рерихов и находчивости, и терпимости, и такта, и горения. Сработал закон: уча, учишься сам.

Трансгималайское путешествие

В 1923 году, когда созрели подходящие условия, Елена Ивановна вместе с Николаем Константиновичем отправляются в давно спланированную экспедицию, снаряженную на средства общественных организаций США и под американским флагом. В Париже к родителям присоединяется Юрий, завершивший к тому времени в Сорбонне свое востоковедческое образование, начатое в Петербурге и продолженное в Лондоне. Младший сын, Святослав, остается в Америке для продолжения учебы в Гарвардском университете и продвижения многочисленных дел, предпринятых родителями.

В Индии Рерихи изучают древние памятники искусства и культуры, производят археологические раскопки, посещают монастыри, проходят маршрутом, по которому, согласно преданиям, шел, проповедуя «четыре благородные истины», Будда. Состав экспедиции, продлившейся в общей сложности пять с половиной лет, все время менялся, но Елена Ивановна вместе с мужем и сыном была ее постоянным участником от первого до последнего дня. Вместе с мужчинами ей приходилось преодолевать опасные обледенелые перевалы, взбираться на высокогорные хребты, замерзать под холодными ветрами, терпеливо побеждать сопротивление местных властей, обороняться от нападений бандитов. Ввиду исключительной трудности маршрута первоначально предполагалось, что какую-то часть пути Елену Ивановну в специально оборудованных носилках понесут носильщики-проводжатые. Но с первого же дня она заявила, что «на людях не поедет», пересела на лошадь и, хотя до этого никогда не занималась верховой ездой, прошла в седле в составе экспедиции по территории азиатского континента 25 тысяч километров!

Знаменитое трансгималайское путешествие Рерихов, в полном объеме представляющее поистине необъятную тему, в многочисленных публикациях описано довольно подробно. Остановимся на фактах, связанных с участием Елены Ивановны в экспедиции. Дневниковые записи Юрия Николаевича пестрят следующими записями:

«Шли одиннадцать часов. Елена Ивановна едет не слезая с коня более 13-ти часов. Значит, так называемая усталость побеждается чем-то иным, более сильным».

«Елена Ивановна все 10 дней на коне. Она не любит малых решений».

«Елена Ивановна – первая русская женщина, проделавшая такой путь. А тропы азийские часто трудные узкие горные подъемы, и речные обрывы, и тарбаганы норы. Ну да и встречи с разбойными голоками тоже не очень приятны».

Но замечательное присутствие духа позволяло мужественной женщине поддерживать тех, кто начинал поникав волей. Случалось, при сердечных приступах и пульсе, доходившем до 145 ударов в минуту, где-нибудь на высокогорном плато она поднималась на привале первая, подбадривала проводников и погонщиков. А людей она видела, что говорится, насквозь. Юрий Николаевич упоминает о процедуре отбора людей в состав экспедиции, которую семья доверила своей проницательной «ведущей»:

«Мы объявили на базарах о найме караванщиков, и ежедневно нас стали осаждать толпы желающих. Из этого сборища балтов, кашмирцев, аргунов и тюрок Е.И. выбрала несколько человек, впоследствии оказавших нам неоценимые услуги... Эти люди никогда не унывают, даже во время затяжных буранов в горах, довольствуются малым и никогда не жалуются на усталость. В наших последующих странствиях мы часто вспоминали ладакских погонщиков, их удивительное мужество и стойкость».

Путь был столь насыщен опасностями, что лишь исключительная выдержка помогала справиться со всевозможными препятствиями.

Можно представить, что пережила Елена Ивановна, когда лошадь старшего сына вместе с наездником начала медленно съезжать в пропасть. Наблюдательность и острота восприятия Елены Ивановны, ее предельно утонченные земные органы чувств, ставшие преддверием к развитию различных «тонких» чувств, позволяли ей первой замечать приближение опасности, улавливать самые отдаленные звуки, различать притаившихся в зарослях бандитов. Во время долгого пути Рерихи не однажды были свидетелями так называемых необычных атмосферных явлений. Среди них – встреча с пролетающим в небе огненным диском, о чем впоследствии красочно рассказал в книге «Алтай-Гималаи» Николай Константинович, а также явление «непалящего» огня, описанное Еленой Ивановной в одном из писем:

«Нежгучее пламя (горящая Купина Моисея) есть так зазываемый небесный огонь, который может проявиться лишь при соприкосновении с аурой определенного напряжения. Н.К. и я явились свидетелями такого огня во время нашего путешествия по Тибету. Вспыхнул он совершенно неожиданно в нашей палатке поздно вечером. Муж уже дремал. Я подошла к своей кровати и протянула руку, чтобы отдернуть одеяло, и вдруг посреди поднялся столб, вернее костер, чудесного серебристо-лилово-розового пламени. Сразу я не поняла, в чем дело, и с возгласом – огонь, огонь! принялась тушить его руками, но огонь не потухал, языки пламени не обжигали моих рук, и я лишь ощущала приятное живое тепло. Мой возглас разбудил мужа, и он увидел меня, стоящую на фоне этого пламени. Явление это продолжалось не более четверти минуты, может быть меньше, и так же внезапно исчезло, как появилось».

Николай Константинович, тоже описавший этот случай, заметил: сила огня была так велика, что «палатка была вся освещена».

Вообще, ощущение чего-то необычного, почти волшебного, и чудесные знаки судьбы сопровождали экспедицию на каждом шагу, скрашивая суровый реализм труднейшего маршрута. Ярким подтверждением этому является следующий случай, о котором рассказывает художник:

«Жена моя хотела иметь старинное изображение Будды. Но это не так легко, ибо старинные изображения редки и собственники их не расстаются с ними. Мы поговорили между собою на чуждом здесь языке и оставили дело до лучшего случая. Каково же было наше изумление, когда через несколько дней к нам приходит лама и с поклоном достает из-за пазухи отличное изображение Будды тибетской работы со словами:

«Госпожа хотела иметь Будду. Во сне мне явилась Белая Тара и указала отдать вам изображение Благословенного с моего алтаря».

Так мы получили давно желанное изображение». В многотрудном пути иногда приходилось не только принимать чудеса в дар от щедрой гималайской фортуны, но и совершать собственные, необычайные для местного населения действия, которые оно воспринимало как проявления чудесных сил. Юрий Николаевич вспоминал, как во время путешествия по Тибету мать, пользуясь своими тонкими «психическими способностями», излечивала людей от болезни. Однажды пришлось лечить сына губернатора, и результат был благоприятный: «Мальчик скоро поправился. Впоследствии губернатор намекнул, что доброта Е.И. спасла нас от многих неприятностей». Свойство отвечать добром на зло было вообще в натуре Елены Ивановны, ведь многие представители китайских и тибетских властей отнюдь не походили на откровенного губернатора. Миротворившую и доброжелательную экспедицию часто подвергали обыскам, задержкам и другим притеснениям.

Справедливости ради отметим, что многочисленные затруднения экспедиции не стоит относить лишь на счет тяжеловесной бюрократической машины или произвола местных чиновников. Известно, с каким подозрением следила английская и китайская дипломатия за появлением любого русского человека в Индии и в Тибете. Об этом писала еще Е.П.Блаватская в книге «Из пещер и дебрей Индостана» в XIX веке. А после революции подозрение вдвойне окружало людей, не скрывающих симпатии к «красной России», да и не порвавших с ней даже формально-гражданских связей. При выезде из России Рерихи отказались оформить так называемый «нансеновский паспорт», служивший официальным документом для русских эмигрантов, как бы подтверждающим их разрыв с большевиками. Отказались они и принять подданство другой страны, продолжая считать себя гражданами Родины с новым общественно-политическим строем. Более того – было составлено завещание, согласно которому в случае гибели Рериха во время пути все экспедиционное имущество и картины становятся собственностью русского народа. Конечно, такая позиция осложняла судьбу семьи, и, несмотря на мировую известность Николая Константиновича, подозрения, брань и клевета со стороны определенных кругов всегда сопровождали любые инициативы Рерихов.

Начало экспедиции в Индии было ознаменовано одним замечательным событием, изменившим ее предполагаемый маршрут и планы. В Дарджилинге в местном храме на окраине города состоялась ожидаемая всю предшествующую жизнь земная встреча Елены Ивановны и Николая Константиновича с самими Великими Учителями. Последняя книга Агни Йоги «Надземное» позднее передала внутренний трепет всего существа Елены Ивановны, с первых мгновений ситуации сердцем почувствовавшей присутствие чего-то необычного и невыразимо высокого, хотя явившийся на встречу Учитель по внешнему виду и одеянию не отличался от других находившихся рядом лам. Совместное глубокое впечатление от встречи выразил и Николай Константинович: «Люди, встречавшие в жизни Учителей, знают, как просты и как гармоничны, и как прекрасны Они. Эта же атмосфера красоты должна окутывать все, что касается их области». После продолжительной (в отличие от кратковременных лондонской, нью-йоркской и чикагской) встречи в Дарджилинге Рерихи получают еще одно важное задание – передать Советскому правительству ларец со священной гималайской землей на могилу Ленина, имя которого высоко почиталось на Востоке, а также послание руководителям СССР, где Новой Стране была предложена помощь, основанная на знаниях, накапливаемых тысячелетиями. Впервые напечатанный в нашей стране в 1965 году в журнале «Международная жизнь» текст послания затем неоднократно публиковался в других изданиях.

Многое в этом послании сегодня может вызвать недоумение и даже протест с точки зрения обыкновенной человеческой логики – ведь оно содержит благословение ряда разрушительных процессов и тенденций революции, о которых в наши дни стало известно гораздо больше, нежели ранее. Неужели мудрые и всеведущие Учителя не знали о них? Почему они допустили хаос разрушения?

Эзотерические учения говорят, что при рассмотрении такого сложного явления, как духовная эволюция земного человечества, порой необходимо смотреть на вещи поверх обыденной логики и обыденных представлений о добре и зле. Великие Учителя, направляя эволюцию планеты и помогая людям, действуют, строго придерживаясь принципа свободной воли, и никогда не вмешиваются в исторический процесс насильно, даже имея в виду благую цель. Средства есть продолжение цели, и, если они, недостойны, то они бросают тень на саму цель.

Всякое насильственное добро или насильственное сдерживание направленной ко злу свободной воли отдельных людей, правителей или государств по закону причинно-следственной связи увеличивает дисгармонию мира. Оно допустимо лишь в случаях защиты от явной вооруженной агрессии людей от себе подобных, но никак не со стороны Высших форм сознания и Старших Братьев человечества, наблюдающих за свободным выбором того или иного пути развития каким-либо государством. Принцип работы Великих Учителей с человечеством состоит прежде всего в многообразных духовных импульсах, посылаемых в виде различных откровений, религий, учений, а также в виде насыщения «тонкой» психосферы планеты высокими идеями, образами и энергиями. В отдельных случаях подобная помощь может заключать в себе конкретные предложения, советы или даже программы на государственном уровне. Что касается возможных недоумений по поводу сотрудничества с запятнавшим себя кровью советским режимом, следует отметить, что Учителя работают не с идеальным, существующим в сознании утопистов человеком, а с реальными людьми, какие они есть, не упуская случая бросить одухотворяющие зерна знаний даже в лишенную освещения и сухую почву. Тем более, если эти люди облечены государственной властью и отвечают в данный момент за судьбу великой державы.

Нельзя не предположить также, что приветственный тон Послания объясняется и тем, что Учителя рассчитывали на возможный диалог, а не на немедленный отказ. Можно представить себе, насколько малоуспешной и даже трагической была бы миссия Рерихов, если бы свой разговор с агрессивным, неуступчивым и догматически мыслящим советским руководством начался с обличения его просчетов и ошибок. Один из принципов, запечатленных Агни Йогой, – всегда говорить по сознанию собеседника.

Но не одни лишь тактические цели преследовала примирительная тональность Послания. Ряд высказываний, касающихся «эволюции общины», «угаданной» Новой Страной, а также поощрение идей, направленных против излишней привязанности к собственности и нацеленных на построение Общего Блага, представляют собой одобрение ряда стратегических замыслов вождей революции, прежде всего, конечно, самого Ленина¹. (К ближайшему окружению Ленина и Рерихи, и Учителя относились весьма критически, если не сказать больше: «В окружении чуждых ему сотрудников Ленин один нес негасимое пламя подвига».) Видимо, авторы Послания выделяли эти идеи из прочих советских начинаний и считали, что, несмотря на все их несовершенство, они, при соответствующей духовной поддержке, с эволюционной точки зрения ведут дальше, нежели прежние во всех отношениях более комфортные принципы государственного устройства.

¹ Конечно, отношение Рерихов к Ленину не было умильно-апологетическим. Ряд намеков свидетельствует о неоднозначности отношения. Без восторгов Рерихи воспринимали философское наследие Ленина. ««Книги Ленина ценим меньше» (по сравнению с его способностями деятеля)», – говорится в книгах Живой Этики. Потому Рерихи постоянно говорили о необходимости одухотворения диалектического материализма и познании тонких форм материи. А осквернение Троицко-Сергиевской Лавры, когда были потревожены мощи Сергия Радонежского (это сделали по распоряжению Ленина) Елена Ивановна в очерке назвала деянием «кошунственных рук» И тем не менее Рерихи считали, что действия Ленина (даже в своем разрушительном аспекте) были оправданы высшей эволюционной необходимостью, что, благодаря им была сохранена целостность России в условиях хаоса и что это рано или поздно будет осознано в будущем. «Расчленение России – гибель для всего мира», – писала Елена Ивановна. Сходной точки зрения придерживалось правое крыло русской эмиграции (например, В.Шульгин, И.Ильин, евразийцы и младороссы).

Ведь основное направление эволюции состоит, согласно Агни Йоге, не столько в совершенствовании внешних форм жизни, связанных с экономическим довольством и научно-техническим прогрессом, сколько в улучшении внутреннего человека, его бессмертного духовного начала, а пробуждение духа (индивидуального или народного) обычно происходит не в сытости и благополучии, а в суровых, порой жестоких жизненных обстоятельствах, именно они высекают из застывшего в развитии сознания искру духовности, помогают ему осознать и преодолеть собственную самость, обуздать алчную привязанность к «несуществующей» (по определению Учения) собственности и раскрыть в себе общинное альтруистическое начало.

Рерихам, выступающим в качестве посланников Махатмы, было очевидно, что даже наиболее здоровым начинаниям Новой Страны грозит крах, ибо после ухода Ленина среди советских руководителей нет обладающих достаточными знаниями о том, как необходимо строить провозглашенное будущее. Главная помощь, которую заключало в себе Послание, состояла в готовности Учителей Востока передать знания о путях, законах и принципах правильного строительства жизни во имя Общего Блага, которое молодая страна пыталась строить на фундаменте «разрушенного до основания» старого мира. Кстати, к 1926 году этот фундамент, несмотря на многие потрясения, все же не был разрушен до основания – еще не прошла коллективизация, окончательно уничтожившая прежний уклад жизни, и представлявшая собой по сути «насильственную общину», – понятие, подвергнутое в Агни Йоге суровой критике. Еще оставался шанс продолжить строительство Нового государства с принципами духовной общины на здоровой, естественной, исторически сложившейся в России почве крестьянской общины. Потому слова Послания об угаданной Советами «эволюции общины» следует понимать не столько как реальную угаданность, сколько как тонкую подсказку направления пути. Соответствующее вселенским законам бытия сокровенное знание должно было поддержать самоотверженный, но стихийный порыв народа, сделать его постройку нерушимой, уберечь государство от наметившихся ошибок и перекосов в сторону еще незримого для большинства, но уже замеченного для мудрого взгляда культа личности, культа грубой материи, ведущего к отрыву от космических задач¹. Впервые в современной человеческой цивилизации возникла уникальная возможность расширить духовное водительство Старших Братьев человечества с небольшого числа отдельных продвинутых учеников до размеров огромной страны.

¹ Кстати, к атеизму в СССР, несмотря на всю его разрушительную нелепость, Учение относилось спокойнее, чем к застарелому европейскому религиозному лицемерию, ибо считало его поверхностной, легко проходящей болезнью, не способной проникнуть в сокровенные мистические пласты русской души: «Где мнимое отрицание, там жатва Господня. Но где фальшивое благолепие, там меч занесен».

Московская миссия

Получив визы на въезд в Советский Союз, Рерихи 13 июня 1926 года прибывают в Москву, где останавливаются в Гранд-отеле. Несмотря на внешне стабильную ситуацию в стране, которую отделяли еще несколько лет от ожидавшего ее внутривластного произвола, отношение к людям, прожившим долгое время за границей вроде Рерихов, было со стороны властей достаточно напряженным. Семья понимала, что их приезд небезопасен и может обернуться непредсказуемыми последствиями, поэтому само решение пересечь границу, как будет видно чуть дальше, – свидетельство известного мужества. Следующий непростой шаг состоял в правильном выборе конкретных официальных лиц, которые обладали бы достаточной широтой сознания, культурой и терпимостью к иной системе взглядов, а также были бы способны хоть в какой-то мере оценить открывающиеся в случае принятия послания перспективы. Главное лицо государства не подходило для этой цели по причинам, не требующим особых комментариев. Еще более определенное мнение у Рерихов было по отношению к популярному тогда Троцкому: они отчетливо видели враждебность его идеологии тем идеям, с которыми они приехали. Для них, веривших в высокую историческую миссию русского народа, «Ивана Стотысячного» и преобразующую силу культуры, было совершенно неприемлемо стремление Троцкого к массовой милитаризации крестьянства и рабочего класса, его откровенно антинародные, антирусские политические взгляды. К троцкизму у семьи всегда было непримиримое отношение. В книге В.Сидорова «На вершинах» приведен отрывок из делового письма Николая Константиновича по поводу включения различных материалов, писем и приветствий в юбилейный рериховский сборник, посвященный 40-летию его творческой деятельности. Вот что рекомендует он сделать с присланным в провокационных целях троцкистским письмом:

«Письмо Клечанды, конечно, можно поместить среди приветствий, но троцкистское словоизвержение Дефрис, конечно, выбросьте совсем, имени ее не поминайте и вообще прекратите с ней всякие сношения. Эта личность сродни нью-йоркским троцкистам, а мы дали ее адрес, лишь чтобы убедиться в троцкистских мировоззрениях...

Если бы троцкистка опять стала к Вам приставать, то Вы ответьте ей, что ее письмо вообще запоздало, чтоб на этом и кончить всякие сношения».

Конечно, больше всего Рерихи сожалели о том, что им не удалось встретиться с Лениным, который смог бы оценить всю важность «единения Азии». Но выбирать не приходилось. К наиболее восприимчивым и культурным людям, которые могли бы чем-то помочь делу и к тому же были ближе других к решению проблем, затронутых Рерихами, по своему официальному статусу, супруги отнесли Крупскую (как человека, «изнутри» лучше всех знавшего Ленина), наркома просвещения Луначарского (в силу его образованности и прямого отношения к руководству сферой культуры) и наркома иностранных дел Чичерина (как тонкого политика и культурного человека). Последнего Рерих знал еще по Петербургскому университету и, видимо, потому нашел с ним в беседах все же большее взаимопонимание, чем с Луначарским.

В Кремле, во время бесед с двумя наркомами, Николай Константинович выполнил высокое поручение, вручив ларец с гималайской землей и послание Махатм Советскому правительству. Одновременно с посланием он приносит государству в дар серию картин. Однако Луначарский не нашел для них ничего лучшего, как оставить полотна пылиться в углу.

Лишь благодаря счастливой случайности Горький узнал о существовании этого рериховского дара и забрал картины в личное пользование: в дальнейшем они некоторое время украшали его подмосковную дачу в Горках, а затем были переданы на его родину в Горьковскую картинную галерею.

В итоге помощь не была отвергнута, но не была также и принята. Чичерин отложил вдумчивое рассмотрение предложений, привезенных из Гималаев, до лучших времен, когда подойдут подходящие условия. «Лучшие времена» обернулись для страны тяжелейшими испытаниями.

И еще один важный штрих, дающий возможность почувствовать, какова могла быть официальная реакция, если бы Рерихи проявили чуть больше настойчивости и неосмотрительности или вышли бы на других людей со своими предложениями. Когда срок пребывания семьи в Москве уже подошел к концу, неожиданно в гостиницу пришло официальное приглашение посетить Наркомат внутренних дел для беседы с Дзержинским. Конечно, Рерихи хорошо понимали, что такое приглашение вряд ли означает, что все предложенные ими идеи с восторгом встречены в «верхах». Но жизненный принцип, повелевающий встречать все испытания судьбы лицом к лицу, не уклоняясь ни от одной из трудностей, выпавших на пути, помог им пересилить сомнения и пойти на встречу. Пошли вдвоем – отец и сын. Елена Ивановна с тревогой ожидала их возвращения. В приемной на Лубянке после продолжительного ожидания они услышали, что на сегодняшний день встреча не состоится. А когда она будет, их известят письменно позднее. На следующее утро газеты сообщили о кончине Дзержинского.

После семейного совета было решено – так как все намеченные дела и поручения выполнены, пора покидать столицу и отправляться в путь, ведь центрально-азиатская экспедиция еще не закончилась. И поскольку экспедиционные паспорта и разрешение пересечь границу СССР и Китая были уже получены, Рерихи решили не откладывать. В самое ближайшее время они собирают вещи и выезжают из Москвы. Как показали дальнейшие события, их скорый отъезд представлял собой единственно правильное решение. Забегая вперед, скажем, что через полтора месяца в Монголию, где в это время находилась экспедиция Рерихов, пришла правительственная телеграмма из Москвы, где содержалось требование по распоряжению Сталина немедленно вернуть художника Рериха в СССР, а в случае отказа с его стороны подчиниться – применить все меры вплоть до ареста и насильственного препровождения через границу. Понимая, чем это грозит для всей семьи Рерихов, консул Быстров в Урумчи, с огромной симпатией относившийся ко всем трем, решился на следующий шаг: дал ответную телеграмму, что экспедиция уже несколько дней, как покинула Монголию, а самим Рерихам он предложил в целях безопасности побыстрее исчезнуть из поля внимания и действительно выехать из страны.

...Поезд, на котором Рерихи уезжали из Москвы, вез их через всю Россию на восток. Наблюдая за переменами в жизни страны, Елена Ивановна испытывала радость, которая в какой-то степени помогала ей легче перенести чувство горечи по поводу утраченных для России возможностей. Конечно, она сознавала, что мировая история – естественный творческий импульс, создаваемый свободной волей людей, и насильственное вразумление их ничего не даст. Но она сознавала также всю уникальность шанса, предоставленного родине, и всю тяжесть бремени, которое выпало теперь на любимое отечество, чьи вожди так и не сумели понять преимущество кратчайшего пути знания и духовности...

Алтай

Обратный путь в Индию лежал через Алтай. Чуть больше двух недель провели Рерихи в Усть-Коксинском районе Горного Алтая в селе Верхний Уймон, где их принял в своем доме зажиточный крестьянин Вахромей Атаманов. Красота и своеобразие алтайской природы навсегда покорили сердце Елены Ивановны. Вместе с мужем и сыном она совершает поездки в окрестности села, исследует близлежащие невысокие горы и лесистые холмы, собирает целебные травы, общается с местными жителями, записывает распространенные на Алтае поверья и легенды о Белом Бурхане, Ойроте и Беловодье.

Приезд заграничных путешественников, к тому же русских по национальности, да еще из Индии, привлек внимание всей округи. Но в памяти местных жителей, большей части староверов, отложился не только этот факт сам по себе: привлекли простота, сердечность, которые излучали приезжие. Елена Ивановна дарила местным жителям цветные шали и платки, расспрашивала их о медицинских снадобьях, давала советы о воспитании детей. Вот что вспоминала о ней алтайская старожительница – крестьянка Агафья Вахромеевна Зубакина:

«Шибко хорошие люди были. Молодолицые, разговорчивые. Сама была вся беленькая, светлая. И волосы светлые, и глаза. Шибко красивая была. Длинный сарафан у нее был, долгая одежда. Широкое очень длинное носила. Вся одежда здешняя. Окошки открывать любила. Возле окна обычно сидела, писала. Все на свете рассказывала. По младшему сыну скучала, плакала. Три года его не видела. Учился все где-то.

В шесть часов утра вставали. Шибко много работали. А придут вечером, переоденутся и опять за работу. Три минуты им дороги...

Среди этих во многом женских свидетельств памяти отметим неточные вроде бы детали: «вся беленькая... и волосы, и глаза». Возможно, так ощутила простая крестьянка свет, исходивший от темноволосой и кареглазой Елены Ивановны, что отмечали все встречавшиеся с ней.

Фекла Семеновна Атаманова, сноха Вахромей Атаманова, рассказывает о Николае Константиновиче:

«Вперед видел. Ехал однажды, кнутом указал место, говорит: «Здесь люди жить будут». И точно, деревня Тихонькая через несколько лет появилась».

Сам Николай Константинович в книге «Алтай-Гималаи» позднее напишет, что виделся ему в долине Катунь город Знания и центр культуры, которому они вместе с Еленой Ивановной дали название – Звенигород. Супруги почувствовали громадные перспективы этого края в развитии Сибири и всей страны. Впоследствии Елена Ивановна говорила об Уймонской долине и долине Кулу как о двух нераздельно связанных между собой точках обширного горного континента Азии.

Мысли о городе Знания, который необходимо построить именно в наиболее благоприятной для исследования зоне – в горах, как бы предваряли будущее создание в долине Кулу института Урусвати, задуманного как международный центр, где будут представлены все виды наук. Алтай помог оформиться и другой мечте Елены Ивановны. Озабоченная мыслью – как поднять сознание женщины к пониманию своего высокого духовного назначения в жизни, она приходит к идее создания в этих местах, как, впрочем, и повсюду, женских ячеек, объединенных идеей совершенствования и почитания культуры. Их участниц она стала называть теперь «сестрами Золотой Горы» (имелась в виду самая высокая и почитаемая гора Алтая – Белуха).

Да, два самых сильных впечатления Елены Ивановны во время пребывания в благословенном горном крае – это мощная, вознесенная в небо Белуха, которую она воспринимала как русскую сестру гималайской вершины Канченджанги, и красавица Катунь, стремительно несущая свои белые воды по Уймонской долине. В этих двух связанных между собой незримой связью священных творениях алтайской природы виделись ей особые места и магниты, концентрирующие в себе тонкую жизненную силу. В назначенный срок эта сила поможет в грядущих построениях центров Культуры. Поэтому все легенды алтайцев и староверов о Белухе и Катуни были зафиксированы с особой тщательностью. Одна из легенд позднее была в яркой поэтической форме воспроизведена Еленой Ивановной в книге «Криптограммы Востока» под названием «Белая Гора»:

«Гора Белая, Гора, познавшая откуда вода белая пошла.

Пошлет Гора камни Катуни. Сносят камни берега белые, разделяют камни брат от брата. Закраснела кровью Катунь, идет война.

Белая Гора, ты ли послала красные камни? Где твое Беловодье?

Возьму посох кедра, окручусь белою одеждою, подымусь на Белую Гору, у нее спрошу – откуда пошла белая вода?

От Горы, от самой вершины показались сорок сороков вершин. За ними светится Гора Белая!

Камень ли горит? Тайна обозначилась.

Пойдем, братие, на тот Свет сияющий!

Невиданное увидено. Неслыханное услышано.

На Белой Горе стоит град. Звон слышен. Петух в срок закричал.

Удалимся в город и послушаем Книгу Великую».

Белая вода словно белая чистая вера, вышедшая из неведомого горного истока всех начал, страннический посох кедра, почему-то заставляющий вспомнить кедр ливанский, сорок сороков безмолвных снежных вершин, в своей неслышной музыке сфер удивительно перекликающиеся с малиновым звоном колоколов стольного града – Москвы, которых также было «сорок сороков»; чудесный камень Востока, так похожий на горячий Камень Алатырь из древних отечественных сказаний, – сколько исконных русских символов заключено в маленькой легенде!

А Николай Константинович в книге «Сердце Азии» напишет о другой легенде, которая «шепчется в разбросанных юртах», что «на реке Катуни произойдет последняя битва людей и что из-за далекой Белой Горы сияет свет Белого Бурхана».

После экспедиции Рерихов сегодня прошло уже шестьдесят с лишним лет, и хотя деревня Тихонькая действительно возникла через 5 лет после предсказания, городу Знания, видимо, еще не пришли сроки. Однако спустя полвека после пребывания Рерихов в Верхнем Уймоне застучали топоры – началось строительство дома-музея Николая Константиновича. Строили приверженцы идей Рерихов, приехавшие из Новосибирска, Пензы, Москвы, Таллинна, из других городов и сел страны. Сначала возникла естественная идея отреставрировать сохранившийся дом Вахромья Атаманова с мемориальной доской о пребывании в нем Рериха. Но потом решили строить совершенно новое здание из «вечного» леса – лиственницы. И вырос в селе на берегу протоки Катуни нарядный двухэтажный терем, где каждая тесинка любовно обработана руками строителей. Символика Индии и Алтая переплелась в резьбе, а конструкция здания сохранила старообрядческий стиль дома Атаманова.

Увлекательная и во многом драматичная история строительства в будущем, наверное, станет предметом исследования историков-рериховедов, а сегодня музей еще не открыт, хотя строительство здания было завершено в 1982 году.

Тревога нависла и над Катунью. Лучшая, быть может, жемчужина в ожерелье отечественной природы и один из немногих нетронутых уголков страны, Алтай, видимо, не дает покоя технократам. Был задуман проект строительства каскада гидроэлектростанций на реке. Когда под давлением общественности от каскада пришлось отказаться, авторы проекта стали настаивать на сооружении хотя бы одной электростанции, действуя по принципу: «лиха беда начало». Когда же и эту идею возвратили на повторные экспертизы, строители, не дожидаясь утверждения проекта, развернули энергичную деятельность и начали подготовительные работы. Интересен и поучителен следующий факт: строительству здания музея, которое украсило старинное село и велось бескорыстно, методом народной стройки, местные власти, до определенного момента помогавшие, начали чинить множество препятствий. Музей, как уже говорилось, не открыт до сих пор. А дорогостоящему проекту, грозящему расшатать экологическое равновесие прекрасного уголка страны, и проекту не утвержденному, уже дана кем-то зеленая улица. Поистине, странные дела творятся под родными небесами!

Уникальность природы Алтая говорит сама за себя: опасность реализации проекта Катунской ГЭС для экологического будущего страны ничуть не меньше той угрозы, которую несет в себе печально знаменитый проект переброски северных рек. Построение ГЭС предполагает также затопление прекрасной долины (места прохождения в прошлом великого шелкового пути) и погребение под водами (к этому времени уже отнюдь не белыми) археологических памятников, курганов, культовых сооружений, которые в обилии хранит алтайская земля – в прошлом великий исторический узел переселения народов. Конечно, навсегда будет похоронена и сама идея основания в этом наиболее чистом и биологически активном месте Звенигорода – Города Знания, Культуры и, быть может, цивилизации Будущего. Воистину «закраснела кровью» Катунь, идет война, усиливается натиск невежества... И все это на глазах хозяина «лесов, полей и рек» своей «необъятной родины» – русского народа, которому в очередной раз не хватает разума осознать, какая опасная, зловещая перспектива ожидает его, если он отдаст на растерзание важнейшую водную артерию Алтая, не хватает воли увидеть, как важно сейчас объединить усилия, чтобы противопоставить их хорошо организованной технократической тьме. Вопрос с Катунью перешел в разряд вопросов о национальной совести и духовной состоятельности народа. Если вопиющее, недомыслие безответственных чиновников возобладает над здравым смыслом битва на Катунь может на самом деле стать последней, и уже ничем невозможно будет остановить сползание страны в экологическую пропасть.

Снова в пути

После посещения Алтая путь, растянувшийся еще на два года, продолжился по высокогорью и каменистым плато. Рерихи двинулись на Восток, через Барнаул и Новосибирск. Дальнейший путь пролегал через Улан-Удэ и Монголию. В Монголии, в типографии, предоставленной правительством, Рерихи издали две книги. В первой, написанной Еленой Ивановной под псевдонимом Натальи Рокотовой, с позиций сегодняшних научных достижений и широкого мировоззрения рассматривалась сущность древнего учения. Другая работа, «Община», как и все книги Учения, была опубликована анонимно. Над обеими книгами Елена Ивановна работала в экспедиции, одновременно выполняя наравне со всеми ее членами прочие обязанности и участвуя в научных изысканиях, порой делая важные открытия. В путевом дневнике Юрия Николаевича есть такая запись:

«25 марта Е.И. нашла интересную медную фибулу с двуглавым орлом в круге... Это изображение часто встречается среди древностей Северного Кавказа и восходит к искусству хеттов Малой Азии. Находка стала важным фактом, доказывающим проникновение азиатских мотивов в искусстве «звериного стиля» кочевников Тибета».

Работоспособность Рерихов, хотя и вызывает восхищение, все же укладывается в обычные человеческие представления. Но некоторые факты трансгималайской экспедиции выходят за рамки таких представлений. Еленой Ивановной в экспедиции была завершена начатая ранее еще одна книга «Озарение» – это вторая часть «Листов сада М.».

«Зов», «Озарение» и «Община» составили подготовительную триаду к собственно книгам Учения, открывающегося «Знаками Агни Йоги».

Выехав из Монголии на автомобилях, экспедиция приняла в дальнейшем обычный в Тибете вид каравана из лошадей и яков. На пути попадались факиры и монахи, йоги и паломники, торговцы и разбойники – вся многоликая Азия. Удалось побывать в монастырях, где не ступала еще нога европейца. Немалую роль сыграла в этом Елена Ивановна, чье открытое сердце и обаяние располагали к себе самых недоверчивых и малообщительных аскетов. Рерихи жаждали попасть в Лхасу – таинственную цитадель северного буддизма и резиденцию далай-ламы. Однако в Лхасу путешественников не пустили. Исходило ли это решение от самих тибетских властей, было ли принято под давлением китайского императорского двора или дипломатов Англии – об этом Рерихи так и не узнали. Но они сполна познали и лютую стужу, и голод, и издевательство местных властей. Пять месяцев простояла экспедиция на высоте 15 тысяч футов, не получая разрешения на дальнейшее продвижение. Жестокие морозы унесли жизни пяти проводников, погибли почти все выючные животные. И неудивительно – экспедиция экипировалась для долгих переходов и кратковременных стоянок, а пришлось всю зиму зимовать в летних палатках. Не менее тяжкими, чем холод, были неопределенность и томительное ожидание. Но в точности так же, как во время длительных передвижений Елена Ивановна праздновала победу над пространством, теперь она училась побеждать время, на практике познавая относительность этих понятий. В итоге труднейший участок пути – крест жизненных испытаний – был в конце концов преодолен. После долгих странствий в мае 1928 года Рерихи снова прибывают в Дарджилинг.

Глава 4. Белая индия

*«Благословенна Индия! Ибо ты одна сохранила понятие
Учителя и ученика».*

Знаки Агни Йоги

*«На дне всех миров, океанов и гор
Хоронится сказка – алмазный узор,
Земли талисман, что всевышний носил,
И в Глуби Глубин, наклонясь, обронил».*

И. Ключев. «Белая Индия»

Кулу

Вначале Рерихи поселяются в Сиккиме. Однако географическое положение этого региона не совсем устраивает их, намеренных обрести в Индии длительное пристанище. С этой целью они изменяют первоначальное местожительство и приобретают на севере Индии в долине Кулу дом, собственность местного раджи. Дом располагался в предгорьях Гималаев над священной для индусов рекой Биас, а сама долина была знаменита древними легендарными памятниками и событиями. Здесь, по преданиям, великий мудрец Вьяса, известный в Европе как Биас, писал «Махабхарату» и многие пураны-сказания. По другим преданиям, в долине бывали Будда и основатель красношапочной секты буддизма Падма Самбхава, жил главный персонаж «Бхагават Гиты» пандавский князь Арджуна. Помимо богатых исторических традиций долина Кулу привлекала умеренным и благоприятным для европейцев климатом, изобилием в ботаническом и археологическом смысле.

Итак, многолетние странствия по Азии были завершены. Естественно, что после окончания путешествия со всей остротой встала задача научной обработки его результатов. Во время экспедиции были собраны редкие книги, манускрипты и рукописи, многочисленные коллекции трав, минералов, археологических находок, предметов восточных культов и произведений искусства. С этой целью и для других научных исследований в будущем Рерихи постепенно создают институт, названный духовным именем, которое дали Елене Ивановне на Востоке, – «Урусвати», что означает в переводе с санскрита – «Свет утренней звезды». Это название было призвано как бы осветить ту научную деятельность, что будет вестись в институте, подчеркнуть ее высокую духовную направленность. Елена Ивановна становится почетным президентом-основателем Института и его душой. Основанный на принципах международного сотрудничества и комплексного, синтетического подхода к человеку, Институт явился как бы прообразом Института человека, о котором сегодня мечтают многие ученые мира. Елена Ивановна предвидела опасные тенденции, наметившиеся в науке XX века, ее технократический крен, ставшую тупиковой ее раздробленность на отдельные, слабо связанные между собой отрасли, и существенную утрату гуманистического духа. Науке разрушения, поэтому, она мечтала противопоставить одухотворенную науку, построенную на нераздельности понятий познания и нравственности.

Институт занимался проблемами археологии, искусства, геомагнетизма, растениеводства, биохимии, медицины и другими отраслями знания, а его сотрудниками были такие ученые, как Альберт Эйнштейн, Луи де Бройль, Николай Вавилов, индийский биофизик и нобелевский лауреат Джагадис-Боше, американский профессор Милликан. Нередко Институт принимал у себя делегации зарубежных специалистов, приезжавших проводить научные изыскания в благоприятных условиях горной лаборатории.

Мир Горный

Более пяти лет своей жизни Елена Ивановна провела в путешествии по величайшим горным массивам планеты. Но и остальные годы в Индии она пробыла по большей части за рабочим столом кабинета, из которого открывался вид на зеленые горы, увенчанные сверкающими снежными пиками. В ясную погоду была видна знаменитая вершина Канченджанга. Сюда, в этот благословенный горный мир, Елена Ивановна стремилась всем существом с самых ранних лет.

Всемирный характер лучших устремлений человечества к горным высотам можно видеть в преданиях и легендах, сложенных разными народами о священных горах – обители богов. В них – образ реально существующих гор переплетается с горами легендарными. Олимп древних греков, центр земли – гора Меру индусов, японская Фудзияма, древнееврейский Синай, предмет восхищения духа армянского народа – гора Арарат, Эльбрус древних персов, золотая космическая гора алтайцев Алтын-ту, объект поклонения зороастрийцев волшебная гора Таэра, Куль-Лунь китайцев времен Лао-Цзы и Конфуция. Можно вспомнить глубинную связь евангельского образа Иисуса Христа с горным миром, его преображение и «явление в теле божественной славы» на горе Фавор, знаменитую Нагорную проповедь, молитву на Елеонской горе в Гефсиманском саду.

Что значат горы в жизни духовного человека? Такой вопрос задавал читателю Павел Флоренский.

«Бывал ли ты на высоких горах, – у снеговой линии и выше? Тогда тебе должен быть понятным испытанный, хотя бы в бледном предчувствии тот переполняющий душу восторг и то мужественное и трезвое восхищение, которое готово, вот-вот, совсем унести молящуюся на высотах душу и разметать ее в синем эфире! Ты знаешь также то, что нет тогда ни усталости, ни печали, ни тревоги. Самое тело словно провеивается животворным и бодрящим эфиром высот и, теряя в весе, не то скользит по скалам, не то уносится таинственным вихрем. В эти часы, полные как вечность и составляющие одно единственное мгновение, вся косность плоти, вся брэнность земного бытия, весь туман души, все накопившиеся месяцами и годами миазмы страстей развеиваются, и омытое в эфире Солнце пронизывает лучом в самое сердце и убивает гнездящегося там змея. И девственную тогда и прозрачную душу, возлюбившую хлад тонких царственных вершин, уносит в себе в творческую пещеру эфирородное восхищение, то трезвенное и могучее и великодушное восхищение, которое приходит от стран Гиперборейских и которого ждут ныне растленные мелочностью и торгашеством народы».

Этот изумительный, как стихотворение в прозе, отрывок из работы крупнейшего отечественного мыслителя глубинно перекликается с торжественными строками Пушкина:

«Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег.
Парит, чуть видный, над горами.
Далекий, вожденный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!...»

Так сердца двух великих сынов России отозвались на зов могучего сердца Кавказа, который, согласно Агни Йоге, вместе с Алтаем и Гималаями составит область будущего средоточения центров человеческой цивилизации и культуры.

Мир не случайно поделен в сознании людей на «горный» – духовный и «дольный» – земной, на «горных» ангелов полет» и «дольной» лозы прозябанье». Разреженный, ионизированный, хрустально ясный воздух снеговых вершин, «хлад тонкий» (в Новом завете это знак приближения самого высшего) не случайно влек отшельников, гуру, святых всех времен, был наилучшим условием для постижения Голоса Безмолвия. Ступенями Бога называли на Востоке величественные горные массивы.

Учение Агни Йоги на своем, более современном и близком нам языке передает сущность этого «горного полета», как бы соединяющего физические и духовные высоты в неделимое целое:

«Сам воздух гор не только благотворен некоторым сердцам, но он напоминает о высотах после десяти тысяч футов – так сходятся и духовные, и телесные потребности. В вышине стихии огненная и воздушная очищают пространство не только физически, но и внутренне. Познавшие сердца стремятся ввысь, ибо знание говорит им о целительной сфере. К тому же каждый возлюбивший Братство отовсюду будет стремиться к Нам».

«...Мечта снова войти в горную долину, где можно увеличить знание, будет постоянно вести к достижению. Упомнить надо, чтобы пополнение знания текло непрерывно. Главное, сохраните устремление, которое движет всеми системами познания. Устремление – ключ к замку».

Желая передать неукротимую мощь «внутреннего искания прекрасных Гор», присущую Елене Ивановне, Великие Учителя называли ее «горной птицей». Именно среди высоких полетов духа выковывалась ее необычайная преданность Учителям сил Света, называемым в Учении Белым Братством. Каждая гора напоминала ей о тех беспредельных рубежах восхождения, которые все же предназначены к постепенному одолению. Но устремляясь к горному миру, она не уходила от «долины страданий», как называли землю восточные философы, а мечтала о том времени, когда два мира сольются в один, а люди науки и люди искусства заговорят на одном языке – языке Истины и Красоты.

Внешняя сторона жизни Елены Ивановны была хорошо организованной и глубоко продуманной. По свидетельству личного секретаря Рерихов Шибаева, распорядок в семье отличался четкостью и пунктуальностью, все было взвешено настолько тщательно, что не терялось ни минуты. Елена Ивановна прекрасно знала ценность времени. Вставая с восходом солнца в пять часов утра, она плотно работала над рукописями до позднего вечера, разрешая себе только краткие перерывы на слушание пластинок классической музыки и игру на фортепиано, любовь к которой она сохранила на всю жизнь. Как утверждала Зинаида Григорьевна Фосдик, она щедро расходовала себя и совершенно не щадила своих сил.

Весь ритм жизни Рерихов был пронизан особой духовной атмосферой, царившей в доме. С самого начала дня каждый из четырех расходился по своим комнатам и сосредоточенно работал. Николай Константинович шел к мольберту или диктовал Шибаеву деловые письма. Юрий Николаевич – в свой кабинет, где он писал востоковедческие труды или решал вопросы, связанные с институтом «Урусвати», Святослав Николаевич также занимался живописью, а Елена Ивановна погружалась в духовные записи. Через окно ее рабочего кабинета доносился шум священной реки Биас, напоминавшей о стремительном потоке жизни, той самой Сантаны, что запечатлена на полотне Николая Константиновича.

Зеленая долина Кулу по вечерам, после трудового дня, особенно располагала к прогулкам. В это время члены семьи обсуждали результаты, проблемы и находки дня, намечали планы на будущее, говорили на духовно-философские темы. Многолетний свидетель происходившего в Кулу Шибаев писал: «Сам Николай Константинович и Елена Ивановна вели размеренный, трудовой, можно сказать суровый, образ жизни. Никогда не жаловались ни на какие лишения, совершенно не считались с ними. За долгий период времени, проведенный в доме Рерихов, я наблюдал всегда лишь степенную торжественность во всех их действиях и разговорах, а также чувство глубокого человеческого достоинства... И это создавало между беседующими какую-то обстановку благородства и доброжелательности».

Жизнь в долине не походила на затворничество. Елена Ивановна чутко ловила отзвуки духовных исканий мира. Со всех концов света приходили письма, и поскольку ее добровольно взятый на себя «священный дозор» продолжался ежедневно и бессрочно, практически ни одно письмо не оставалось без ответа. Рерихи выписывали множество книг, журналов и газет на нескольких языках. В Кулу постоянно приезжали ученые из разных стран, приглашенные поработать в институт «Урусвати», а также представители международных рериховских обществ. Бывали в доме Рерихов бродячие садху, ученые пандиты, буддийские монахи. Уважение и даже почитание, которое окружало семью художника в Индии, было огромным. К слову сказать, во всем мире Рерих был известен в первую очередь именно как замечательный живописец, в Индии же его именовали «гуру-дэвом» или «махариши», что значит «божественный учитель» или «великий мудрец». А Елену Ивановну местные жители называли воплощением Белой Тары – верховной богини в буддийском пантеоне. Имена супругов были окружены легендами. Тибетцы рассказывали, что когда во время экспедиции в Рерихов летели пули разбойников, они словно отскакивали или изменяли траекторию под действием невидимой силы. Такие легенды доходили иногда до Европы, превращаясь здесь в слухи и небылицы, что, конечно, создавало для всей деятельности семьи дополнительные проблемы.

Но в Индии почитание со стороны простых людей совпадало с самым теплым, сердечным отношением индийской интеллигенции, а также с официальным признанием. (Так, Всеиндийский конгресс культурного единства одобрил рериховский Пакт мира.) И сама Елена Ивановна, в свою очередь, очень любила Индию, хорошо знала ее историю, культуру, народ. Ее духу были очень близки облики Тагора и Ганди. Последнего она называла «совестью Индии». Главное, что, по ее мнению, мешало развитию этой страны, – колониальное рабство и система каст. Она утверждала, что если бы Индии «удалось излечить разлагающие ее язвы, то расцвет ее изумил бы весь мир».

В тиши гималайского уединения Елену Ивановну все чаще посещает мысль о Родине, хотя она отчетливо понимает, что возвратиться туда в это время нет никакой возможности – там их ждет верная гибель или в самом лучшем случае, пресечение их миссии, связанной с обнародованием Учения Живой Этики. Предстояло завершить публикацию всей серии Учения в Риге на русском языке, наладить деятельность института «Урусвати». Для возвращения на Родину приходилось ждать более благоприятных времен. И семья продолжала трудиться для России вдали от нее в надежде, что работа в конце концов будет оценена и принята Родиной.

Чистый воздух и полная уединенность одного из самых великолепных уголков горной Индии создали благоприятные возможности для сосредоточения на главном? записи текстов Агни Йоги становятся отныне регулярными.

Вдобавок к трем изданным книгам выходят в свет и остальные десять книг серии – «Знаки Агни Йоги» (1929); «Беспредельность», части 1 и 2 (1930); «Иерархия» (1931); «Сердце» (1932); «Мир Огненный», часть 1 (1933), часть 2 (1934), часть 3 (1935); «Аум» (1936); «Братство», часть 1 (1937). Вторая часть книги «Братство» и последняя в серии – «Надземное» – осталась незаконченной в рукописи.

Огненное откровение

Участие в создании и обнародовании Живой Этики, или Агни Йоги, – главный жизненный подвиг Е.И.Рерих. Эта многотрудная миссия была выполнена столь блестяще, что Махатмы, желая подчеркнуть уникальность судьбы Елены Ивановны, говорили, что в целом двадцатом столетии ее нечем было бы заменить, и называли ее «Матерью Агни Йоги», предоставившей себя «на испытание пространственному огню».

Живая Этика несводима ни к науке в ее традиционной форме, ни к религии. Не следует ее рассматривать и как сборник экзотических легенд и притч или как уложение житейских предписаний и советов. Еще менее уместно включать Учение в ряд новейших модернизаций классических школ йоги Востока, которыми пестрит наш век, или видеть в ней философскую систему на европейский манер. Однако, несмотря на, так сказать, беспрецедентность Йоги Огня в мировой культуре, она, несомненно, представляет собой систему воззрений и практик, уходящих своими корнями в далекую древность, с одной стороны, и в новые космические условия, сложившиеся на Земле сегодня, – с другой. Живая Этика – это прежде всего нравственно-духовное Учение, синтезирующее древнюю мудрость Востока с научными и философскими достижениями Запада, поэтические легенды прошлого с современными формулами точного знания, этические основы поведения со средствами углубленного самопознания. По богатству конкретных приемов и методов работы человека над собой Агни Йога может быть уподоблена своеобразной энциклопедии совершенствования и восхождения. Другими словами, ее можно считать реальной наукой духа и преображения человеческой природы.

Однако данная характеристика не исчерпывает всей многогранности и полноты данной духовной системы. Живая Этика – это Учение о неиспользованных ресурсах и возможностях человека, о скрытой энергии его организма и психики, о творческих силах, живущих в глубинах сознания и души. Совокупность этих сконцентрированных в человеке и в то же время наполняющих беспредельное мироздание сил называется в книгах огненной йоги «психической энергией». Это еще и космическое Учение, в полном соответствии с традицией русского космизма, ставящее и решающее такие проблемы, как онтологические основы бытия, многомерность материи, связь человека и вселенной, целостность мироздания, бессмертие. Среди учений и направлений, которые в той или иной мере предшествуют рериховскому космическому взгляду на мир, можно найти и древнерусскую святоотеческую традицию, и античную философию, представленную фигурами Гераклита, Пифагора, Анаксагора и Платона, и зороастризм, и индо-тибетские эзотерические доктрины.

И, наконец, Живая Этика – это эсхатологическое Учение, возвещающее о завершении данного цикла Большой Истории, грядущем наступлении Новой Эры Огня и огненной духовности, а также о кризисах сегодняшнего переходного периода и путях выхода из него. Вряд ли стоит специально доказывать, что переживаемый людьми нынешний исторический отрезок – один из самых трудных и опасных переходных этапов. Происходящий кризис имеет множество измерений, среди которых и темный призрак гибели Земли в результате мировой войны, и другие кровотокающие язвы – экологическая пропасть, межнациональные распри, нравственный распад людей. Этот период может закончиться либо гибелью всего живого (а о возможности такого финала красочно пророчествуют самые разнообразные эзотерические Учения), либо обновлением всех основ бытия и медленным оздоровлением планеты.

По закону мировой справедливости человечество не оставлено в такой сложный момент без Высшей поддержки и помощи, а Живая Этика как раз и содержит такую концентрированную помощь.

Заложенный в Агни Йоге принцип спирали (постоянного углубления и расширения тем и понятий от первой книги к последующим) обретает силу в самой архитектонике Учения. Разбивка на параграфы (шлоки), каждый из которых, являясь как бы отдельным целым, в то же время есть звено единой, цельной цепи знания, естественным образом побуждает читающего к медитации над каждым таким отрезком. Под медитацией здесь разумеется не умственное усилие и мистический транс, но полная, всеохватная духовно-эмоциональная «жатва» смысла, заложенного в шлоке. Но это медитативное углубленное освоение текстов Агни Йоги непременно должно сопровождаться приложением основ ее к жизни каждого дня – лишь тогда начнет осуществляться та благодетельная внутренняя трансформация, которая характеризуется тремя степенями, а именно, очищением, расширением и утончением сознания.

Краеугольное понятие Учения, «психическая энергия», называемая также «огненной» и представляющая собой дифференциацию (проявление, разновидность) пространственного космического огня, – не только символ неукротимой человеческой воли к совершенствованию, но и объективный природный вид энергии. Обмен энергиями между высшим и низшим уровнями организации мироздания составляет главный двигатель эволюции. Огонь имеет космическую природу и действует в человеке как проявление изначальной силы, разлитой в космосе и проникающей в каждый его атом. Энергия эта в силу своей тонкой сущности не уловима грубыми приборами сегодняшнего дня, потому лучший способ ощутить ее – усовершенствование самого сложного и эффективного аппарата природы – самого человека. Учение гласит:

«Когда говорим об образовании психической энергии в сознательное оружие, могут спросить – с чего начать? Нужно начать с осознания присутствия ее. Для этого осознания необходимо дотронуться до одного из основных понятий. Иногда это называли неудачно верой, но лучше назвать доверием. Вера отвечает самогипнозу. Вера неопределенна в своем существе. Доверие подтверждает непреложность. Нет суеверия осознать мощь человеческого аппарата. Достаточно задуматься над процессами мышления или рефлекса, или хотя бы пищеварения. Можно легко заметить проявления нервных центров, но нечто объединяет их деятельность сознательно, не входя в пределы разума».

Агни Йога призывает также: «Не уходите от жизни, развивайте способности вашего аппарата и поймите великое значение психической энергии – человеческой мысли и сознания, как величайших творящих факторов».

И все-таки, почему «огонь», агни? Конечно, в Агни Йоге нет ничего родственного огнепоклонничеству, хотя и языческое благоговение перед огнем, пожирающим и творящим, как могущественной стихией, вполне объяснимо. Но корни Учения не здесь, они в мировоззрении древних индусов, персов, греков, у Зороастра, Гераклита, европейских алхимиков... Не зря гениальный диалектик древности Гераклит, считавший, что все вещи возникают из огня путем сгущения и возвращаются к первоисточнику разрежением, говорил: «Этот космос, один и тот же для всего существующего, не создал никто из богов и никто из людей, но всегда он был, есть и будет вечно живым огнем, мерами вспыхивающим и мерами гаснущим».

Двойное название Учения указывает на две главные стороны человеческого совершенствования – этическое преображение, принятие нравственных основ бытия как непреложный закон совести и овладение психической энергией.

По существу – это двуединый процесс, ибо одно непреложно вытекает из другого. Такая двуединая направленность совершенствования превращает Учение из обычной этики или филантропической теории, каких было немало и какие в силу своей абстрактной умозрительности так и не были приняты человечеством, в Этику с большой буквы, Этику Живую. Любое нравственное движение души человека в сторону улучшения подкрепляется мощными психоэнергетическими импульсами, потому добро, творимое подлинным агни-йогом, всегда прочно и жизнестойко.

Соединительным звеном между этикой и психоэнергетикой является, согласно Агни Йоге, человеческая мысль и мыслетворчество. Согретая высокими нравственными эмоциями мысль может достичь исключительной мощи и влиять даже на мировые события. Мысли описываются в Учении как тонкоматериальные образования, создающие духовно-психологическую атмосферу планеты. Современный человек редко мыслит высоко и чисто, и подобное коллективно-безответственное отношение к мышлению способствует образованию удушающе плотной непросветленной психической атмосферы земли, почти физически ощущаемой чувствительными людьми как духовный вакуум. Агни Йога утверждает необходимость науки о мысли, ибо такая отрасль сразу превращается в «науку о Бытии». Оценка мысли как фактора, управляющего жизнью, восходит не только к духовно-культурным традициям Востока, но и к учению Платона об идеях. Недаром имя мыслителя не один раз упоминается и в книгах Агни Йоги, и в комментирующих Учение письмах Е.И.Рерих, где уже с первых страниц приводится его излюбленное изречение: «Мысли управляют миром». Живая Этика развивает платоновские представления, давая при этом не только философию мысли, но и ее психомеханику, т.е. научную методологию развития творческой мощи мыслей. Завет наступающей Новой Эры состоит в том, чтобы мыслить не просто лично, как если бы мысли принадлежали одному человеку, но и пространственно, вкладывая очищенные мыслеобразы в общую копилку и тем одухотворяя пространство и ноосферу (сферу труда и мысли, по определению

В.И.Вернадского). Учение гласит: «Безвыходность положения представляется тем, кто полагает опереться на людей, вместо мощи мыслей. Огорчения от состояния людей текут как волны реки. Но образы Истины, которые называют идеями, властвуют над кормой мира. Можно поражаться, как образы истины борются в пространстве. Пока множество людей доживают в исступлении невежества и предательства, мысли Истины выют свои небесные гнезда, которые для реальной эволюции гораздо насущнее, нежели преклонение целых народов».

Пространственное мышление неизбежно приведет человека к осознанию еще одной «важнейшей эволюционной задачи», сформулированной в Живой Этике, – к воспитанию космического сознания. Учение говорит не только о земной, но и о космической этике и вообще уделяет космическим темам значительное место. Физический мир и биологические формы жизни с этой точки зрения не являются единственными в бесконечном мироздании и потому не должны заслонять человека от иных перспектив и эволюционных возможностей. Смысл человеческого бытия в конечном счете – в приближении к космической беспредельности, в постижении иных форм материи, в познании других измерений, определяемых в Учении как Тонкий (связанный с чувствами) и Огненный (пронизывающий мысли и дух) Миры.

Приближающиеся к Земле пространственные огненные энергии, призванные очистить планету от накопившегося зла, накладывают на поведение сегодняшнего человека особую ответственность.

Все болезнетворное, неочищенное от зла и хаоса, ослабленное в результате неправильного образа жизни должно будет уходить с планеты – таков категорический императив эволюции, вышедший на новый виток. Единственная защита в этой ситуации – нравственное здоровье, чистота и повышение психоэнергетического потенциала. Человек должен встретить и сделать для себя безопасным пространственный огонь благодаря зажженному огню собственного сердца, энергетической и духовной мощи. Помочь ему в достижении этого высокого состояния могут Учителя Света, объединенные в единую беспредельную цепь, или космическую Иерархию. Учение дает подробное описание принципов взаимоотношений ученика с Учителем, составляющих нелегкую науку ученичества. Оно ставит целью утвердить на Западе и в России институт духовных Учителей, игравший и продолжающий играть огромную роль на Востоке. Благодаря ему Восток лучше, чем самомнительный Запад, сохранил свою самобытную культуру, характер и духовность. Сердцевину этого не закрепленного в положениях конституций, но питающего души восточных народов института составляет чувство преданности ученика к Учителю, или, говоря словами Агни Йоги, почитание Иерархии. Этот принцип, не имеющий ничего общего с насилием или рабством личности, основан на чувстве добровольного выбора идеала. Из прочих принципов (краеугольных камней Учения) он считается в Живой Этике самым мощным расширителем сознания. Главным методом духовной работы, способным приблизить несовершенную душу ученика к просветленному сознанию Учителя, Елена Ивановна, комментирующая положения Учения, считала «концентрацию на избранном Высшем Идеале в неуклонном и непрестанном стремлении подняться до Него». Положительный результат будет достигнут только в том случае, если «такая концентрация продолжается безостановочно» и если ученик достигает такого состояния сознания, когда «мысль его неотступно держится около Идеала». Полезны испытательные сроки, которые, согласно восточной традиции, длятся три года или семь лет. Письма Елены Ивановны полны предупреждений о вреде половинчатых устремлений:

«Учитель ждет лишь того, кто идет твердо, неуклонно в своем всепоглощающем устремлении к единой цели, чтобы протянуть ему руку, когда он пройдет последнее препятствие, отделяющее его от Учителя. Много толпящихся и идущих по пути, но, конечно, Учителя не ждут их, ибо вершина высока и узка, и многие устроятся крутого подъема и уклонятся, не дойдя и половины пути. Лишь перейдя известную черту, ученик может надеяться обратить на себя внимание Учителя».

«Известная черта» состоит, по мысли Елены Ивановны, именно во внутреннем преображении себя. Никакие внешние миры, притворство, ухищрения, высокие слова, так же как и благочестивая религиозность, не затрагивающая основ души, не помогут приблизиться к огненному рубежу.

Немалое место в Учении отведено воспитанию качеств, необходимых для объединения духа ученика с духом Учителя и строительства Нового мира на общинных началах. Обширность перечня качеств говорит о нелегкости этого пути и о многосторонности подхода к совершенствованию. В одном случае называется семь главных качеств:

«Укажу качества взыскующих общего блага. Первое – постоянство устремления. Второе – способность вмещения, ибо плох отрицающий, но ищущий правды достоин общего блага. Третье – умение трудиться, ибо большинство не знает ценности времени. Четвертое – желание помочь без предрассудков и присвоение. Пятое – отказ от собственности и принятие на хранение плодов творчества других. Седьмое – бодрствование явите среди тьмы».

В иных школах и книгах Живой Этики среди самых важных черт духовного продвижения указана триада «простота, красота, бесстрашие», а еще – человечность, доброжелательство, мужество, ответственность, совесть, умение быть благодарным, преданность. Преданность идеалам света и любовь рассматриваются как основа духовности. Обширен синодик и качеств – антиподов, подлежащих сожжению (трансмутации) в огне устремления.

«Итак приступим к трансмутации всех наших энергий, – писала Елена Ивановна. – Начнем с самой упорной энергии эгоизма, этого свирепого дракона самости со всем его хвостом – самомнением, властолюбием, себялюбием, обидчивостью, раздражением, опасением, сомнением и тому подобными «украшениями» и заменим его крыльями утверждения единства, полной солидарности со всеми сотрудниками, признанием Иерархии, радостным закреплением дел данных, терпимостью и признательностью к справедливым указаниям и заключим доверием до конца».

Приобретение эволюционно необходимых светлых психологических качеств и преодоление эгоизма невозможно без очищения мышления. Любому человеку знаком постоянный бессвязный умственный диалог с самим собой, хаотический поток беспорядочно прыгающих образов и мыслей, этих «блох сознания», по выражению Учения. Данный принцип работы ума есть принцип организации сознания несовершенного человека на сегодняшней стадии его эволюции как «гомо сапиенс», тормозящий выход на новый интеллектуально-духовный уровень. Этот мыслительный хаос чрезвычайно вреден для всех видов творчества, поскольку оригинальные идеи и открытия, как известно, почти всегда приходят к человеку именно в ясном, бодрствующем сознании или в отключенном (во сне), не отягощенном мыслительными шлаками. Живая Этика не один раз подчеркивает, что человек с неорганизованным мышлением не может действовать организованно, быть твердым и принципиальным в поступках – все они будут нести на себе печать неустойчивости и беспорядочности.

Очищение мышления начинается с умения пристально и отстраненно наблюдать за собственным «броуновским движением мыслей». Благодаря отстраненности и внимательному самонаблюдению человек постепенно высвобождает свое сознание и свое «Я» из-под гнета этого хаоса, перестает питать своей эмоциональной энергией и заинтересованностью мыслительный поток. Постепенно сутолока мыслей успокаивается, весь сор ненужных образов отсеивается, мышление становится более организованным и способным подчиниться воле. Теперь его гораздо легче устремить к высоким духовным целям и вообще сосредоточить в определенном направлении.

Приобретенная власть над мыслями позволяет не только приводить их в нужное движение, но и останавливать, поворачивая вовнутрь, в глубину внутреннего мира и сферу скрытых ресурсов психики. Длительные остановки мыслительного процесса, представляющие собой разновидность медитации, ведут к так называемому состоянию безмолвия: мыслительный хаос словно облако, застилающее солнечный свет, рассеивается, и человек входит в соприкосновение с глубинными слоями сознания, ноосферой, миром тончайших энергий. Эти скрытые силы психики и потоки энергии настолько мощно входят в человеческое сознание через «окна безмолвия», что воспринимаются как звучание «незримого космического оркестра». Поэтому в духовных школах прошлого модуляции этого звучания получили имя – «музыка сфер» или «Голос Безмолвия».

Культура безмолвия или молчания была весьма распространена во многих традициях Востока и Запада – в учении Йоги, ведантизме, византийском исихазме, институте православного старчества.

Можно вспомнить еще и древнерусских богатырей, например, знаменитого Святогора, который, согласно сказаниям, «едет на коне и молчит, силу копит». Мощь молчания, которое превосходит любое, даже самое высокое произнесенное слово, относясь к нему как сущность к явлению, пытался выразить едва ли не каждый из великих поэтов: вспомним хотя бы тютчевский шедевр «Silentium!». Агни Йога также утверждает, что ничто не может заменить силу напряженного огненного молчания, одаряющего человека чувством полноты и мощи. Когда человек достигает этого состояния, его мысли приобретают силу огненного быстрогодействия. При этом новое учение не отождествляет безмолвие с экстатическим блаженством бездействия, а рассматривает его как ступень расширения сознания, раскрывающего в человеке в полной мере все творческие способности. Мысленно-эмоциональное быстроедействие реализуется в обычной жизни в росте способностей, силе вдохновения и повышении качества деятельности – человек действует словно подключенный к могучему творческому потоку бытия.

Говоря почти на каждой странице о раскрытии огромного психоэнергетического потенциала человека, Агни Йога содержит в себе суровую критику увлечения магией и всеми чисто механическими западными методами пробуждения скрытых сил. Опасность этого пути в постепенной потере внутреннего равновесия и нравственного здоровья. Человек делается рабом искусственно вызванных, неизвестных для него сил и рискует превратиться в безвольного медиума. Итак, прежде очищение характера, улучшение обычной жизни, забота о других людях, а затем уже развитие скрытых сил.

В духовной работе и в жизни Агни Йога ориентирует человека на бесстрашие и готовность к преодолению препятствий. Она предлагает пересмотреть все обыденное отношение к трудности и напряжениям. «Друзья! – призывает Живая Этика. – Пока нам препятствия не являются рождением возможностей, до тех пор Мы не понимаем Учения». Сквозь все книги Агни Йоги постоянно проходит стержневая мысль, девиз: «Благословенны препятствия, ими растем». Речь идет и о внешних, и о внутренних, связанных с личностными: недостатками человека, препятствиях, и о сопротивлении так называемых темных сил. С подобным темным противодействием рано или поздно неизбежно сталкивается любой, кто обращается на путь духовного служения. С точки зрения Учения существующие в мире классификации и деления людей на различные классы, типы, группы и прослойки, как правило, опираются на второстепенные признаки. В действительности, главным признаком, отвечающим эволюционному назначению человека, является принцип светотени. Людей, борющихся против добра и света, Агни Йога называет темными, а достигшее сегодня своей кульминации сражение света и тьмы во всех сферах бытия, вслед за библейской традицией, – Армагеддоном. Советуя не пренебрегать размерами и мощью темных сил. Учение возвещает неизбежную конечную победу Света.

Заповеданные и столь необходимые в борьбе мужество и бесстрашие невозможно воспитать без постепенного открытия и пробуждения беспредельного потенциала сердца, которое по своей природе космично и которому в Агни Йоге посвящена целая книга с одноименным названием. Сердце названо там «средоточием жизни», «мостом миров», «оружием света, которое посрамит тьму», «чашей с пламенем, рвущимся кверху», «солнцем солнц». Вообще, отношение к сердцу, высказываемое в Живой Этике, перекликается с христианским подходом к сердечному центру¹.

¹ Вспомним П.Флоренского, в «Столпе и утверждении истины» выделявшего «мистику живота» (ей соответствовали, по его мнению, оргиастические культы древности), «мистику головы» (к ней он относил

Говоря о нерасторжимости в человеке двух важнейших духовно-психологических факторов – сердца и сознания, которые в наш рационалистический век чаще находятся в конфликте, нежели в гармонии, Елена Ивановна в письмах подчеркивает: «Также многие не понимают, что под развитым сердцем нужно прежде всего понимать расширенное сознание. Именно сердце есть престол СОЗНАНИЯ, а не сентиментальности, этого суррогата простоты. Характерно, что все восточники, говоря о высших, сокровенных думках, полагают руку на сердце, ибо они помещают сознание в сердце». Сердце рассматривается в Учении как крылья духа, благодаря которым он постепенно возносится в пылающие сферы Огненного Мира – своей истинной родины и тем выполняет свое космическое назначение.

Важно подчеркнуть, что, согласно Живой Этике, всю работу по внутренней трансформации своего сознания и характера человек должен вести, не выходя из внешней жизни и не отключаясь от обычной деятельности. Здесь Учение выступает как «социальная йога» (по определению увлекавшегося Востоком замечательного писателя-фантаста И.А.Ефремова), значительно отличающаяся от прежних классических разновидностей йоги (жнани, бхакти, раджа, кундалини, мантра, лайя и крийя йог), которые условием высоких достижений во многом ставили отключение ученика от внешнего мира. Напротив, новая огненная Йога настаивает на строгом выполнении всех жизненных обязанностей и долга по отношению к людям. Духовная работа должна протекать не отдельно от жизни, а параллельно с практической деятельностью, во время прочих видов труда. Трудность такого двойного сосредоточения иллюзорна и может проявляться только в начале пути, медленно отступая по мере расширения сознания, которое постепенно охватывает своим ясным бодрственным светом внешнюю и внутреннюю жизнь человека, объединяя их в нерасторжимый сплав. Всякое противоречие между внутренним чувством и поведенческим актом, между принятым решением и противоположным поступком по мере раскрытия сердца и пробуждения совести становится непереносимым и при правильном развитии постепенно исчезает. Достижения духа, приобретенные в горниле жизни, по мнению Агни Йоги, более соответствуют сегодняшним задачам и считаются эволюционно выше, ценнее монастырско-аскетических опытов.

Большое место в Живой Этике занимает понятие Природы и вопросы восстановления гармоничных взаимоотношений с ней. В каком-то смысле Учение можно рассматривать как продолжение на современном уровне традиций натурфилософии. Природа и дух в нем выступают как два взаимодополняющих Начала, которые в единстве составляют целокупность мира. Великая Природа, Матерь всего сущего, творительница форм проявленных, рассматривается в Учении как Начало, которое невозможно обойти при совершенствовании. Устремление к одному лишь духовному началу, игнорирующее живительные силы природы, неизбежно окажется бесплодным. Особенно это касается жителя больших городов, чей организм остро нуждается при восхождении к духовным мирам в питании тонкими природными энергиями, называемыми в Учении в соответствии со словарем восточной философии «праной». Лишь сердечное, благоговейное отношение к природе и следование ее законам, помноженное на труд по ее возделыванию, может помочь человеку и в эволюции духа.

некоторые школы йоги) и «мистику груди» (связанную с церковно-православной традицией и отвечающую за области сердца).

Конечно, это возделывание не стоит понимать в одном только буквальном смысле, речь идет и о возделывании внутренней человеческой природы и возвращении лучших психологических качеств. Корни экологического кризиса, тогда еще слабо осознаваемого человечеством, дальнзоркий взгляд Учителей отнес к неочищенному мышлению и чрезмерным потребностям. Образованию природной пустыни предшествует, с этой точки зрения, пустыня душевная. Агни Йога дает весьма суровые прогнозы относительно экологического будущего планеты: даже если человечество немедленно одумается и перестанет разрушать природу, все равно частичных катастроф и разрушений по закону причинно-следственной связи не избежать – слишком много бомб замедленного действия заложено под здание природы в результате бездумной технократии. Учение гласит:

«Не только людская безработица образуется в пределах опасности, но также безработица природы должна, наконец, обратить внимание. Нужно представить себе, как быстро растущая растительность сменяется мертвыми песками. Не бесхозяйственностью, но самоубийством нужно назвать это омертвление коры земной. Пески, льды, оползни не являют блестящее будущее. Ведь невозможно ускорить излечение природы, даже если бы люди обратились к здоровому мышлению; потребуются десятки лет, чтобы оздоровить разрушение коры планеты. Но для таких особо благих мер необходимо человеческое сотрудничество. Но разве видны признаки такой совместной работы? Разве разрушение и разъединение не владеют умами? Разве каждая попытка объединения не встречается насмешкою? Люди не желают мыслить о реальности будущего».

Согласно Живой Этике, процветание государства зависит от того, насколько правильно экономические науки учитывают природный фактор и насколько бережно само государство относится к природе: «...Политическая Экономия должна начинаться с выявления ценностей природы и разумного использования, иначе государство будет на песке».

Проблема соотношения духа и природы в Агни Йоге рассматривается с позиции космического закона равновесия двух начал. «Все величие Космоса, – утверждала Елена Ивановна в письмах, – слагается двумя Началами. Основа Бытия зиждется на равноценности двух Начал – мужского, представляющего собой проявление Духа, и женского, ответственного за творение форм и восходящего к Великой Природе, Материи. Сливаясь, Дух и Материя перестают существовать в прежнем виде и составляют в состоянии растворения единое, далее неделимое начало – Абсолют, начало и конец мироздания. А в состоянии проявления и творения космоса Абсолют делится на мужское и женское начало, которые, чтобы любой космический процесс проходил успешно, должны находиться по отношению друг к другу в гармонии и равновесии. Однако на протяжении всей видимой человеческой истории закон этот нарушался людьми, следствием чего стало духовное порабощение и унижение женщины». В свою очередь, это привело к торжеству жестокости, огрубению нравов и оскудению духа. «Велика справедливость космическая! – писала Елена Ивановна. – Унижая женщину, мужчина унижил себя! В этом нужно искать объяснения скудости «проявления мужского гения в наши дни».

Именно поэтому Агни Йога, где уделяется огромное внимание возрождению женской духовности, может быть определена как Учение о Матери Мира. Елена Ивановна, с юных лет бережно возвращая в себе импульсы духовного материнства, преосуществив их в собственной семье, а затем расширив их до размеров небывалой огненно-космической любви к человечеству, в зрелом возрасте получила право возвестить истину о новой эволюционной роли женщины на земле:

«Женщина должна осознать свое значение, свою великую миссию Матери Мира и готовиться к несению ответственности за судьбы человечества. Мать, жизнь дающая, имеет право распоряжаться судьбой своих детей. Голос женщины-матери должен раздаваться в рядах вершителей судеб человечества. Разве не мать закладывает первые зерна сознательной жизни ребенка?.. Но мать, лишенная культуры мысли, этого венца человеческого существования, может способствовать лишь развитию жизненных проявлений человеческих страстей.

Женщина, стремящаяся к знанию и красоте, в полном сознании своей ответственности, высоко подымет нравственность и уровень всей жизни».

Хотя Живая Этика придает огромное значение внутренней индивидуальной работе человека над собой, такая работа – не единственная цель. Не менее важно устройство жизни на общинных, коллективистских началах, согретых любовью и красотой. Социальный идеал, выдвигаемый Учением, многогранен и жизнерадостен, лучше всего его выражает понятие община. Такая агнийогическая община – это энергичный творческий труд, братские отношения между людьми, новые принципы организации быта и свободного времени, творческий подход к проблемам образования и воспитания детей. Не обойден вниманием и необходимый в общине высокий уровень развития техники, но при этом подчеркивается, что технический труд должен быть соединен с широким распространением ремесел, рукоделия, с занятием искусствами.

Агни Йога содержит в себе целую государственную теорию, своеобразную модель идеального государства в свете эзотерических знаний. Идеальное государственное устройство с этой точки зрения должно основываться на сочетании демократического и иерархического принципов, т. е. на власти народа, возглавляемого просвещенным духовным вождем, высокая и чистая воля которого соединена с Огненной волей Космической Иерархии. Именно благодаря такой высшей поддержке его народоводительство успешно. Свод государственных советов Агни Йоги сосредоточена примыкающем ко всей серии книг труде «Напутствие вождю».

Елена Ивановна, без сомнения, предвидела, что многим людям такое описание общины будущего может показаться еще одной прекраснотушней утопией, каких человечеству предлагалось немало. Но она была убеждена: в отличие от утопических идеалов¹ план общины, предлагаемый Живой Этикой, реален хотя бы потому, что он осуществлен, – именно по таким принципам существует и действует Гималайская Община Великих Учителей, их ближайших учеников и сотрудников. Кроме того, план общины будущего подкреплён в Учении разнообразными и доселе во многом неизвестными для человечества средствами и методами, с помощью которых его можно осуществить. Подробно разработана и техника борьбы с главным тормозом всех общинных идеалов – инертной эгоистической природой человека. Потому план построения прекрасного общежития на планете вполне реален, причем в той мере, в какой реальна вера в него и желание людей принять его в качестве основной жизненной цели. Агни Йога и Великие Учителя не скрывают, что и этот план может не сбыться, ведь эволюционный процесс – это все-таки не только развертывание категорических императивов Абсолютной Истины, но космическое творчество, в котором участвуют люди, и где вердикты Мировой Необходимости корректируются свободной волей человечества.

¹ Другим существеннейшим отличием агнийогических общинных идеалов от европейских утопических построений является их принципиальная ненасильственность, добровольность, ориентация на свободу выбора.

И если оно предпочтет анархию вражды общине, а прекрасное будущее военной или экологической катастрофе, то план построения эволюционной общины на планете будет отложен на полку нереализованных возможностей.

Как же должно распространяться Учение на планете? Кто понесет его в мир? На какие страны и народы рассчитывали Давшие Агни Йогу в первую очередь?

Внимательное изучение Живой Этики и всего философского наследия Елены Ивановны позволяет предположить, что один из наиболее мощных факторов, на который надеялись и Рерихи, и Учителя, дающие высокое Учение во многом еще не готовому к этим обжигающим истинам человечеству, – это огромный потенциал России и русской души. Учение Агни Йоги не есть узконациональная религия, оно всечеловечно и давалось всему миру и всем народам, и все же главные надежды связывались с одной страной – Россией. Ведь первая книга Учения «Зов» начиналась со слов Учителя: «В новую Россию – Моя первая весть». Надежды эти объяснялись многими причинами. Елена Ивановна считала, что народы России, и прежде всего русский народ, прошли, может быть, самый тяжелый во всей мировой истории путь, опалившись огнем жестоких страданий, а страдание – один из самых лучших учителей. Если оно не ломает духовный стержень человека и народа, а дух России еще никому не удалось сломить, то оно научает людские сердца состраданию, способности чувствовать чужую боль как свою, жертвенному умению полагать душу «за други своя». Россия, с самого начала создаваемая как многонациональная страна, дала народам, ее населяющим, незабываемые уроки братства. Потому русский народ лишен национальной чванливости, шовинизма и готов учиться у других народов их мудрости и умениям. Он никогда не будет порицать чужую веру и не на словах знает, что такое соборность. Он обладает страстностью и готовностью идти до конца в своих религиозных устремлениях. Даже в ошибках и заблуждениях он сохраняет живой огонь веры. Не зря о нем говорят, что он готов быть либо с Богом, либо даже против Бога, но никогда без Бога. Может быть, именно поэтому русский народ называют народом-богоносцем. Формальному праву и закону он предпочитает закон совести. Его не прельстишь чисто материальными идеалами и приманками, у него романтическая душа, потому русское раздольное поле, простор и уводящая вдаль дорога есть прямое преддверие завещанной в Учении космической беспрядельности.

Конечно, русский народ никогда не считал себя абсолютно святым и не был им, есть в нем и темная демоническая сторона. Елена Ивановна связывала ее со стихийным анархизмом, нередко выливающимся в кровавые разрушительные бунты, а также с самоедством, с пренебрежением к своему же более талантливому брату-россиянину, которое в интеллигентных кругах порой перерастало в склонность к национальному нигилизму. Но величие российского духа, его нерастраченные могучие силы перекрывают все негативы. К тому же история распорядилась так, что в XX веке народ прошел сквозь главные, самые тяжкие испытания, временно лишился духовной пищи и подошел к решающему моменту столетия духовно изголодавшимся и потому более подготовленным, нежели многие другие пресыщенные благополучные страны. Потому космический эволюционный План сделал на Новую Россию главную ставку. Елена Ивановна писала, что если великий потенциал русской души, пока еще пребывающий в захороненном нераскрытом состоянии, не будет пробужден к концу века, то, возможно, придется ставить крест на спасении всей будущей расы, т. е. на перспективе дальнейшей человеческой эволюции.

Философское наследие Елены Ивановны, созданное за время путешествия и особенно за довоенный период жизни в Кулу, – огромно. Помимо 14 томов Живой Этики, составивших в общей сложности более трех с половиной тысяч страниц, ею были написаны и изданы под псевдонимом несколько книг духовно-философского содержания. Это уже упоминавшаяся книга «Основы буддизма», посвященная великой религии освобождения и светлой личности ее основателя (1927); сборник легенд и апокрифов «Криптограммы Востока», насыщенный неизвестными и малоизвестными фактами жизни Христа. Будды, Аполлония Тианского, Сергия Радонежского, правителя Индии Акбара (1929); очерк «Преподобный Сергей Радонежский», освещающий жизнь замечательного духовного деятеля и «собирателя Земли Русской» (1934). «Любовь и Родина» – вот что двигало жизнью и судьбою Преподобного Сергия», – писала Елена Ивановна, видевшая главную сокровенную миссию Радонежского в строительстве им русской духовной культуры, национального характера и государственности. Замечательный очерк, который, без сомнения, войдет в золотой фонд отечественной агиографической литературы, завершался призывом ко всем русским людям – принять Сергия как высочайший национальный идеал, «сплотиться вокруг Преславного Водителя и Заступника» и под его знаменем «устремитесь к новому подвигу, новому строительству Страны Светлой».

Особую роль в наследии Елены Ивановны Рерих занимают два тома ее опубликованных в Риге в 1940 году писем, охватывающих 1929-1939 годы, общим объемом более 1000 страниц. Но это лишь малая часть ее разбросанного по миру эпистолярного наследия, которого хватило бы на много томов. Письма эти можно оценивать с разных сторон. Если смотреть на них с чисто литературной точки зрения, их можно отнести к духовной традиции русской литературы, заставляющей вспомнить «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя, «Дневник писателя» Достоевского. С точки зрения психологии нравственного самовоспитания в них можно найти целую программу действий, где пламенные воззвания к пробуждению духа чередуются с описанием приемов и методов этой кропотливой работы. В философском плане письма выступают прежде всего, как обширный комментарий к Учению. И конечно, для конкретных адресатов они были мощным средством помощи, поддержки и водительства в решении индивидуальных проблем.

География писем охватывала несколько континентов – Северную и Южную Америку, Западную и Восточную Европу, и множество стран. Среди корреспондентов Елены Ивановны новички и опытные сотрудники, по много лет занимающиеся Учением, неизвестные представители различных групп и кружков Живой Этики, деятели культуры и политические лидеры – рижский поэт Рудзитис, проживающий в Праге последний секретарь Л.Н.Толстого Булгаков, президент США Рузвельт (правда, переписка с ним не вошла в издание 1940 года), директор рериховского музея в Нью-Йорке Фосдик. Вся светоносная, духовно щедрая личность Елены Ивановны раскрывается здесь в своем обаянии. Она стремится ободрить каждого сотрудника, помогает советами осуществлению его лучших глубинных замыслов, радуется вместе с ним каждой его удаче и любому достижению. Под влиянием переписки ряд сотрудников написали яркие талантливые труды, посвященные различным темам Учения.

Помимо оригинального литературного творчества Елена Ивановна проявила себя и как талантливый переводчик. С английского языка на русский ею была переведена обширная выборка из вышедших за рубежом в конце прошлого века «Писем Махатм к Синнету», посвященная изложению восточных доктрин и истории основания Теософского Общества, в котором принимали участие Учителя.

Выборка составила отдельную книгу под названием «Чаша Востока». Главный переводческий труд Елены Ивановны, уже упоминаемый ранее, – два тома «Тайной Доктрины» Е.П.Блаватской – содержит в общей сложности более 2000 страниц. Один указатель терминов, встречающихся в книге, составляет отдельный том в 326 страниц. Целые абзацы гигантского трактата даны были Блаватской на разных, чаще всего древних языках. Чтобы справиться со сложнейшей переводческой задачей, нужно было обладать знаниями по крайней мере на уровне оригинала, а в чем-то и больше его. Необычайную глубину знаний Елены Ивановны всегда подчеркивали остальные члены семьи. Известно, что Юрий Николаевич Рерих, мировой авторитет в востоковедении, в случаях затруднений истолкования тех или иных символов, легенд, преданий обращался за помощью к матери. Огромный переводческий труд был блестяще завершен Еленой Ивановной за рекордно быстрые сроки – менее двух лет.

Общее число неопубликованных работ Елены Ивановны, по словам Святослава Николаевича, приближается к двумстам.

Испитие чаши с ядом

В 1934-1935 годах Николай Константинович вместе с Юрием Николаевичем совершает экспедицию, предложенную ему департаментом земледелия США для сбора новых видов семян фермерам этой страны. Инициатором путешествия был сам министр земледелия Генри Уоллес (позднее ставший вице-президентом США), который объявил себя учеником Рериха и последователем Живой Этики. Несмотря на огромную занятость (завершение работы над одной из частей «Мира Огненного», а также обширная переписка мужа, которая легла на ее плечи), Елена Ивановна пристально следила за предпринятыми ранее международными делами и начинаниями. «Волны жизни», как называл Рерих ветры славы и клеветы, успехов и неудач, были весьма изменчивы. В 1935 году «Пакт Рериха» по охране культурных ценностей в военное время был подписан Соединенными Штатами Америки, а также Аргентиной, Бразилией, Уругваем, Перу, Чили, всего 21 страной. Президент Рузвельт выступил по этому поводу по радио перед всей страной. Могло показаться, что симпатии Америки Рерихами завоеваны прочно и окончательно. Тем не менее, год подписания Пакта стал годом одного драматического события семьи. С болью в сердце Елена Ивановна узнала о предательских махинациях бывшего товарища и близкого сотрудника их семьи Луи Хорша, который вместе с женой входил в Совет директоров нью-йоркского музея Рериха.

В свое время Хорш, американский бизнесмен, исключительно деловой человек, принадлежавший к иудаистскому вероисповеданию, разорвал с ним и объявил себя последователем Живой Этики. Рерихам не могла не импонировать решительность Хорша в отказе от прежних узких догм и принятии более широкого мировоззрения, и, конечно, его бескорыстная помощь во многих практических делах. В течение ряда лет он оказывал самому Рериху и Живой Этике самое восторженное отношение, вошел, как уже говорилось, в Совет директоров музея в Нью-Йорке и взял на себя ведение всех хозяйственных и финансовых дел. Постепенно доверие было завоевано. Однако здесь у бизнесмена начали проявляться черты, которые насторожили Рерихов. Так, например, Хорш предложил сделать на верхнем этаже небоскреба, где размещался музей, ресторан с баром, чтобы увеличить доход, взимая дополнительную плату с любителей искусств за увеселения. Конечно, супруги воспротивились этому замыслу, и Хорш, почувствовав твердость их позиции, не стал настаивать. Но, по словам Беликова, с определенного периода влияние Хорша, подкрепленное значительными финансовыми вложениями, было уже не так просто устранить.

К сожалению, неизжитые меркантильные инстинкты бизнесмена возобладали над его непрочными духовными устремлениями.

Как уже говорилось, Елена Ивановна состояла в переписке с президентом США Рузвельтом, причем она посылала ему не только свои личные письма, но и советы Великих Учителей по руководству страной. Посредниками в этой переписке были Хорши, благодаря своим связям близко стоявшие к президенту. В течение двух лет они честно выполняли данную важную миссию, однако затем встали на путь предательства. Как обстояло дело, подробно объясняет письмо Елены Ивановны Рузвельту, написанное в самый разгар борьбы Хоршей против Рерихов, уже после того, как главные шаги измены Хоршами были осуществлены. Вот что она писала:

«С полным доверием и с открытым сердцем, но на этот раз в глубокой печали, я пишу Вам.

Уже несколько месяцев я пытаюсь найти возможность предупредить Вас, что те двое, которые передавали мои послания, оказались предателями на 14-м году сотрудничества, и я вынуждена лишить их моего доверия.

Поддавшись жадности и амбициям, они нарушили святое доверие и передали Вам в апреле свой собственный совет касательно некоторых финансовых вопросов (серебро), выдавая, что это исходит от меня из Истинного Источника. Этот Источник предупредил меня о совершенном предательстве, и мне было приказано запросить их, оба они признались мне письменно, что передали Вам свое собственное послание, создавая у Вас впечатление, что оно исходит из Истинного Источника через меня.

Я была потрясена и возмущена таким предательством и немедленно телеграфировала о запрещении передавать какие-либо послания без полного моего ведения и предварительного санкционирования. Эти два лица очень хорошо знали, что по всем вопросам они должны были обращаться ко мне, более того, один из них должен был возвратиться сюда летом и привезти с собой возможные вопросы. Когда эти лица увидели мое возмущение их поступком и осознали серьезное последствие последнего, они, движимые страхом и мщением, повернули на путь открытого предательства и решили не только порвать с нами все отношения, но начали отвратительную кампанию по дискредитации нашего имени, чтобы уничтожить нас, как свидетелей их предательских действий.

В своей ненависти они не останавливаются ни перед чем. Г-н Хорш воспользовался отъездом в экспедицию Основателя Учреждений и снял имя Основателя. Далее г-н Хорш который, начиная с 1923 г., имел все полномочия нашего адвоката и который постоянно следил за нашими персональными счетами и налогами, вдруг спустя 9 лет ложно представил в налоговый Департамент фонды экспедиции за 1926 и 1927 гг. (когда мы были в Тибете), как наши личные доходы, вводя нас в заблуждение все эти годы, что (наши) налоговые дела в порядке. В результате его акций на нашу собственность – наши картины в Америке, без предварительного уведомления был наложен арест. Это всего лишь два примера того, на что они идут, чтобы дискредитировать наше имя. Такова месть людей, чье предательство было раскрыто».

Как видно из письма, Хорши выдали за слова Великих Учителей собственные советы, касающиеся экономической программы Рузвельта относительно серебра, рассчитывая с помощью Высокого авторитета изменить конъюнктуру в свою пользу.

Контрольный пакет акций, юридически подтверждающих право на владение музеем, распределялся между семью равноправными членами Совета директоров – супругами Рерих, супругами Фосдик-Лихтман, Френсис Грант и самими Хоршами. Хорши и сестра мужа Зинаиды Фосдик – Эстер Лихтман задумали устранить Рериха из руководства музеем, чтобы втроем сделаться его единоличными хозяевами. Документы, ставшие достоянием Рерихов, свидетельствовали, что преступный план был задуман давно, значительно раньше инцидента с письмом к Рузвельту.

Оказалось, что экспедиция, совершенная художником и его старшим сыном и организованная при активном участии Хорша и Генри Уоллеса, была нужна последним не столько для исследовательских целей, сколько для политических и финансовых интриг против музея. Хорши просто ожидали удобного случая. Возмущение, выраженное Рерихами по поводу совершенного подлога, было воспринято как сигнал для атаки.

Пользуясь длительным отсутствием художника, Хорш, вместе с женой, по сути дела двумя голосами тайно вывел из Совета директоров пятерых человек – самих Рерихов и преданных им сотрудников, переписал документы на себя и сообщников и таким образом оказался владельцем здания небоскреба – музея вместе с 1000 картин. Все это происходило с благословения и при поддержке Уоллеса – оказывается, Эстер Лихтман незадолго до описываемых событий побывала в Кулу, взяла у Елены Ивановны рекомендательное письмо к министру земледелия и, встретившись с ним по возвращении в Америку, сумела настроить его против Рерихов.

Супруги решили бороться за восстановление справедливости. Дело было передано в суд. Поскольку Николай Константинович и Елена Ивановна находились вдали от Америки (что очень облегчало аферы Хорша), интересы Рерихов защищали их американские сотрудники – Френсис Грант, Зинаида Фосдик и Морис Лихтман, отрекшийся от своей родной сестры и сумевший поставить истину выше кровных предрассудков и личных чувств. Но, как сообщала Елена Ивановна, «когда злоумышленники убедились, что мы будем защищать права своих сотрудников, то злоба их перешла всякие границы, и они решили уничтожить всех нас». Хорши пишут на супругов доносы в различные организации, в рериховские общества многих стран, распространяя клевету и «буквально безумствуя от злобы». В бывшей комнате Николая Константиновича, еще хранящей эманации красоты, которую творил художник, «захватчики», словно осуществляя свои давнишние замыслы, устроили бар. Друзья из Америки писали Рерихам, что Хорши дошли до открытых проклятий по адресу Живой Этики и, отвергнув ее, вернулись к прежнему мировоззрению и «вере предков».

Процесс получил широкую огласку. Общественность, стоящая на стороне Рерихов, выступала в печати с опровержениями клеветы, и махинаторы, запутавшиеся в своих измышлениях и припертые к стенке, были вынуждены то и дело брать свои слова обратно. Размах случившегося и явная несправедливость обвинений со стороны Хоршей дали обратный эффект задуманному ими и привлекли внимание к начинаниям двух провозвестников из России новых сотрудников и почитателей. Всем непредубежденным становилось ясно, на чьей стороне правда. Но, увы, этого нельзя было сказать о Фемиде Нового Света. В борьбу вовлекались крупные политические фигуры. Помимо Уоллеса к процессу подключались и могущественные сионистские круги Америки, почувствовавшие в светлых идеях Пакта мира и в необычном «деле с музеем» угрозу своей «духовно-денежной монополии». «Чувствуется присутствие какой-то организованной банды», – приходил к выводу Николай Константинович, подчеркивая, что «преступным трио» и всеми силами, которые стояли за ним, владела «русофобия», «ненависть ко всему русскому». «Преступникам потребовалось уничтожить русское дело и это не может быть забыто», – объяснил он американским сотрудникам, советуя им создать летопись с описанием предательства для напоминания потомкам.

В ход были пущены все нечистоплотные методы, отлично знакомые миру дельцов, – интриги, шантаж, подкуп, взяточничество. Рерихи продолжали борьбу, хотя и понимали, что исход ее предreshен – слишком подвержено американское правосудие культу доллара, заслонившего, по выражению Елены Ивановны, «размеры солнца». В итоге было принято решение, объявившее картины и музей художника, который он собирался подарить американскому народу, собственностью «гангстера», как назвал Николай Константинович Хорша.

Тяжелый удар, полученный Рерихами, не сломил их мужества, не привел к перехлесту личных чувств и обид. «Случившееся не сделало меня антисемиткой», – писала Елена Ивановна в ответ на недоумения друзей. В этом и заключалась их нравственная победа над захлебнувшимися в злобе предателями, несмотря на внешне неблагоприятный исход дела. Постигая на личном примере сущность неписанного закона бытия, согласно которому предательство обязательно сопровождает каждое крупное светлое начинание и даже необходимо, чтобы подчеркнуть его величие, Елена Ивановна сумела произнести хвалу своим испытаниям и врагам:

«Так мы испиваем чашу яда, преподнесенную руками бывших сотрудников. Но несмотря на это, бодрость и мужество живут в сердцах наших, ибо какой же подвиг без предательства... И дух наш не устрашается никакими битвами, мы даже успели полюбить их, ибо на чем ином мы можем закалить дух, испытать свои способности и приобрести великий опыт для венца завершения. Итак, скажем еще раз: благословенны препятствия, ими растем».

Поучительным является итог Хорша, своими руками вырывшего могилу для себя и своих близких. Возмездие наступило: в конце концов в подвале небоскреба, за право обладания которым «гангстер» Хорш продал свою душу, был убит реальными гангстерами его родной сын. Сам Хорш тихо и одиноко угас и канул в бесславие, оставив по себе память современного иуды, лишь оттенившего красоту рериховского подвига.

Глава 5. Ступени бессмертия

Ты несешь внутри себя высочайшего друга, которого ты не знаешь, ибо Бог обитает внутри каждого человека, но немногие могут найти Его. Человек, который приносит в жертву свои желания и свои действия Единому, Тому, из Которого истекают начала всех вещей и Которым создана вселенная, достигает такой жертвой совершенства, ибо тот, кто находит в самом себе свое счастье, свою радость и в себе же несет свой свет, – тот человек в единении с Богом. Познай же: душа, которая нашла Бога, освобождается от рождения и смерти, от старости и страдания и пьет воду бессмертия».
Бхагават Гита

«Велики находжения Елены Ивановны. Ее записи найдут живой отклик в сердцах искателей-мыслителей».
Н.К.Рерих. «Четверть века»

Перед войной

Тревога за судьбы мира, делающего новые опасные шаги к возможной катастрофе, все сильнее звучала в письмах Елены Ивановны. Она ощущала нагнетание событий и поляризацию сил света и тьмы, подводившей к самой крупной битве мировой истории – второй мировой войне. Чувствуя ее приближающееся дыхание, Рерихи умножают усилия по продвижению Пакта мира. Чтобы распространить идеи Пакта в создании широких масс, Елена Ивановна предлагает учредить международную общественную организацию – Лигу культуры. Создание такой организации мыслилось как единение всех светлых сил против натиска тьмы. «Мысли о Лиге культуры более, нежели своевременны, ибо, с одной стороны, можно почти повсеместно наблюдать чудовищные, мертвящие проявления самости, с другой же, не менее страшные и губительные проявления грубейшего материализма, отрицание животворного огня духа при насаждении полного обезличивания и уравнивания по ничтожеству».

Вот как виделась ей структура этой организации: «Первый отдел – мира; второй – духовного совершенствования, вмещающий в себя религию и философию; третий – науки; четвертый – искусство; пятый – материнство и воспитание; шестой – ремесла и труд; седьмой – кооперация и промышленность; восьмой – охрана безопасности; девятый – землеустройство и строительство; десятый – здоровье и охранение».

Но хотя организация была создана и какое-то время просуществовала, планам этим в тридцатые годы осуществиться не было суждено. Они остались «тонким построением» до времен грядущих. А в то время значение действующих международных организаций стремительно падало. Разваливалась Лига Наций и, наоборот, укреплялась военно-фашистская ось. Теряли значение политические договоры. Елена Ивановна писала: «Не знаю, кто может верить сейчас в какие-то ни было договоры... Мы видим, что ориентации сменяются, как апрельская погода».

Однако главная тенденция была ясна. Друзья из Франции писали Рерихам о нравственном разложении, царящем в Европе, о военных приготовлениях Германии. Елена Ивановна еще в 1934 году отчетливо понимала, какие тяжелые последствия они могут иметь для всего мира и, прежде всего, для агрессивной стороны: «Узкий национализм Германии унижил ее, он же, вновь воскрешенный, может погубить ее». Следует сказать, что ее слова нельзя понимать, как общую, проникнутую беспокойством, фразу: смысл сказанного был куда более конкретен. Уже говорилось о тончайших духовных способностях Елены Ивановны и высоких видениях, переживаемых ею. Не менее высокими были ее способности предвидения. Она могла своим дальнзорким духовным зрением проникать в сферу причин, порождавших то или иное событие, прежде чем оно проявлялось на внешнем плане, и таким образом знала их сроки. Так, она писала одному корреспонденту:

«1936 год – чрезвычайно знаменательный год. Интересно отметить, что эти вычисления найдены в пирамиде Хеопса. Так мы находимся в полном развитии этой битвы, которая будет только усиливаться».

В другом случае, говоря по поводу 1936 года, она конкретизировала свои предвидения, предсказав приход власти в этом году фашистской хунты в Испании. Той же тревоги и пророческого предвидения полны следующие параграфы из книг Агни Йоги, появившиеся гораздо раньше роковой осени 1939 года:

«Нужно устремить внимание на надвигающиеся события. Нужно понять, что человечество вступает в период постоянных войн. Очень разнообразны такие войны, но один принцип их – вражда везде и во всем».

«Война оружием, война торговая, война безработицы, война знания, война религии, разнообразны войны и уже не имеют значения границы земные».

Дар предвидения

Способности к предсказаниям, в особенности касающимся крупных исторических событий, появились у Елены Ивановны, как уже было сказано раньше, еще во времена первой мировой войны, когда на основании ее основ художником была создана «пророческая» серия. Рерих вспоминал об этом двадцать с лишним лет спустя: «Тогда же и в начале 1914 года спешно пишутся: «Зарево» – с бельгийским львом, «Крик Змия», «Короны» – улетевшие, «Дела человеческие», «Город обреченный» и все те картины, которые мы после поняли».

В особенности интересны подробности, связанные с написанием картины «Зарево», созданной за несколько месяцев до начала первой мировой войны. Сновидение далекого от политики человека запечатлело еще не происшедшие, но уже записанные на невидимых скрижалях истории события, которым вскоре суждено омрачить эпоху. Рерих так рассказывал о своем художественном воплощении этого сна:

«В марте 1914 года мною была закончена картина «Зарево». На фоне бельгийского замка, около изваяния бельгийского льва на страже стоял в полном вооружении рыцарь. Все небо было уже залито кровавым, огненным заревом. На башнях и окнах старого замка уже вспыхивали огненные иероглифы. Но благородный рыцарь бодрствовал в своем несменном дозоре. Через четыре месяца все уже знали о том, что этот благородный рыцарь конечно, был сам король Альберт, охранявший достоинство бельгийского льва».

Следует пояснить, что речь идет о короле Бельгии Альберте, который действительно пытался защитить честь своего государства и едва ли на единственный, а Европе с мужеством обреченного принял на себя в начале первой мировой войны удар во много раз превосходящих сил завоевателей.

По прошествии многих лет список тонких к точным предсказаниям Елены Ивановны значительно расширился. Николай Константинович в своем очерке «Сорок лет», посвященном этой круглой дате совместно пройденной большой жизни с Еленой Ивановной, приоткрывает некоторые из них:

«...Нигде не записаны труды и познания моей Лады... Уже не говорю о философских достижениях... Нигде не сказано о даре прозрения. А все мы свидетели, как до русских потрясений были указаны грядущие события. В 1927 году в Тибете были указаны события в Испании. В 1929 году были подробно указаны бедствия великих армий под Дюнкерком. И с какими показательными подробностями прозрены события. А Финляндия, Англия, резня в Хотане, вступление русских войск в польское Полесье, прохождение войсками Ирана, не тогда знали его как Персию. Были преуказаны намерения Японии и судьбы Китая. Много чего. Люди получали предупреждения и, как обычно, не обращали на них внимания. Однако за годы прозревались события. Как всегда, определились они не календарными сроками, а сопутствующими жизненными знаками. Все это не записано. А ведь кто-то пожалеет, что так многое замечательное не было запечатлено. Из ученых Бехтерев прислушивался внимательно, а затем несколько врачей и исследователей проходили мимо равнодушно».

Война

Слова Елены Ивановны о том, что она никогда всерьез не интересовалась политикой, можно отнести разве что за счет ее скромности. Ряд других высказываний в письмах говорит не только о ее пристальном и сосредоточенном интересе ко всем мировым событиям, но и о большой тонкости в понимании многих политических явлений. Очень тяжело она восприняла Мюнхенское соглашение 1938 года: «Сердце болит и плачет за Чехословакию... Тяжело переживать капитуляцию мощных держав перед бронированным кулаком фашистской Германии». Причем точность ее исторических прогнозов была обеспечена не только интуитивными прозрениями и своеобразным «политическим ясновидением», как это могло показаться, но и большой житейской проницательностью и мудростью. Сегодня, когда прошло уже более пятидесяти лет со времени этих одновременно и трагических и позорных для Европы событий, можно оценить, насколько реалистичными были оценки случившегося, данные Еленой Ивановной: «Лично я не верю, чтобы «бронированный кулак» мог бы противостоять всем соединенным силам Европы и Востока... Но сейчас лучшие позиции уже сданы и как отразится на психологии некоторых стран такое несоблюдение державами своих обязательств». Рерихи, всегда считавшие, что успешная политика того или иного государства есть сочетание здравого смысла и высоких нравственно-духовных национальных идеалов, ясно видели, что Мюнхенское соглашение основано на одном лишь трусливо-близоруком и потому гибельном здравомыслии. Как писала Елена Ивановна, «доблесть духа», которая одна могла противостоять грубой силе, «утрачена Европой», и с этой точки зрения «бронированный кулак» правильно учел психологию некоторых стран и лиц. Чуть позднее, в ситуации, когда «прошел первый туман», наброшенный Мюнхенским позорным соглашением, и уже показались «очертания нового, еще более грозного призрака», Елена Ивановна с сожалением отмечала, что ряд европейских государств вместо объединенного противостояния агрессору начинают оглядываться и думать – нельзя ли снова заставить «кое-кого таскать каштаны для себя». Лишь по цензурным соображениям (ибо переписка Рерихов была под контролем английской разведки) Елена Ивановна не назвала – кого.

Несмотря на ясное видение назревающей военной катастрофы, развившееся в точное знание конкретных сроков, Рерихи надеялись на лучшее, а надежда, как известно, умирает последней. Совместное потрясение, вызванное разрушением этой надежды на человеческий инстинкт самосохранения, выразил Николай Константинович в «Листах дневника».

«Первое августа 1914 года встретили в храме, первое сентября 1939 года встретили перед ликом Гималаев. И там храм, и тут храм. Там не верилось в безумие человеческое, и здесь сердце не допускает, что еще один земной ужас начался».

С начала второй мировой войны связь Рерихов с обществами и кружками разных стран резко ослабела, а затем практически прервалась. Была законсервирована деятельность института «Урусвати», перестали приезжать приглашенные туда работать специалисты из разных стран. Долина Кулу погрузилась в напряженное молчание. Рерихи явно предчувствовали смертельную опасность, нависшую над Родиной, руководство которой, увы, не хотело видеть масштабы угрозы, все еще придавая значение тогдашним международным соглашениям. Елена Ивановна видела ситуацию иначе. За год до заключения советско-германского Пакта о ненападении она писала: «...В самое короткое время были нарушены уже шесть договоров и обязательств. Почему новые договоры должны быть крепче, какие к этому основания?»

К приведенному списку предвидений следует добавить еще одно – картина, написанная Рерихом в 1940 году, «Весть Тирону» (Федор Тирон, римский легионер, при императоре Диоклетиане, гонителе христиан, принял христианство и умер мученической смертью за новое учение). Смысл картины – в показе трагического небрежения к вести о готовящемся нападении. Проясняя ее суть, художник пишет в книге «Алтай-Гималаи»; «В Монголии поход объявлялся посылкой стрелы князю-нойону. Стрела, прилетевшая к Федору Тирону, шла с востока». Так Рерихи послали и свою стрелу-весть Востока любимому Отечеству, которое, увы, не имело возможности обратить на нее должного внимания.

Тем пронзительнее отзывались в Кулу события 1941 года. И хотя в течение всех пяти лет войны Рерихи ни на минуту не усомнились в победе Родины и, более того, несмотря на многочисленные прогнозы «всяких бед и поражений», в начале событий предсказали: «Москва устоит!», «Ленинград устоит!», «Сталинград устоит!» – отсутствие вестей в первые месяцы войны далось всей семье очень тяжело. «Знаем, что гибельная беда не коснется народа русского. Знаем, знаем! Но болит сердце в ожидании волн», – записывал художник в дневник 4 июля 1941 года. Прилив патриотизма заставил каждого из семьи действовать еще активнее. Находясь вдалеке от Советского Союза, Рерихи поставили перед собой цель сделать все, что в их силах, для поддержки Отечества и приближения победы. «До чего же хочется сделать что-то на пользу русского воинства, русского Красного Креста, русского народа», – писал Николай Константинович. Он перечислял деньги, полученные от продажи картин, в фонд Советского Красного Креста и фонд помощи Советскому Союзу, выступал с лекциями и радиообращениями политического характера, писал вдохновенные статьи, посвященные обороне Родины. Юрий Николаевич и Святослав Николаевич трижды обращались в Советское посольство в Великобритании с просьбой зачислить их в ряды Красной Армии. По вечерам вся семья собиралась у радиоприемника и слушала сводки Совинформбюро о сражениях между советскими и гитлеровскими войсками. Елена Ивановна со скорбью узнавала о зверствах, творимых фашистами на оккупированных территориях. Особое напряжение вызвали у Рерихов военные события конца 1942 года и Сталинградская битва. Дело в том, что по всем древним пророчествам этот год считался годом решающего столкновения на внешнем плане между силами света и тьмы, знаменующего победу света, и наступления новой эпохи. С самого начала войны Рерихи утверждали: «Сталинград устоит!», хотя понимали, что сражение будет тяжким и кровопролитным. Разгром фашистов под Сталинградом они восприняли не только как торжество Родины, после которого (по словам Николая Константиновича) «не найдется более безумца, который дерзнул бы ополчиться на Русскую землю», но и начало отсчета нового времени на всей планете.

Патриотические выступления Рерихов нажили им немало врагов и привели к разрыву с некоторыми прежде верными сотрудниками, которые и во время войны остались на антисоветских позициях. Так произошло с эмигрировавшим в Америку сибирским писателем Гребенниковым и знаменитым путешественником Свеном Гединым. Но теперь, в критический для родины час, семья не боялась идти на разрыв, если видела хотя бы малейшее проявление неприятия Новой Страны.

В самый разгар войны, еще в 1942 году, все в заботах о помощи Советскому Союзу, Рерихи уже думали о будущем, о сотрудничестве между народами и послевоенных перспективах развития культуры. В мае этого года для восстановления здоровья дом Рерихов посетил Джавахарлал Неру вместе с дочерью Индирой Ганди.

Встреча была подготовлена Святославом Николаевичем, у которого в ту пору сложились очень хорошие отношения с рядом выдающихся представителей индийской интеллигенции. Неру провел в Кулу около месяца. Рерихи беседовали с ним о создании индо-русской культурной ассоциации. Память о встрече сохранила фотография, изображавшая Николая Константиновича, Святослава Николаевича, Неру с дочерью и Елену Ивановну на заднем плане в тени большого зонтика, защищающего от солнца и излишнего внимания. Свою нелюбовь к фотографиям она пронесла через всю жизнь...

Другая инициатива Рерихов во время войны состояла в создании Американско-русской культурной ассоциации (сокращенно АРКА). Она должна была, по мысли Рерихов и их американских друзей, стать местом духовного и культурного сближения народов. Ассоциация включала в себя сотни видных деятелей Америки, в число которых входили Эрнест Хемингуэй, Рокуэл Кент и Чарли Чаплин, К сожалению, из-за наступившей «холодной войны» она просуществовала недолго.

После Сталинградского сражения и наметившегося перелома в ходе войны в Кулу снова начинает поступать корреспонденция. Приходят письма из Праги от Валентина Булгакова, вызывающие у всегда мужественной и твердой Елены Ивановны слезы от тех ужасов, которые выпали на долю последнего секретаря Толстого и его семьи в концентрационном лагере. Горечь скрашивалась радостью, когда из Москвы с (большим трудом) поступает посылка с четырьмя жадно, от корки до корки, прочитываемыми номерами «Нового мира».

Радость долгожданной победы над фашизмом совпала с семейным торжеством. Николай Константинович писал об этом друзьям: «Святослав женился на Дэвике Рани, самой блестящей звезде Индии в фильмовом искусстве. Помимо великой славы в своем искусстве Дэвика – чудный человек, и мы сердечно полюбили ее. Такой милый душевный член семьи с широкими взглядами, любящий новую Русь. Елена Ивановна в восторге от такой дочери:».

После войны вся семья засобиравшись на Родину, чтобы поселиться там окончательно. Все, что было создано и накоплено Рерихами за долгие годы путешествий и проживания за границей – тексты, картины, предметы древнего искусства, результаты научных исследований, редкие манускрипты, переведенные восточные тексты и собственные философские произведения, – предназначалось для Отечества. Уже были упакованы чемоданы, заколочены и отправлены в порт ящики с картинами. Но судьба распорядилась иначе – в хлопотах о переезде Николая Константиновича застигла смерть.

В 1948 году после смерти мужа Елена Ивановна с Юрием Николаевичем делают еще одну попытку вернуться в Новую Страну. Они прибывают в Бомбей, где сдают вещи в местную таможню до отправления парохода и ожидают визу. Одну за другой шлют они телеграммы в Москву на имя Ворошилова. Однако длительное ожидание не принесло результата – ответ так и не был получен. Лишь через долгие 10 лет мечту всей семьи о возвращении на Родину удастся осуществить Юрию Николаевичу, который во время пребывания в Индии делегации из СССР во главе с Хрущевым обратился к нему с просьбой разрешить вернуться и получил согласие.

Калимпонг

...Возвращаться в Кулу, где вместе с Николаем Константиновичем было прожито почти два десятилетия и где каждая вещь, каждый камень и дерево напоминали о нем, было тяжело даже для испытанного духа Елены Ивановны. Кроме того, не угасала надежда на возвращение в СССР, а жаркий климат Калькутты был невыносим для здоровья. Поэтому вместе с Юрием Николаевичем она переезжает в Восточные Гималаи и поселяется в небольшом доме на склоне горы, из окна которого была видна высочайшая и священная для каждого индуса Канченджанга. В городе Калимпонге, где обосновались мать с сыном (Святослав Николаевич вместе с Дэвикой Рани-Рерих переехал в Бангалор, на юг Индии), имелся университет, и Юрий Николаевич начинает в нем работать, сотрудничая с известным тибетологом и специалистом по буддизму Рахулой Санкритаяна. Елена Ивановна продолжает активную переписку, руководит рериховскими обществами, рассеянными по всему свету, делает записи духовного характера, ведет дневник и пишет новые труды. В своих последних письмах она все чаще обращается к миссии России, Новой Страны, которой суждено великое будущее:

«Свет стоит над Родиной. Людские чаяния и ожидания расходятся с решениями космическими. Следует привыкать, что все человеческие опасения и угрозы часто оказываются такими потому, что их считают таковыми, вместо того, чтобы мужественно встретиться с ними и приложить свое умение в жертвенном труде на общую пользу...»

«Не легко входит Новый Мир в сознание людей. Все же все чаще и чаще раздаются голоса против войны, ибо справедливый мир не может быть принесен на конце меча. Война не может решить никаких проблем жизни. Решение придет, как Космическое утверждение. А пока что безответственные индивиды продолжают раздувать пожары нетерпимости и ненависти, покрывая свои истинные вожеления устарелыми лозунгами. Испытания человечества еще не закончились, и приготавливаются новые столкновения в широком масштабе. Но мы твердо знаем о победе нашей страны и о краткости предстоящих столкновений, иначе мир не выдержит. Но Новый Мир грядет в сиянии лучей новых».

«Шлю Вам самые светлые мысли и радость мою о близкой, прекрасной Новой Эре, которая явит кипучую строительную деятельность в наших любимых странах. Чую победу Славянства, нашей великой страны».

«Тяжкие сроки, тяжкие времена! Но лучшая страна станет космической основой равновесия в мире. Страна лучшая станет страной самой строительной и самой прекрасной...»

«...Наша страна будет охранена, будет победной страной: так заповедано и начертано в звездных руках. Все, кто с нею, разделят победу».

«События сложатся неожиданно, не так, как мы ожидаем, но как всегда на пользу лучшей страны. Страшное время пронесется очищающим вихрем. Трудность в том, что многие еще не понимают причину и смысл совершаемого на всей планете. Новые сознания должны полюбить волну нового строительства. Новое строительство должно раскрепостить мышление, отсюда произойдут благие перемены. Накопившаяся злоба в мире разрешится потрясениями. Но не опасайтесь! Щит Света над новыми сознаниями, отказавшимися от злобы, зависти и понявшими, куда устремляется поток эволюции. Распространение зла будет остановлено. Космическая справедливость приведет в действие новые рычаги, и новая карма начнет утверждаться...»

Последнее письмо датировано 18 февраля 1955 года. Незадолго до своего ухода Елена Ивановна возложила на Зинаиду Григорьевну Фосдик руководство движениями, группами и кружками Живой Этики во всем мире. 5 октября 1955 года стало днем завершения земного пути Елены Ивановны Рерих. Юрий Николаевич, как старший сын, по восточному обычаю совершил обряд кремации. Так жизнь, посвященная служению Огню, была отдана его пламени до последнего атома. На месте могилы, на горе Турпиндора была сооружена белая ступа-субурган, представляющая собой буддийский могильный памятник, сделанный в виде полусферы, увенчанной шпилем. На угловых камнях памятника вырезаны священные знаки горящего сердца и чаша с пламенем. Фотография могилы помещена в прекрасном альбоме «От Алтая до Гималаев», выпущенном в 1986 году Л. В. Шапошниковой. Однако могила эта имела больше символическое значение, ибо урна с прахом Елены Ивановны хранилась все эти годы у Святослава Николаевича и ныне передана им в СССР, чтобы быть погребенной на Родине.

Феномен личности

В жизни философа, особенно если она была яркой и богатой, конечно, хочется понять не только масштабы его знаний и образованности, но и масштабу личности, тайны характера и души. Ведь философия как творчество всегда интимно связана с индивидуальностью мыслителя. Тем более, в том случае, если перед нами особый тип мыслителя, поднимающего на новый уровень традиции прошлого философствования, когда каждое слово мудрости было оплачено судьбой и кровью сердца по самой высшей мере.

Итак, что составляло сердцевину личности Елены Ивановны? Каким же был ее человеческий облик?

Художник Серов, писавший ее портрет в начале века, определил душевную основу молодой женщины как постоянное движение. Николай Константинович, уточняя его мысль уже через много лет, заметил: «Вернее сказать – устремление. Она всегда готова. Когда она говорит об алтайских сестрах для всенародной помощи, то в этом призыве можно видеть ее собственные черты. Принести помощь, ободрить, разъяснить не жалея сил, – на все это готова Елена Ивановна. Часто остается изумляться, откуда берутся силы, особенно же зная ее слабое сердце и все необычные явления, которым врачи лишь изумляются».

Постоянство устремленности, преданности духовной истине невозможны без самопожертвования и готовности к борьбе за свои убеждения. Подобная светлая воинственность была важной чертой правнучки великого русского полководца, сумевшей впитать его дух. Важно увидеть, что эта черта проявлялась, прежде всего, в тех случаях, когда нападки противников касались священных для нее понятий Учения, высоких имен Учителей и нравственных принципов. На выпады личного характера против нее – а их было немало – она умела отвечать величественным спокойствием, храня равновесие и достоинство.

Яркое описание еще одного источника и примера для подражания, вдохновляющего героиню нашего повествования на подвиг самопожертвования и духовные битвы, даст Валентин Сидоров:

«В рабочем кабинете Елены Ивановны Рерих на ее столе стояла небольшая статуэтка Жанны д'Арк. Стройная фигурка худенькой девушки в рыцарских доспехах.

По признанию Елены Ивановны, из всех женских обликов прошлого облик французской девы-воительницы был для нее самым притягательным и любимым. В детские годы, читая жизнеописание Жанны д'Арк, всей силой своего воображения она растворяла себя в этом образе; она даже вздрагивала от боли, потому что физически ощущала прикосновение языков пламени костра».

Нравственное и жизненное кредо Елены Ивановны хорошо передают следующие ее слова:

«Разве возможен подвиг без трудностей? Я так люблю слова замечательного подвижника Тибета, по имени Миларепа, который предавался великим подвигам, и когда люди уговаривали его пожалеть себя, свое здоровье и прекратить тяжкую жизнь, он отвечал: «Так как все мы должны умереть, то я предпочитаю умереть в преследовании прекрасной цели».

Истинно, если бы сотня людей осознала эту формулу и применила ее к жизни, мир преобразился бы в кратчайший срок. Так мы будем сражаться за Свет до последней капли крови, до последнего дыхания».

Сосредоточенность Елены Ивановны на выполнении жизненной задачи была столь велика, что совершенно исключала малейшую остановку и отвлечение внимания на посторонние цели. Слова, успех, признание духовных и творческих достижений не вызывали у нее никакого интереса. Она сама постоянно подчеркивала, что считает себя прежде всего проводником, транслирующим духовную мудрость Востока, и призывала тех, кому это лучше поможет сосредоточиться на Учении, забыть о ее существовании.

Люди, лично встречавшиеся с Еленой Ивановной, отмечали ее обаяние, сердечность и необыкновенную теплоту в общении. Секретарь Рерихов Шибаев, впервые познакомившись с ней, вспоминал: «Елена Ивановна по этой первой встрече так и осталась у меня в памяти навсегда, как светлая, радостная, сияющая. Она вышла мне навстречу, протянув обе руки, с улыбкой приветствуя меня». Сходные впечатления высказывали и художник Смирнов-Русецкий, который встречался с ней в Москве в 1926 году и после этого на всю жизнь проникся рериховскими идеями, и Зинаида Григорьевна Фосдик, и даже буддийский монах, в 1945 году побывавший в долине Кулу и оставивший краткие воспоминания «С Рерихами в Гималаях».

Обладательница нежного, мелодичного голоса, она любила называть близких ласковыми уменьшительными именами, любила одинокие утренние прогулки на рассвете, солнечные лучи, распахнутые окна в доме, фризий и розы. Не любила половинчатых решений в жизни, состояния уныния, конфликтов между сотрудниками, сладкой сентиментальности в отношениях, дыма керосиновой лампы и затхлого воздуха светских гостиниц. Она никогда не принимала стиля приторной сглаженности и округлости в общении с людьми противоположных взглядов, в особенности, если они первыми нарушали непроходимую для нее границу между светом и тьмой и нападали на силы света. Также никогда не шла она на уступки в принципиальных вопросах ради сохранения светских приличий и хороших отношений с людьми. Во всех проявлениях бытия она предпочитала определенность расплывчатости. Еще в молодые годы, отвечая на письмо Николая Константиновича, где тот спрашивал ее, понравились ли ей леса какой-то местности, она говорила: «Но я во всем, даже в листве, люблю более определенные контуры». Она могла быть прямой, даже резкой с теми, кто по невежеству или умышленно допускал кощунство по отношению к Высшему. Так, одной христианской миссионерке, с театральной иступленностью, бившей тебя в грудь со словами: «Христос пострадал за нас», она сурово сказала: «Вы ошибаетесь, Христос пострадал не за вас, но из-за вас», имея в виду малопривлекательный тип сентиментальных фанатиков, полагающих, что Высшие силы готовы бесконечно возиться с их маленькой эгоистичной личностью. Весьма вежливую, но в то же время очень решительную и твердую отповедь дала она одному невежественному дилетанту в области эзотерических знаний, самонадеянно посягнувшему на высокий авторитет книги «Письма Махатм».

Многие психологические особенности человека, незаметные в обычной жизни, «прочитываются» в его художественных пристрастиях и вкусах, тем более что искусству, в его одухотворяющем влиянии на человека, Елена Ивановна придавала огромное значение. Первое, что можно отметить в ней, всю жизнь прожившей в атмосфере искусства рядом с двумя выдающимися мастерами кисти, – широту ее художественных интересов и кругозора. Ее восхищает и жизнерадостная палитра античности, и работы лучших живописцев Европы, и сокровища русской культуры, и своеобразие художников Востока.

По характеру она предпочитала творения ярко выраженного героического склада и напряженных духовных исканий: в музыке – Бетховен и Вагнер, в литературе – Достоевский и Толстой, в философии – Вивекананда, который своим огненным темпераментом был ей ближе Тагора, и, что может показаться странным для ее гуманистических взглядов, – Ницше. Немецкому мыслителю она прощала очевидные перекосы мировоззрения за неистовое обличение ненавистной и ей буржуазной удушливой морали, рождающей, по ее выражению, «пигмеев духа». Очень близки были ей фигуры синтетического плана, такие как Леонардо да Винчи и Гете. Ценила она и творчество Врубеля, художника, далекого от идеалов гармонии: видимо, он привлекал ее глубинным космизмом мировосприятия. Интересно, что Елена Ивановна смогла разглядеть литературное дарование математического гения России Софьи Ковалевской и предсказать ее повестям «Нигилистка Вера Воронцова», «Сестры Раевские» и «Vos Vistis» читательскую известность в будущем. Недавно вышедший том избранных произведений Ковалевской и благожелательные отзывы о нем читателей и критиков – свидетельство точности эстетических прогнозов Елены Ивановны.

Одним из самых любимых произведений Матери Агни Йоги была «Поэма Огня» Скрябина, который, как известно, мечтал устроить в Индии мировую мистерию, чтобы объединить человечество в духовном порыве к совершенству.

Насколько дороги для Елены Ивановны были произведения народного искусства, безымянные творения мастеров прошлого – от наскальных рисунков и древних статуй Азии до героического эпоса и сказаний разных народов, – настолько ее отталкивали быстро растущие на древе подлинного искусства побеги массовой культуры. Она считала, что сознание людей разлагается от двух злейших врагов духовности – увлечения роскошью и пошлости, в чем повинны усиливающие их средствами искусства безответственные писатели и художники. Чтобы в полной мере оценить строгость и взыскательность нравственных и эстетических критериев Елены Ивановны, следует представить, что заговорила она об этом еще в 20-е годы, когда массовая культура еще далеко не исчерпала свой «потенциал тьмы» и не дошла до современной степени упадка,

Все, кто встречался с Еленой Ивановной, находили ее превосходной собеседницей, умеющей заговорить людей интересным рассказом, отмечали в ней удивительный такт, умение входить в проблемы другого человека.

Любовь к тонкому, утонченному шла у нее не только от воспитания, но и была также следствием исключительной, обостренной тонкости ее организма и психики, свойства, которое не могло не отразиться на характере ее философских построений. Вот что она доверительно рассказывала о некоторых своих природных тонких качествах, усиленных многолетними занятиями духовной йогой:

«Я всегда знаю, когда будут землетрясения или другие бедствия. Не только по видению насыщенной красной атмосферы и выбивающимся красным огням, но и по физическим ощущениям... Так, когда я вижу черные звездочки, они часто означают идущую неприятность и предостережение в отношении здоровья. Чем крупнее они, чем больше их, тем больше осторожности следует проявлять. Иногда можно видеть даже как бы большие, чернobarхатные пятна, плавающие в пространстве. Лиловые, синие и серебристые, иногда золотистые, – всегда благие посланники или близость эманаций Учителя. Желтые предостерегают о возможной опасности, красные указывают на чрезвычайное напряжение в атмосфере, и можно ожидать землетрясений, бурь и даже восстаний.

Обычно, когда я о чем-нибудь думаю или принимаю решение, или читаю что-нибудь, и если нужно что-либо подтвердить, появляется сине-серебристая искра, как бы подчеркивая нужное понятие или решение. Иногда целое место как бы зачеркивается светящейся полосой, и я знаю, что место — это нужно изъять. Бывает, что вся страница светится необычайно ярким серебряным светом. Да, много знаков посылается Иерархией Света в заботе об идущих по Пути Света...»

Однако утонченность сочеталась у Елены Ивановны с демократизмом и открытостью поведения, умением найти общий язык с любым самым простым и даже диким человеком (не зря дети гор, неграмотные азиаты — проводники в экспедиции относились к ней с огромным уважением и безоговорочно ей подчинялись). Интеллигентам, беседовавшим с ней, порой было трудно поверить, что за хрупкой внешностью и безукоризненным аристократическим благородством манер Елены Ивановны, за отличным знанием родного языка собеседника (а к ней приезжали англичане, немцы, французы...) скрыта недюжинная воля женщины, первой в Европе проехавшей в седле по высокогорным районам Азии, а том числе по таким уголкам «крыши мира», где не ступала нога ни одного мужчины-европейца, и не убоявшейся ни пуль бандитов, ни зияющих бездн, ни слепящих вершин. Бесстрашие и мужество Елены Ивановны в опасностях во многом объяснялись ее особым отношением к смерти, в котором совершенно отсутствовал страх.

Может показаться, что за исключением тягот трансгималайского путешествия Елена Ивановна развивалась в самых благоприятных условиях. В самом деле, рождение в обеспеченной дворянской семье, прекрасное образование, совместная жизнь со знаменитым художником, постоянные контакты с выдающимися людьми эпохи, увлекательные поездки по разным странам и наконец благотворное творческое уединение в «долине богов» — Кулу...

Но у всякого настоящего подвижника духа есть еще скрытая жизнь, связанная с так называемым «возгоранием центров». Наивысшее проявление мужества Елены Ивановны заключалось именно в этой внутренней жизни, в том, что она была, по сути дела, первопроходцем духовных Гималаев, осваивающим новый вид йоги — йоги Огня. Путь овладения огнем, или психической энергией, был связан с колоссальным напряжением всех физических и духовных сил и прохождением так называемого «огненного мученичества»; сжигания всех несовершенств неочищенной психологической природы вплоть до телесного уровня и клеточной памяти о них, что сопровождается мучительными болями. Современной науке еще предстоит разобраться в природе этих болей, которые подвижники прошлого называли «священными». Для того, чтобы получить хотя бы примерное представление о них из первых рук, будет полезно ознакомиться с обширными фрагментами из письма Елены Ивановны, которая сочла нужным поделиться некоторыми сокровенными подробностями этой обычно хранимой в тайне сокровенной жизни, имея в виду, что в будущем такой опыт может понадобиться всем, устремленным к духовному служению людям:

«...Во время войны и в годы революции я изредка начала испытывать приступы сильной боли в желудке, вернее в солнечном сплетении. Но так как я очень не люблю лечиться, будучи от природы очень здоровой, и к тому же эти боли довольно скоро проходили, то я не обращала на них внимания... Но в начале 24 года уже в Индии началось новое ощущение в области солнечного сплетения. Его можно было сравнить с ощущением движения и даже как бы вращения чего-то живого у подложечки... Ощущение очень неприятное... Конечно, боли эти появляются дня за два до больших землетрясений или других стихийных катаклизмов, также и при вспышках народных смятений.

При этом бывают и другие ощущения, как, например, сильная головная боль и мучительное тянущее чувство в руках и ногах, сопровождающееся горением их. Много разных болей пришлось испытать в связи с раскрытием и воспалением того или иного центра, но одно из самых мучительных – это воспаление центра легких. Боль настолько сильна, что не знаешь, какое положение принять. Лежать невозможно, и малейшее движение вызывает невольный крик. Однажды такая боль продолжалась три недели, было очень трудно, но отметить следует, что легкие у меня идеальные и я не страдала никогда даже простым бронхитом. Также болезненны центры плечей. При этих болях можно тоже лежать лишь на спине, ибо часто оба плеча воспаляются одновременно (...). Сейчас мое слабое место – сердце. Оно немного пострадало при огненном опыте, особенно после прошедшего общего возгорания центров, которое случилось у меня на высотах Тибета из-за отравления организма дымом, которым наполнена была стоянка местечка Нагчу (...). Несколько дней я изредка глотала льдинки мороженого молока. Центр гортани был настолько воспален и запух, что с трудом могла проглотить слюну. Там же случилось и второе возгорание, но менее сильное (...). Да и весь 29-30 год с весны до самой зимы я спала на мешках, наполненных ледяной водою, а у кровати моей стояли лоханки, наполненные снегом, чтобы я могла охладить ноги и руки».

Опыт Елены Ивановны неocenим для каждого, вступающего на путь духовного преображения; он помогает быстрее избавиться от иллюзий по поводу быстрых результатов и выгод, якобы вознаграждающих за перенесенные трудности. Между тем, издавна было известно, что путь служения символизируется крестом, т. е. распятием низшей природы во имя высшей. Формы распятия могут быть различными – от известного деревянного сооружения и костра в прежние времена до травли, клеветы или нечеловеческой работы для неблагодарных ближних в наши дни. Это на внешнем и доступном для всех плане. На незримом духовном плане подвижника, решившего совершить подвиг преображения, ожидают испытания, подобные описанным Еленой Ивановной. Тернии, через которые она прошла в своем восхождении, – неизбежный спутник рождения «Духовного человека», как боли матери, рождающей ребенка. Сам растущий дух как бы приспособливает, трансмутирует плотную материю физического тела к новой духовной высоте.

Вообще, одно из главных достижений Елены Ивановны состояло в том, что ее путь к озарению был пройден ею, не выходя из жизни. Хотя ее индийский период протекал в некотором удалении от цивилизации, вся ее деятельность, вплоть до последнего мгновения, была наполнена служением человечеству. В этом соединении тонкого духовного бытия с яркой, насыщенной событиями деятельностью – отличие ее огненного опыта от многих разновидностей системы йоги прошлого: ведь их достижения предполагали аскезу, изоляцию, насильственное ограничение потребностей, короче ту или иную форму ухода от жизни, которую сегодня иногда называют снижением социальной активности.

В итоге полный непредсказуемых опасностей эксперимент был выдержан настолько блестяще, что позволил Великим Учителям Востока назвать Елену Ивановну «Матерью Агни Йоги», ибо она предоставила себя на испытание пространственному Огню. Поясняя это утверждение в другом месте, Гималайские Махатмы свидетельствуют:

«Имеем перед собой пример знаменательной степени так называемого Самадхи без удаления из жизни. Можно понять, что явление Матери Агни йоги не легко достижимо в условиях Великой Битвы.

Ценность такого проявления в том, что совершенно превзойдены обычные правила сосредоточения. Именно, все значение перенесено в сердце, иначе говоря туда собрано значение всего сближения миров».

Так путь, которым могут следовать все устремленные люди, был проложен и запечатлен личным примерам жизни Елены Ивановны, а его подробности и закономерности зафиксированы в 8 дневнике, который занимал не менее 40 тетрадей.

Подобный опыт, конечно, не имел одного лишь личного значения или узкой ориентации на небольшую группу последователей. Общечеловеческий характер опыта был связан с приходом новых космических условий на землю, которые одинаково коснутся всех людей. Предвидя те необратимые разрушительные изменения, которые внесет в биосферу и энергетический обмен с космосом непродуманная техногенная активность человека, Елена Ивановна и специальными записями, и всей своей жизнью как бы предупреждала: необходимо повышать психоэнергетический потенциал, служащий защитным экраном от мощных космических лучей. В книгах Николая Константиновича есть упоминание об открытии лучшими астрономами того времени «лучей смерти», представляющих собой излучения дальних светил и звезд. Рерихи не могли не видеть, что цивилизация дает все более сильный технократический крен, ведущий к необратимому изменению экологической обстановки, когда самочувствие и активность человека будут постоянно ухудшаться. Потому они били тревогу: наступают времена, когда альтернативы повышению психоэнергетического потенциала и защитных сил организма у людей не будет. Так за полвека до наших дней, в предвидении того, как «новое небо», устав спокойно осенять безумие землян, разверзнет перед человечеством свои грозящие гибелью «озонные дыры», Елена Ивановна дала людям подробный психоэнергетический катехизис спасения. С этой точки зрения весь ее земной путь и труд следует рассматривать как деятельность врача-испытателя, который творит новые защитные доспехи человеческому духу.

Подвиг Матери Агни Йоги нельзя себе представить без успешного сотрудничества всех членов семьи – без огромного международного авторитета, художественного мастерства и прозорливости Николая Константиновича, без уникальной востоковедческой образованности Юрия Николаевича и, наконец, без прекрасных организаторских способностей и подвижнической работы Святослава Николаевича, с ранних лет до сегодняшних дней терпеливо продвигающего идеи Культуры и духовности в Новую Страну. Степень сгармонизированности семьи четырех людей заставляет задуматься об ее источнике. Какой невидимый садовник подобрал такие оттеняющие друг друга цветы духа и сложил их в нерушимое сочетание?

Союз Николая Константиновича и Елены Ивановны и их успешное сотворчество подтвердили, насколько важен великий принцип сотрудничества женского и мужского начал. Его следует понимать не только как духовное взаимодействие с близким человеком противоположного пола, но и как взаимодействие с противоположным началом в самом себе. Иначе говоря, внутренняя гармония в браке, взаимное нравственно-психологическое влияние пробуждают в каждом из супругов самые высокие качества противоположного начала. Так, мужчина, не теряя своих лучших, природой данных качеств, впитывая в себя женские свойства, становится более тонким, сердечным, эмоциональным, а женщина, соответственно, более умной, мужественной и активной. Эту почти идеальную степень согласованности между своими родителями хорошо выразил Святослав Николаевич:

«Сотрудничество Николая Константиновича и Елены Ивановны было редчайшей комбинацией полнозвучного звучания на всех планах.

Дополняя друг друга, они как бы сливались в богатейшей гармонии интеллектуального и духовного выражения. Вы знаете, как возрастают наши силы от некоторых контактов, как обогащается и озаряется наш духовный мир, как разрешаются, казалось бы, неразрешимые проблемы, и все приобретает совсем особое значение».

Весьма значительно творческое участие Елены Ивановны в художнической работе Николая Константиновича. Лучше всего об этом сказал личный секретарь Рерихов Владимир Алексеевич Шибаев:

«Во всех отношениях Елена Ивановна была ведущей, как это Николай Константинович изобразил на некоторых своих полотнах. Часто, занимаясь в своем кабинете по соседству со студией художника, где он работал над новыми картинами, я видел, как он отходил на несколько шагов от мольберта, чтобы примерить расстояние, и стоял, что-то обдумывая. Затем шел наверх и возвращался с Еленой Ивановной. Бывало, что она подсказывала и какую-то новую тему, за которую всегда особенно горячо принимался Николай Константинович. Нигде и никогда раньше или позже я не видел такой согласованности, взаимопонимания и единства устремлений».

Упомянутый раньше буддийский монах при первом знакомстве с Рерихами отметил: «Я удивляюсь, как Елена Ивановна смотрела таким же жаждущим взглядом на картину, как и я, как будто видит впервые, хотя ведь много раз видела».

Ранее говорилось о том, что ряд картин Рериха был в прямом смысле «подсказан» Еленой Ивановной, ведь они представляли собой зарисовки ее снов. «Другиня, спутница и вдохновительница», как называл супругу художник, всегда от начала до завершения присутствовала в его полотнах, словно являя древний мистериальный закон, согласно которому ни одно теургическое действо, значительное жизненное начинание или творческий акт не могут быть совершены без участия женского начала. Все это позволило Рериху, посвятившему своей жене множество работ, сказать, что, по справедливости, на его картинах «должно стоять два имени – мужское и женское».

Если вся жизнь Елены Ивановны состояла в непрерывном совершенствовании себя, то возникает естественная мысль – значит, существовало и то, что нуждалось в улучшении. Что же можно сказать о подробностях внешней и внутренней жизни Елены Ивановны, связанных с преодолением несовершенств? С чем она боролась в себе и как боролась?

Нравственная безупречность поведения Матери Агни Йоги и ее сдержанность, идущая от нежелания хоть как-то обременять окружающих своими внутренними проблемами, переводит разговор о ее преодолеваемых в тяжком труде несовершенствах в зыбкую область предположений. Самое пристальное изучение ее жизни оставляет совсем немного материала даже для приблизительных выводов. Можно только догадываться, как на самом деле происходил процесс «сжигания» несовершенных свойств души и черт характера. Елена Ивановна всегда была против широкого оповещения личных опытов и в обнародованных материалах старалась донести до людей именно общечеловеческие стороны совершенствования. Никто из близко знавших ее не оставил свидетельств об этой деликатной стороне внутренней жизни. Другьям и сотрудникам она казалась человеком, неизмеримо выше их продвинутым на эволюционной лестнице бытия. Удивительно, но и отзывы врагов и противников, которые, словно кривое зеркало, могли бы донести отблеск реальных внутренних проблем, построены на внешне выдуманных событиях, нелепых обвинениях и клевете.

Так, например, в эмигрантских кругах о ней говорили, что она сестра последнего русского царя; что она возглавляет теософский центр в Адьяре, хотя на самом деле она там ни разу не была и находилась в более чем прохладных отношениях с теософской верхушкой; что она хочет завоевать духовную популярность, хотя почти все свои труды она публиковала анонимно. Но она оставила врагам право на одну лишь клевету и не дала повода сослаться ни на один реальный поступок, который с какой-либо стороны отрицательно ее характеризовал. Здесь она была верна семейному принципу: наши дела должны быть кристально чисты, ибо мы живем на глазах всего мира.

Если постулат – меру света можно определить только в сравнении с тенью – принять в качестве закона, помогающего познать человека, то в отношении Елены Ивановны важно почувствовать и увидеть то, что субъективно не совпадало с традиционным взглядом на недостатки как свойства, причиняющие ближним неприятности. Точнее, говорить о них, как о несовершенствах или психологических проблемах, отвлекающих ее от главной цели бытия и более ощутимых в юный период жизни – рассеянности, недостаточной устойчивости в труде, неуверенности в себе, подверженности влияниям родственников. Жизненный путь Елены Ивановны начинался в обычных для людей ее круга условиях, и при всех выдающихся способностях она в молодости разделяла несовершенства и проблемы ближайшего окружения, потом в огне устремления эти несовершенства сжигались, и, наконец, на зрелом этапе она, ведя за собой тысячи людей, как бы вбирая в себя их недостатки, помогала преобразовать их в горниле подвига (конечно, при их согласии на труд и совершенствование). Последняя стадия преодоления недостатков имела еще в древнейшие времена множество определений – «испытание чаши с ядом мира», «принятие на себя ноши мира», «искупление грехов мира сего». Степень духовного слияния с человечеством, достигнутая на этом пути Еленой Ивановной, заставляет вспоминать опыт Рамакришны, который, страдая неизлечимым заболеванием и не будучи в состоянии без адской боли принимать пищу, молил Творца даровать ему силы вынести испытание, и в итоге почувствовал, что сил достаточно; он настолько растворил свою личность в людях и проникся ощущением единства, что во время еды ему казалось – он ест «миллионами ртов».

Очень важный ключ к пониманию подхода Елены Ивановны к собственным несовершенствам дает ее личное признание: когда она видела в человеке какой-нибудь недостаток, она тотчас же примеряла его к себе, задумываясь, – нет ли у меня чего-либо подобного? Логика большинства людей предполагает иную реакцию: в лучшем случае тактично промолчать, чаще всего – указать человеку на недостаток, а нередко случается и так, что человек собственные недостатки подозревает у другого. Логика Елены Ивановны состояла в том, чтобы непрерывно держать перед собой свечу совести и проверять себя на чистоту отношения к миру и людям...

Из всех многообразных видов творческого труда самым высоким и сложным Мать Агни Йоги считала работу над собой. О том, насколько трепетным и проникновенным было ее отношение к этой работе, можно судить по следующей обширной цитате из письма:

«Современному Цицерону, восклицающему – О, Катилина, когда ты кончишь нас преследовать – могу ответить – надеюсь, что никогда, ибо конец преследования означал бы начало разложения. Существует земной закон, по которому с того момента, как прекращается всякое преследование и достигается всеобщее признание, начинается и разложение. Борьба есть основа существования и продвижения, и потому человек без борьбы обращается в ничтожество и произвол.

Борьба в наши дни, конечно, усилилась и расширилась, ибо сейчас нельзя назвать ни одной отрасли жизни, где бы не происходило столкновение различных начал. Потому Учение говорит – полюбите борьбу. Но борьбу эту мы должны перенести на более высокий план, и для этого необходимо выработать и утвердить свою внутреннюю правду при посредстве углубления в Учение и самоуглубления и лютой борьбы с самим собой. Этим мы поднимем себя и всех приходящих в соприкосновение с нами. Итак, мы снова вернулись к великому понятию воспитания и самовоспитания».

Глядя на результат внутренней работы, слагавшей личность Елены Ивановны, можно быть уверенным, что работа эта была проделана с великой тщательностью. Ее характер воплощает в себе лучшие черты русской женщины – милосердие, строгость, самоотверженность, достоинство, великодушие, и совершенно лишен даже малейших признаков того, что можно отнести к худшим проявлениям женской психологии, истоком которых служит мелочность. Сам ее облик вызывает мысли о женщине будущего и содержит в себе указание того восходящего направления, в котором должна двигаться и развиваться сегодняшняя женщина. Своеобразие ее личности состоит также в отсутствии какой бы то ни было раздвоенности и в исключительной нравственной цельности, здоровье души. Весь ее жизненный путь, несмотря на огромное, возрастающее к концу напряжение, вызывает ощущение полной естественности каждого шага и особой прозрачности душевной ткани. Тем не менее эта прозрачность, чем больше в нее вглядываться, оставляет непреходящее впечатление загадки. Светлая загадка, необъяснимая тайна цельной индивидуальности, наряду с героизмом и нравственной высотой, венчает соцветие ее духовных качеств.

Совместные усилия в преображении жизни отметили особым своеобразием подвиг, совершенный Рерихами, добавили этому понятию новые грани в ряду лучших находений человечества. Подвижники прошлого для того, чтобы лучше запечатлеть в сознании людей величие провозглашенных ими истин, чаще всего кончали костром или героической гибелью. Во всяком случае жизнь их, как правило, несла на себе отпечаток мученической аскезы или своего рода социального поражения. Однако сегодня вериги утратили убедительность: для того, чтобы увлечь людей, требовалось большее – красота и полнота победы на всех планах бытия.

Но на внешнем плане такая победа оказалась бы недостижима при сражении с тьмою врагов и трудностей один на один – лишь содружество гармоничных индивидуальностей смогло успешно противостоять злу. В этом случае неизбежное при одолении жизненных преград духовное одиночество уравнивалось общинным началом, во много раз усиливающим единичную волю.

...Победа на внешнем плане еще не означает реализации абсолютно всех замыслов, обеспеченного благополучия или неопровержимого всеобщего признания. Только ничтожный человек способен прожить жизнь без возмущения противодействующих стихий, клеветы и серьезных противников. В этом смысле жизнь Елены Ивановны была полна опасностей и самых сложных препятствий даже в относительно спокойный индийский период, только эти препятствия после этапа пройденных внешних испытаний естественным образом перешли во внутренний план. При этом духовный путь Матери Агни Йоги и всей семьи, пройденный по завету Учения «как по струне бездну: красиво, бережно и стремительно», отрицал малейшее проявление нравственных компромиссов. Каждый из Рерихов сумел одержать победу и над собой, и над обстоятельствами, преобразить себя и выстроить жизнь по законам красоты, избежав внешнего ущемления. Такая победа, завершающая долгий путь земной судьбы на мажорной ноте, – самая высокая и трудная победа.

Она явилась отражением победного шествия Эпохи Огня, о наступлении которой Елена Ивановна Рерих принесла благую весть человечеству.

Основные даты жизни и деятельности Е.И.Рерих

- 1879 – родилась 31 января (12 февраля по н. ст.) в Петербурге.
- 1895 – 1899 – училась в музыкальной школе при Петербургской консерватории.
- 1893 – знакомство с Н.К.Рерихом.
- 1901 – вступление в брак с Н.К.Рерихом.
- 1902 – рождение первого сына Юрия.
- 1903-1904 – совместно с Н.К.Рерихом путешествие по русским городам.
- 1904 – рождение второго сына Святослава.
- 1906 – путешествие в Швейцарию.
- 1907 – поездка в Финляндию.
- 1907-1912 – пристальное изучение восточной философии.
- 1916 – переезд в Карелию в связи с болезнью Н.К.Рериха.
- 1919 – отъезд из Финляндии в Лондон. Знакомство с Р.Тагором.
- 1920 – начало работы над первой книгой Живой Этики «Листы сада Мории» («Зов»).
- 1923 – отъезд из Лондона в США.
- 1920-1922 – продолжение работы над книгой «Листы сада Мории». Культурно-просветительная деятельность.
- 1923 – отъезд из США в Париж, а затем в Индию.
- 1924 – пребывание в Сиккиме и Бутане. Работа над второй книгой Живой Этики «Листы сада Мории» («Озарение»).
- 1925 – путешествие по Центральной Азии. Выход в свет книги «Листы сада Мории» («Озарение»).
- 1926 – приезд в Москву, посещение Алтая и Бурятии на обратном пути.
- 1926-1927 – продолжение Центрально-Азиатской экспедиции. Выход в свет книги «Основы буддизма» и «Община».
- 1928 – прибытие в Дарджилинг и завершение экспедиции. Приобретение дома в долине Кулу. С 1928 года Е.И.Рерих безвыездно живет в Индии.
- 1929 – выход в свет книги «Криптограммы Востока».
- 1929-1937 – работа над серией книг Агни Йоги и их публикация в Латвии и Западной Европе. Обширная переписка с рериховскими обществами всего мира.
- 1940 – издание двухтомника Писем и «Тайной Доктрины» Е.П.Блаватской в русском переводе.
- 1947 – переезд в Калимпонг вместе с Юрием Николаевичем после смерти Н.К.Рериха. Руководство рериховскими обществами.
- 1955 (5 октября) – уход Елены Ивановны Рерих.